

ISSN 2500-347X

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2017 2 (786)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

SOCIAL SCIENCES

Issue 2 (786)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Выпуск 2 (786)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2017

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор научного журнала
«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки»
доктор философских наук, профессор **И. К. Харичкин**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ириханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ириханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С. С. Кунанбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусавев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (*ответственный редактор*)

Политические науки

В. К. Белозёров, д-р полит. наук, доц. (МГЛУ)
А. В. Брега, д-р полит. наук, проф. (Финансовый университет
при Правительстве РФ)
Д. Пророкович, д-р полит. наук (г. Белград, Сербия)
Ю. В. Синчук, д-р полит. наук, проф. (МГЛУ)
И. К. Харичкин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

Исторические науки

Л. Г. Ивашов, д-р истор. наук (МГЛУ)
И. Кемаль Оглу, д-р истор. наук, доц. (Турецкая Республика)
А. А. Колесников, д-р истор. наук, проф. (Санкт-Петербургский
информационно-аналитический центр РИСИ)
В. М. Плоских, д-р истор. наук, доц. (Киргизская Республика)
А. М. Хазанов, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)

Социологические науки

А. Беблер, д-р социол. наук, проф. (г. Любляна, Словения)
Е. И. Кравченко, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
И. В. Образцов, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
А. В. Саблуков, д-р социол. наук, доц. (МГЛУ)
В. Л. Примаков, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Васильева М. М., Елина С. Б.</i> «Мягкая сила» как средство управления общественно-политическими процессами	9
<i>Емельянов А. И.</i> Латинская Америка: зарождение нового геополитического центра силы	21
<i>Иванов Г. В., Жаринов Н. В., Дуброва С. Н., Кондратьев А. В.</i> Деятельность различных государств по усилению угроз национальной безопасности в Арктике	33
<i>Лесников Г. П.</i> Природа, формы и основные направления развития механизма «мягкая сила» в качестве оружия экспансионистской политики	43
<i>Макаревич Э. Ф., Жеглова Ю. Г.</i> Стратегии «мягкой силы» в информационных войнах: историческая, политическая и культурная динамика	61
<i>Михалёв Ю. А.</i> Интернет в современном государстве	85
<i>Сидорова Г. М.</i> О тенденциях распространения радикального ислама в Африке (на примере Демократической Республики Конго)	90
<i>Синчук Ю. В., Журавель В. П.</i> Россия и европейские государства в Арктике	106

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Бурлай Я. Н.</i> Великая русская революция и Латинская Америка	116
<i>Жерлицына Н. А.</i> Российские научные экспедиции по Северной Африке в конце XIX – начале XX вв.	124
<i>Мартынов Е. В.</i> Социальная реклама как направление государственной политики в СССР	132

<i>Минин Е. М.</i>	
Крушение Берлинской стены: как это было	144
<i>Обернихин Е. А., Трякин А. Н.</i>	
Проблематика создания и сохранения советских воинских захоронений в Чехии	154
<i>Соклаков А. Ю.</i>	
Казаки в Великой смуте первой четверти XX столетия	170
<i>Репко С. И.</i>	
Грандстратегия США (2008–2017)	183

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Лоскутова И. М., Синяев М. В.</i>	
Риски становления социальной структуры российского общества и образовательные траектории молодежи	194
<i>Луцкая Е. Е., Леонтьев С. В.</i>	
Адаптация иностранных студентов к МПГУ в фокусе социологических исследований	201
<i>Миняжев Т. Р., Лян Янь</i>	
Теоретико-методологические ориентиры в изучении практик потребления в современном Китае	212
<i>Образцов И. В., Половнёв А. В.</i>	
Удовлетворенность студентов качеством обучения в вузе: социологический анализ на примере МГЛУ	221
<i>Перкова Е. П.</i>	
Социологический анализ особенностей организационной культуры современного предприятия ракетно-космической промышленности	242
<i>Перова А. Е.</i>	
Локальные нарративы «новой» катастрофы: кейс-стади аварии на АЭС Фукусима-1 в Японии	252
<i>Примаков В. Л.</i>	
Современные коммуникации и профилактика экстремизма среди молодежи: научный формат социологического анализа проблемы	261

CONTENTS

POLITICAL SCIENCES

<i>Vassiljeva M. M., Elina S. B.</i> “Soft Power” for Public Political Process Control	9
<i>Emelianov A. I.</i> Latin America: origin of a new Geopolitical Center of Power	21
<i>Ivanov G. V., Zharinov N. V., Dubrova S. N. Kondratiev A. V.</i> The Activities of Various States to Strengthen the Threats to National Security in the Arctic	33
<i>Lesnikov G. P.</i> Nature, Forms and Main Directions of the Development of the Mechanism, Called «Soft Power» as a Weapon of the Expansionist Politics	43
<i>Makarevich E. F.</i> Soft Power Strategies in Media Wars: Historical, Political and Cultural Dynamics	61
<i>Mikhalev Yu. A.</i> Internet in the Modern State	85
<i>Sidorova G. M.</i> Trends in the Spread of Radical Islam in Africa (the Case of the Democratic Republic of the Congo)	90
<i>Sinchuk Yu. V., Zhuravel V. P.</i> Russia and European States in the Arctic	106

HISTORICAL SCIENCES

<i>Burliay Yan</i> The Great Russian Revolution and Latin America	116
<i>Zaguljaev A. F.</i> The Significance of St. Malo Summit (1998) for European Security Policy	124
<i>Martynov E. V.</i> Social Advertising as the Direction of State Policy in the USSR	132

<i>Minin E. M.</i>	
The Fall of the Berlin Wall: How in Was	144
<i>Obernikhin Y. A., Tryakin A. N.</i>	
Problems of Creating and Preserving Soviet Military Burials in Czech Republic	154
<i>Soklakov A. Yu.</i>	
Cossacks in the Great Distemper of the 20 th Century First Quarter	170
<i>Repko S. I.</i>	
American Grand Strategy (2008–2017)	183

SOCIOLOGICAL SCIENCES

<i>Loskutova I. M., Sinyaev M. V.</i>	
The Risks of Formation of Social Structure of Russian Society, the Educational Trajectory of Youth	194
<i>Lutsкая E. E., Leontiev S. V.</i>	
Adaptation of Foreign Students to MSPU in Focus of Sociological Research	201
<i>Miniazhev T., Lian Yang</i>	
Theoretical and Methodological Foundations to Study Consumption Practices in Modern China	212
<i>Obraztsov I. V., Polovnev A. V.</i>	
Students' Satisfaction With Quality of High School Education: Sociological Analysis Based on MSLU	221
<i>Perkova E. P.</i>	
Sociological Analysis of Features of Organizational Culture of the Modern Enterprise of the Space-Rocket Industry	242
<i>Perova A. E.</i>	
Local Narrative of a "New" Catastrophe Based on the Example of the Fukushima-Daiichi Nuclear Power Station Breakdown in Japan	252
<i>Primakov V. L.</i>	
Modern Communication and Prevention of Extremism Among Youth: Scientific Format of Sociological Analysis of the Problem	261

УДК 32.019.51

М. М. Васильева, С. Б. Елина

Васильева М.М., кандидат политических наук; доцент кафедры связей с общественностью Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: catmar@yandex.ru

Елина С.Б., ст. преподаватель кафедры связей с общественностью Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: elina31@mail.ru

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК СРЕДСТВО УПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Информация и информационные коммуникации становятся сегодня важными факторами в отстаивании национальных интересов России в глобальном информационном пространстве. В статье рассматривается вопрос о «мягкой силе» как средстве управления общественно-политическим процессом. Авторы приходят к выводу о том, что сегодня необходимо развивать и совершенствовать ресурс «мягкой силы», разъяснять ее миссию в глобальном мире.

Ключевые слова: «мягкая сила»; внешняя политика; информация; информационное воздействие.

Vassiljeva M. M.

PhD in Politics, Associate professor of the Department of Public Relations, Institute for Foreign Relations and Social and Political Studies, MSLU;
e-mail: catmar@yandex.ru

Elina S. B.

Senior Tutor of the Department of Public Relations, Institute for Foreign Relations and Social and Political Studies, MSLU; e-mail: elina31@mail.ru

“SOFT POWER” FOR PUBLIC POLITICAL PROCESS CONTROL

The main problem tackled in this research is information warfare as means of ruling political process. The author comes to a conclusion information warfare are really dangerous nowadays, as shattering an enemy-state's policy, economy and social bases, aimed at territorial atomism, good living conditions at the cost of other states.

Key words: “soft power”; foreign policy; information; communication technologies.

Долгое время считалось, что уровень могущества государства определяет военная сила, в XX в. мы наблюдали выдвижение на первый план экономической силы, то сегодня главным фактором могущества государства становится информация. Обладание государством такой способностью открывает для него путь к дальнейшему наращиванию на принципиально новой основе своей экономической, политической и военной мощи. Сегодня правомерно утверждать, что при прочих равных условиях достижение государством стратегических преимуществ зависит от имеющихся у него информационных возможностей.

В современном мире научно-технический прогресс превращает информацию не только в исключительно ценный товар, но и в средство активного воздействия на общественное сознание. Наряду с традиционным вооружением и военной техникой реальным оружием становится информация и информационное оружие. Современные технологии позволяют влиять на сознание, на психику огромного числа людей одновременно, не имея прямого контакта и взаимодействия с ними.

Информационно-психологические методы воздействия становятся всё более масштабными и результативными, в силу чего всё чаще используются субъектами политики для достижения своих целей вместо так называемых горячих войн. В мировой практике межгосударственных отношений создаются условия не только для последовательной трансформации вооруженного противостояния в информационно-психологическое противоборство, но и для превращения его в самостоятельное направление внешней политики развитых государств [Васильева 2012].

Сегодня в научном мире информация вполне обоснованно считается политическим капиталом нации. Прогрессивная состоятельность и политический вес страны, ее возможности эффективно влиять на мировые события зависят не только от вещественно-силовых факторов (например, военной и экономической мощи), но и от возможности использовать интеллектуальный потенциал других стран, распространять и внедрять свои духовные ценности, а также тормозить культурную экспансию других народов, трансформировать их культурные ценности.

Обозначая новые контуры внешней политики страны, Президент В.В. Путин заявил: «Традиционные, привычные методы

международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например так называемой «мягкой силы», есть над чем подумать» [Совещание послов... Электронный ресурс]. Об этом же говорил и глава МИД С. В. Лавров [Мягкая сила... Электронный ресурс; Студнева... Электронный ресурс].

В Концепции внешней политики Российской Федерации понятие «мягкая сила» появилось в феврале 2013 г. и было определено как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности объединений граждан, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие методы и технологии, альтернативные классической дипломатии». «Мягкая сила» была признана «неотъемлемой составляющей современной международной политики» [Концепция внешней политики... Электронный ресурс].

В настоящее время необходимо создавать систему обеспечения информационной безопасности, которая позволит предупреждать и противодействовать реализации имеющихся угроз информационной безопасности, а также выявлять и принимать меры против уже появившихся угроз.

В России на данный момент действует целая система обеспечения информационной безопасности, которая опирается на Доктрину информационной безопасности РФ. Именно это направление государственной политики России является одним из приоритетных элементов внешнеполитической стратегии российского государства. РФ предприняла ряд усилий, направленных на укрепление присутствия в мировом информационном пространстве, которые свидетельствуют о том, что государственная информационная политика России направлена в настоящее время на формирование и поддержание благоприятного имиджа российского государства. С этой целью используется деятельность структур внешнеполитического и внешнеэкономического аппарата (дипломатических и консульских представительств, информационных центров, торговых домов и т. д.), которые не только выполняют свои прямые обязанности, но и должны пропагандировать российские традиции и культурные ценности. Успешным примером считается телевизионная сеть RT – три круглосуточных информационных телеканала, более чем в 100 странах мира на английском,

арабском и испанском языках, телеканалы RT America и RT UK, выходящие в эфир из собственных студий в Вашингтоне и Лондоне, документальный канал RTД, а также глобальное Новостное видеоагентство RUPTLY, предлагающее эксклюзивные материалы телеканалам всего мира. RT круглосуточно доступен уже 700 млн зрителей по всему миру. В 2014 г. RT запустил информационный портал на немецком, а в 2015 г. – на французском языке [Иванченко... Электронный ресурс]. А также не так давно созданное Новостное агентство «Sputnik» (ранее – «Московское радио», «Голос России»), включающее веб-сайты, мобильное приложение, онлайн-трансляции, радиовещательную службу. «Sputnik» имеет региональные представительства и бюро в разных странах, в том числе в США, Египте, Китае и Соединенном Королевстве. Агентство освещает новости мировой политики и экономики и ориентировано на зарубежную аудиторию [там же].

В последнее время на страницах газет и журналов, в выступлениях ученых-теоретиков и практиков всё чаще встречаются такие понятия, как *информационное воздействие*, *информационная война*, *информационное оружие*. В качестве явления объективного мира информационное противоборство зародилось еще в глубокой древности. Оно возникло одновременно с появлением вооруженного противоборства как составная часть вооруженной борьбы в виде психологического средства ослабления боевой мощи противника и поднятия боевого духа своих войск [Васильева 2012].

Так, в основу современных теоретических и практических подходов китайских и американских специалистов в области информационного воздействия легли труды китайского философа Сунь Цзы (VI–V вв. до н. э.) В военном противоборстве на одно из первых мест Сунь Цзы поставил психологическое воздействие на противника. В своем «Трактате о военном искусстве» он писал: «Во всякой войне, как правило, наилучшая политика сводится к захвату государства целым; разрушить его значительно легче. Взять в плен армию противника лучше, чем ее уничтожить <...>. Одержать сотню побед в сражениях – это не предел искусства. Покорить противника без сражения – вот венец искусства» [цит по: Воронцова, Фролов 2006, с. 9].

Информационное противоборство пронизывает в настоящее время все формы борьбы, начиная от дипломатической и экономической и заканчивая вооруженной борьбой, развиваясь, вместе

с тем, как самостоятельная сфера деятельности. Информация и информационные технологии постепенно становятся действенным средством завоевания мира. Маршал Николай Огарков подчеркивал, что «поле битвы будущего – это прежде всего информация» [Васильева 2012].

С наступлением третьего тысячелетия лидерство в мире будет определяться не столько экономическим потенциалом государства, сколько его способностью контролировать информационные и общественно-политические процессы. Так, Э. Тофлер в своей книге «Война и антивоина» утверждает, что информационные технологии превращают общества второй волны (индустриальные) в общества третьей волны (информационные). Другими словами, произойдет своего рода переход от экономической к информационной эре развития цивилизации [Тофлер 2005].

Современные информационные технологии всё глубже проникают во все сферы жизни современного общества. Это проникновение становится настолько глубоким, что затрагивает жизненные интересы государств, сферу их информационной безопасности. В конце 1970-х гг. Э. Фромм говорил о возможности создания информационного империализма. Информация на самом деле может стать средством информационного давления и господства [Тофлер... Электронный ресурс].

Новейшие политические технологии, вооруженные средствами информатики, могут уверенно формировать общественное мнение, манипулировать общественным сознанием. Господство информационных технологий способно решительно изменить всю общественную жизнь.

Сегодня технологически развитые государства, накопившие теоретический и практический опыт информационного противоборства, заняли на мировой арене передовые позиции. Для других государств информационное противоборство стало крайне опасным явлением.

«Мягкая сила» является противоположностью «жесткой силы». Последняя является набором инструментов давления (военно-политического, экономического, дипломатического), которые заставляют другие страны действовать так, как «надо Америке» [Белозёров 2015].

В последние годы среди военно-политического руководства США стала популярна так называемая концепция

информационной войны. Концепция базируется на аксиоме, утверждающей, что информация и информационные технологии имеют очень важное значение для национальной безопасности в целом и для военных действий, в частности.

По мнению американских специалистов, условно существует четыре формы психологической войны, осуществляемые посредством проведения следующих операций:

- операции, направленные против населения;
- операции, направленные против войск противника;
- операции, направленные против командования противника;
- культурная экспансия.

Последняя форма представляет для нас особый интерес. Сегодня становится очевидным тот факт, что многие страны всерьез озабочены масштабами вторжения в их национальную культуру западной (преимущественно американской) массовой культуры. Опасения вызваны тем, что привнесенные со стороны «культурные ценности» в некоторой степени вытесняют традиционное культурное наследие того или иного народа, снижают уровень национального самосознания, что может привести к определенным последствиям в сфере политики.

В ходе информационно-психологического воздействия население становится носителем нужной идеологии, что дает возможность в полной мере использовать средства производства, рабочую силу, инфраструктуру в целях организатора воздействия. Кризис морали и нравственности, духовная деградация, сужение благополучного экономического пространства, истощаемость сырьевых ресурсов вызывают к жизни такие социально-психологические факторы, как злоба, зависть, ностальгия по прошлому и т. п., по-прежнему становятся основными причинами столкновения интересов различных государств, обострения политического, военного и информационного соперничества, возникновения политических и экономических противоречий и территориальных притязаний.

Культурологическая пропаганда представляет собой массовые коммуникации, чье содержание включает в себя явления культуры, функции которых изначально не связаны с массово-коммуникативными функциями, подчинены последним, искажены и часто превращаются в свою функциональную противоположность [Васильева 2012].

Существуют определенные приемы («методы») культурологической пропаганды: сокращение текста; добавление в текст чужеродных функциональных элементов; неконцептуальное цитирование (вырывание какой-либо цитаты из общего свода суждений или изоляция всего текста от общего конкретно-исторического контекста), включение всего текста или его частей в искусственный контекст и т. п. Полученные по существу новые тексты выдаются за исходные [Васильева 2012].

Культурологическая пропаганда в практике современных СМИ наиболее полно представлена и проявляется в рекламной деятельности. Здесь культура «придаток» рекламы, нечто сопутствующее, лишь средство в купле-продаже и формировании «рекламизированного» типа сознания. Например, для рекламы продуктов или для достижения определенной цели в развитии политической ситуации используются классические музыкальные, литературные произведения, живопись, архитектура и т. д. В любом случае, помимо достижения коммерческих, политических или каких-либо других подобных целей, культурологическая пропаганда уже объективно, ложно интерпретирует исходные тексты, нерекламные явления культуры, прежде всего великое классическое наследие, представляющее лучшие традиции в национальных культурах разных народов.

В условиях «электронной революции» такая модернизация классического наследия национальных культур особенно опасна, поскольку она нивелирует их, не только вовлекая, но и превращая в массовую культуру. Вместо равноправного выравнивания культурного обмена, т. е. диалога между национальными культурами, наблюдается своеобразная культурологическая интервенция транснациональных компаний, навязывание ими лишенной национальных корней «модели культуры», монолизм этой модели, денационализация и уничтожение культур стран-адресатов в жестких рамках «информационного общества», маклюэновской «всемирной деревни». Не только рекламизация, но и культурологическая пропаганда в целом становится «троянским конем» чужеродной культуры, чужеродной цивилизации.

Противостоять культурологической пропаганде можно только в условиях национального суверенитета, уважения традиций и обычаев каждого народа. Еще с древних времен важнейшей частью информационного противоборства являлась выработка

психологической устойчивости мирного населения к влиянию чужеземных нравов путем воспитания мирного населения в духе патриотизма и верности нравственным ценностям своей страны [Воронцова, Фролов 2006]. Знание же национально-традиционной культуры и соответствие ей является обязательным условием массовой коммуникации. Национальные ценности есть условие перехода и к качественно новой цивилизации, поскольку являются ее фундаментом.

Информация, становясь мощным двигателем общественного прогресса, фактором многократного усиления потенциала государства и общества в то же время несет в себе опасность манипуляции общественным сознанием, осуществления «интеллектуального колониализма», что является тем более опасным, если речь идет об обеспечении национальной безопасности.

«Мягкая сила» позволяет достигать целей внешней и внутренней политики без применения физического насилия, за счет информационных, психологических, моральных и иных рычагов воздействия на сознание и чувства людей [Современные международные отношения... 2016].

Теория «мягкой силы», разработанная американским политологом, профессором Гарвардского университета Дж. Наем-мл., стала сегодня главным инструментарием в системе международных отношений, направленным на получение и удержание ведущих позиций на международной арене.

Дж. Най-мл. впервые сформулировал понятие «мягкая сила» (softpower) в 1990 г. в работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы». Он определяет «мягкую силу» как способность получать желаемый политический результат путем привлекательного побуждения другой стороны принять ваши цели [Нье 1991]. Дж. Най-мл. считал, что этого следует добиваться путем облачения своего политического товара (идей, идеологий, инициатив, повесток дня, институтов) в привлекательную для других упаковку, подкрепляя это солидными «призовыми» за сотрудничество, например расширяя рыночные возможности партнера [Joff 1997].

Следует отметить, что технология применения «мягкой силы» была известна еще в Древнем Китае. В «Книге правителя области

Шан» говорится: «Совершенно мудрый, управляя людьми, должен непременно овладеть их умом и сердцами, и тогда он может использовать их силу» [Книга правителя области... 1993, с. 282].

Как отмечает В. К. Белозёров, «постоянству стратегии США и других политических оппонентов России следует противопоставить постоянство и гибкость своей стратегии, профессионализм внешней политики» [Белозёров 2015, с. 24]. У России есть своя парадигма использования «мягкой силы», которая основывается на нравственно-этических принципах. Как отмечается в «Концепции внешней политики РФ» неотъемлемой частью современной международной политики стала «мягкая сила» [Концепция внешней политики... Электронный ресурс]. «Мягкая сила» определяется в документе как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы» [там же].

В концепции также отмечается, что обострение различных конфликтов в мире ведет к противоправному использованию «мягкой силы» и использованию ее в «целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением» [там же].

В Концепции также говорится, что основной угрозой для стабильности и безопасности в мире остаются финансово-экономические проблемы ведущих стран мира, рост конкуренции вокруг распределения стратегических ресурсов, а также «повышение фактора национальной и религиозной идентичности», что прослеживается в событиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

В документе отмечается, что опасность для международного мира и стабильности представляют также попытки урегулировать кризисы путем применения вне рамок Совета Безопасности ООН различных санкций и иных мер давления и силового воздействия на государства, в том числе вооруженную агрессию.

Российская «мягкая сила» применяется как за рубежом, так и внутри государства. Она направлена прежде всего на продвижение благоприятного имиджа страны и борьбу с навязанными извне стереотипами в отношении РФ и ее граждан.

Одним из инструментов «мягкой силы» стал фонд «Русский мир», общественно-государственная организация, созданная Указом Президента РФ В.В.Путина 21 июня 2007 г. Целями фонда являются популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом. Глава фонда В. А. Никонов считает, что «Русский мир – это мир России. Призвание каждого человека – помогать своему отечеству, заботиться о ближнем. Очень часто можно услышать, что страна могла бы сделать для людей. Но ничуть не менее важно, что каждый из нас может сделать для Родины» [Фонд «Русский мир»... Электронный ресурс]. Русский мир – это еще и русское примирение, согласие, русский лад, единство, преодоленные расколы XX в. Примером проекта «мягкой силы» фонда может служить продвижение русского языка в мире. В Тбилиси, на базе «Российско-грузинского общественного центра», с 2015 г. организованы бесплатные курсы русского языка. Их ведут профессиональные педагоги, которые объясняют особенности языка, его произношения, эмоциональную специфику. Среди кандидатов выучить русский язык и углубить знания: практикующие врачи, действующие юристы, работники банковского сектора, журналисты ведущих СМИ, сотрудники госучреждений и представители частного бизнеса [Бесплатные курсы русского... Электронный ресурс].

Сегодня Россия располагает существенным потенциалом общественной дипломатии. «Русский мир» представляют миллионы людей в ближнем и дальнем зарубежье. Для них Россия, русский язык и культура были и будут привлекательными и притягательными, поскольку они испытывают человеческую потребность в поддержании связей с Россией и россиянами.

В 2016 г. Британское PR-агентство «Portland» впервые поместило Россию в список 30 наиболее влиятельных стран по критерию «мягкой силы» [Кузнецова... Электронный ресурс]. Вхождение в этот рейтинг означает возможность государств влиять на другие страны ценностями гражданского общества, а не деньгами или оружием.

Факторы рейтинга «мягкой силы» следующие:

- туризм;
- олимпийские медали;

- миграционные потоки;
- привлекательная индивидуальность;
- культура;
- политические ценности, институты и стратегии, которые расцениваются как легитимные или обладающие моральным авторитетом [Паршин... Электронный ресурс].

Махатма Ганди считал ненасилие ключом ко всем социальным проблемам, его правило – управление обществом, ориентированным на жизнь в согласии с человеческим достоинством, а его главный постулат выражен в концепции «ненасильственного несотрудничества», «гражданского неповиновения» в условиях проявляемой властью несправедливости.

Идеи ненасилия оказали определенное воздействие на многие стороны международных отношений. Они подтолкнули мировое сообщество к созданию соответствующих технологий ненасилия для разного рода конфликтов, к принятию ряда решений, повышающих роль этого феномена в международных отношениях.

Сегодня перед Российской Федерацией стоят задачи, решение которых возможно только посредством «мягкой силы». Они вытекают из потребностей внутреннего развития страны, модернизации самой России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозёров В. К.* Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии. 2015. № 4. С. 19–24.
- Бесплатные курсы русского языка пройдут в Тбилиси, редакция портала «Русский мир». 2015. 05 февраля. URL: russkiymir.ru/news/184487/
- Васильева М. М.* Информационная безопасность России в условиях глобализации // Геополитика, национальная безопасность, международные отношения. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. С. 26–34. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25 (604). Сер. «Политические науки»).
- Васильева М. М.* Информационное оружие как средство управления общественно-политическими процессами // Геополитика, международные отношения, социология. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. С. 30–38 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 25(658). Серия: Исторические и политические науки).
- Воронцова Л. В., Фролов Д. Б.* История и современность информационного противоборства. М.: Горячая линия – Телеком, 2006. 192 с.

- Иванченко И.* Мягкая сила России: что мы делаем не так? URL: www.picreadi.ru/myagkaya-sila-rossii-chto-my-delaem-ne-tak
- Книга правителя области Шан. М. : Ладомир, 1993. 282 с.
- Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.). URL: www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186
- Кузнецова О.* Россия вошла в топ 30 самых влиятельных стран по критерию «мягкой силы». URL: www.kommersant.ru/doc/3012786
- «Мягкая сила» и общественная дипломатия. Соповещение послов и постоянных представителей России // Президент России. Официальный сайт. URL: www.kremlin.ru/news/15902
- Паришин П.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: www.perspektivy.info/book/problematika_magkoj_sily_vo_vneshnej_politike_rossii_2014-03-03.htm
- Соповещение послов и постоянных представителей России. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/15902
- Современные международные отношения // под ред. А.И. Позднякова, В.К. Белозерова, М.М. Васильевой. М. : ЮРАЙТ, 2016. 339 с.
- Студнева Е.* МИД и Общественная палата России обсудили ресурсы «мягкой силы». Международная жизнь. URL: interaffairs.ru/read.php?item=8129
- Тоффлер Э.* Война и антивоина. М. : АСТ. 2005. 416 с.
- Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Toffl/intro.php
- Фонд «Русский мир» создан во исполнение Указа Президента РФ В. В. Путина от 21 июня 2007 г. URL: www.russkiymir.ru/fund
- Joff J.* How America Does it // Foreign Affairs. 1997. Vol. 76. № 5. September/October. P. 13–27.
- Nye S. J.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N. Y. : Basic Books, 1991.

УДК 327.35

А. И. Емельянов

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ;

e-mail: anton.politolog@ya.ru

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА СИЛЫ

В статье автор рассматривает перспективы Латинской Америки в качестве нового субъекта мирового политического процесса. В условиях увеличения влияния нетрадиционных акторов для латиноамериканского региона, таких как Китай и Россия, страны региона становятся не только объектом внимания в международных отношениях, но и субъектами, которые вступают в активное взаимодействие со странами, как в рамках региона, так и с представителями других регионов. Тем не менее автор подчеркивает, что в обозримом будущем латиноамериканские государства будут оставаться в числе активных участников мирового политического процесса, несмотря на остаточную зависимость от традиционного актора в лице США на политическую и экономическую жизнь региона.

Ключевые слова: Венесуэла; геополитика; Латинская Америка; мировая политика; Россия.

Emelianov A. I.

PhD (Political Science), Associate Professor of Political Science Department, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: anton.politolog@ya.ru

LATIN AMERICA: ORIGIN OF A NEW GEOPOLITICAL CENTER OF POWER

The author of the article considers prospects of Latin America as a new subject of the global political process. In the context of increasing influence of non-traditional actors for Latin America, such as China and Russia, the countries of the region are becoming not only objects of interest in the international relations, but also subjects, involved into active cooperation with different countries. Nevertheless, the author underlines that in the foreseeable future Latin American states will remain among the most active participants of the global political process, despite the residuary dependence on traditional actor the USA on political and economic life of the region.

Key words: Venezuela; geopolitics; Latin America; global politics; Russia.

В настоящее время всё более заметными становятся процессы самоидентификации народов Латинской Америки. В результате синтеза культур доколумбовых цивилизаций и культур стран Западной Европы начала формироваться общая цивилизационная сущность. Латиноамериканские народы, «близкие друг к другу по языковому, религиозному, культурному признакам, общему прошлому и желанию приобретения реального суверенитета от бывших метрополий, обрели качества, свидетельствующие об их цивилизационной общности» [Давыдов 2006, с. 7]. Самоидентификация народов Латинской Америки ведет к осознанию своей уникальности и необходимости отстаивания своих позиций на международной арене единым фронтом. В результате формирующаяся латиноамериканская цивилизация становится новым геополитическим центром в современном мировом политическом процессе.

Анализ профильной отечественной и зарубежной научной литературы, политическая практика показывают, что геополитика не находится в стагнации, а развивается с учетом современных реалий. Она имеет тенденции к многополярности [Вандам 2002; Сидорова 2015]. В связи с тем, что Россия является одним из ключевых акторов геополитики, она имеет все шансы реализовать свои геополитические задачи по созданию многополярного мира и формирования противовеса США в Латинской Америке.

В настоящее время Латинская Америка представляет собой важный объект мировой политики, так как свои устремления в данный регион направляют основные субъекты мировой политики. По обоснованному мнению отечественных экспертов, «Латинская Америка в течение долгого времени будет сохранять статус объекта мировой политики ввиду обильных запасов природных ресурсов, включая углеводороды» [Давыдов 2014, с. 37]. Следует учитывать, что Латинская Америка по-прежнему занимает довольно высокий геополитический рейтинг в силу обладания крупными запасами природных стратегических ресурсов. «В 2014 г. на Латинскую Америку пришлось 51 % мирового производства серебра, 50 % литья, 45 % меди, 27 % молибдена, 25 % олова, 23 % цинка и бокситов, 19 % золота и 18 % железа» [Manuelito, Jiménez 2015, с. 19]. Учитывая, что площадь Латинской Америки составляет 15–16 % площади всей суши с 10 % населения Земли, плотность населения в регионе меньше, чем в среднем на планете. Как правомерно

утверждает бразильский политолог М. Бандейра, «в совокупности с наличием в Латинской Америке огромных природных богатств, биологических, минеральных, водных и земельных ресурсов, становится очевидным существование всё еще открытых возможностей для будущего роста и развития латиноамериканских народов» [Bandeira 2006, с. 59]. Следует также учитывать, что «население Латинской Америки приближается к 550 млн жителей, т. е. на континенте уже живет каждый десятый житель Земли» [Атлас–2010... 2010, с. 47]. По всей видимости, развитие латиноамериканского региона будет идти на основе опоры на потенциал природных ресурсов. Подтверждение тому можно найти и в официальных геополитических документах США в отношении Латинской Америки [U.S. Policy Toward... 2009, Электронный ресурс].

В этих условиях Латинская Америка будет испытывать давление представителей англосаксонской цивилизации в лице США и ЕС, чья деятельность, в основном, направлена на удовлетворение собственных нужд за счет природных ресурсов региона, которые рассматриваются представителями либерализма как общее достояние человечества, которое необходимо поделить. Подобные заявления, в частности, были озвучены во время V Всемирного водного форума. В данном случае глобализация выступает как способ реализации эгоистических интересов тех или иных субъектов.

На волне самоидентификации во многих государствах Латинской Америки к власти пришли силы, политика которых направлена на укрепление позиций Латинской Америки на международной арене. Всё это ведет к тому, что правительства региона ставят национальные интересы государства выше собственных. Пренебрежение данным обстоятельством ведет к дестабилизации общества, поэтому в данном случае можно говорить о решающем влиянии цивилизационного фактора на политическую расстановку сил в регионе. Поэтому не стоит думать, что ряд государственных переворотов последнего времени и попытки таковых кардинальным образом изменят внешнеполитический курс, так как в противном случае их деятельность встретит оппозицию народа.

Имея в виду важность цивилизационного фактора в геополитике для обозначения современных цивилизаций, начинает использоваться категория «геоцивилизация», подчеркивающая их статус геополитических акторов [Глобальная геополитика 2002; Civilization

identity... 2007]. Небезынтересной представляется позиция политолога М. В. Ремизова, который считает что «этот термин можно употреблять к современным цивилизациям как к своеобразным альтернативам медленно сдающему свои позиции государству» [Ремизов 2003, Электронный ресурс].

Появление новых геополитических акторов, основанных на интеграции в рамках цивилизационной близости, приобретает значение в условиях необходимости разрешения насущных проблем Латинской Америки и защиты своих национальных и цивилизационных интересов. Американские исследователи выделили целый ряд интересов государств латиноамериканского региона на фоне текущих геополитических трансформаций. К ним следует отнести:

- «обеспечение всех государств региона гарантиями против внешней агрессии со стороны других стран;
- кодификацию и выработку средств защиты прав национальных меньшинств и этнических групп, наследников культуры автохтонных цивилизаций в отдельных государствах;
- формирование механизма разрешения региональных конфликтов без вмешательства извне;
- невмешательство государств во внутривосточную борьбу в государствах региона;
- помощь нуждающимся государствам региона с целью повышения условий для жизни населения этих стран;
- борьба с растущей криминализацией региона, наркотрафиком и терроризмом;
- сохранение окружающей среды и разумное использование природных ресурсов, являющихся достоянием латиноамериканских народов» [The Politics of Global Governance... 2010, с. 115–116].

Таким образом, справедливо утверждать, что у стран Латинской Америки начинают формироваться общие геополитические интересы. Логическим продолжением этого становится интенсификация совместных действий в рамках надгосударственных организаций. Западные ученые считают, что канализирование внешней политики в рамках региональных организаций служит еще одним императивом к конвергенции государств, идентифицирующих себя с определенной культурой и традициями и претендующих на

обладание статуса актора мировой политики [Civilization identity... 2007; The Politics of Global... 2010].

По мнению ряда исследователей, в настоящее время латиноамериканская цивилизация уже обладает признаками геополитического субъекта, так как государства региона оказывают влияние на политические отношения, политическую культуру различных стран мира [Кузык, Яковец 2008; Хантингтон 2003]. Таким образом, можно говорить, что латиноамериканская цивилизация приобретает качества «актора» мирового политического процесса. Под актором же принято понимать «субъект политического процесса, который способен изменить окружающую среду» [Цыганков 2009, с. 30].

Таким образом, латиноамериканская цивилизационная идентичность способствует трансформации Латинской Америки в нового актора мировой политики, а, стало быть, и новый геополитический центр. При этом можно выделить две группы субъектов, интенсифицирующих влияние региона на международные отношения:

- 1) отдельные государства региона, выступающие в качестве представителей всего латиноамериканского ареала;
- 2) различные региональные организации, а также совместная деятельность на международных форумах и площадках, где государства региона консолидируют свои действия по важнейшим международным вопросам.

В первую группу входят государства региона, играющие наиболее заметную роль в политической жизни региона. Примером может служить Бразилия. В своем стремлении стать региональным лидером она тратит большие средства на военные расходы. Целью таких расходов является «создание стратегической авиации, увеличение военно-морского флота в рамках планов по освоению Тихого и Атлантического океана и побережья Южной Америки и защиты государств региона от внешней военной угрозы» [BRASIL... 2009, Электронный ресурс]. Кроме того, Бразилия стремится создать мост «Китай – Бразилия – Западная Африка». Это необходимо для удовлетворения потребностей в промышленных товарах и инвестициях из Китая и притока ресурсов из западных африканских стран, что «также ведет к превращению Латинской Америки в один из наиболее значимых центров мировой экономики»

[Давыдов, Бобровиков 2009, с. 57]. Еще одним фактором является то, что бразильское правительство не скрывает своего стремления стать ключевым государством региона и войти в число стран, постоянных членов Совета Безопасности ООН, чтобы стать гарантом независимости стран региона от внешних политических субъектов и влиять на мировые процессы. Для достижения поставленных целей Бразилия готова использовать весь арсенал политико-экономических инструментов, что было не раз озвучено лидерами этого южно-американского государства [Lissardy 2011].

Венесуэла также укрепляет за Латинской Америкой статус субъекта мировой политики путем влияния на мировые рынки нефти и газа. Даже несмотря на кризис, политику остальных членов ОПЕК, долю, которую занимает Венесуэла на мировом рынке углеводородных ресурсов, велика. Именно в недрах этой страны имеются самые большие запасы нефти, что говорит «о долгосрочной перспективе Венесуэлы в качестве экспортера нефти» [BP Statistical Review... 2015, с. 6]. Это положение вещей принимается во внимание при рассмотрении антикризисных бюджетов в условиях спада мировой экономики и учитывается правительством страны в их внешней и внутренней политике, а также позволяет привлекать в страну большое количество иностранных инвестиций [Дроздова 2014].

Влияние, оказываемое Бразилией и Венесуэлой, подкрепляется деятельностью региональных наднациональных организаций, которые коллективными мерами стремятся принять участие в строительстве нового миропорядка. В основном это интеграционные объединения, которые проводят различные форумы и международные конференции на постоянной основе. Активными участниками этой группы являются УНАСУР и АЛБА. При этом до недавнего времени ведущей организацией в регионе считалась ОАГ, так как ее деятельность проходит под четким контролем США и служит продвижению идей «панамериканизма», «континентальной солидарности» и «общности судеб» [Хартия Организации Американских... 1948, Электронный ресурс].

В последнее время всё больше внимания уделяется ежегодным латиноамериканским саммитам, в ходе которых принимаются все более громкие заявления стран региона о повышении роли региона как в мировой политике. Например, в 2014 г. страны Латинской

Америки выступили категорически против введения эмбарго на поставку определенных групп товаров, в основном продовольственных, на территорию России [Миронов 2014]. Несмотря на продолжающиеся уговоры стран Европейского союза во время саммита ЕС со странами Латинской Америки, государства латинокарибского региона выступили против [ЕС и Латинская Америка... 2015]. Подобные действия государств латиноамериканского региона нарушили планы США и их союзников по дестабилизации России.

Относительно государств, образующих сегодня Латинскую Америку, интересно отметить и следующий факт. Учитывая, что в мире существует 193 официально признанных государства – члена Генеральной Ассамблеи ООН, 33 независимых государства – члена ООН находятся в Латинской Америке, что составляет 17% общего числа членов этой Международной организации. При таком процентном соотношении представляется несправедливым отсутствие в Совете Безопасности ООН постоянного представителя от этого региона.

Одним из проявлений большого влияния на мировую политику стала ситуация с политикой США в Европе, и их попытка дестабилизировать ситуацию в Восточной Европе. Американские посольства в Латинской Америке развернули беспрецедентную по активности кампанию, пытаясь заставить латиноамериканские и карибские правительства «единодушно осудить» действия России в Крыму и на юго-востоке Украины [Черняк 2014]. Однако этот замысел не удалось реализовать. Результаты голосования на Генеральной Ассамблее ООН 27 марта 2014 г. по проекту Резолюции «Территориальная целостность Украины» дали такой расклад: резолюцию поддержали 13 стран (среди них: Мексика, Панама, Коста-Рика, Колумбия, Чили); проголосовали против 4: Венесуэла, Куба, Никарагуа, Боливия. Воздержались – 14 стран (среди них Бразилия, Аргентина, Уругвай, Эквадор). Стоит выделить сдержанную позицию Бразилии, общепризнанного лидера Латинской Америки, члена БРИКС, страны, активно взаимодействующей с Россией на двусторонней основе. Бразилия воздержалась, несмотря на попытки представителей западных держав надавить на нее перед голосованием. Этой линии поведения Бразилия продолжает придерживаться, понимая, что во многом от нее зависит позиция

остальных государств региона, поэтому отвергает любые формы инспирированной Западом антироссийской кампании.

Еще одним примером нарастающего влияния стран Латинской Америки на мировую политику является ситуация вокруг политико-правового статуса Палестинской автономии. На протяжении многих лет страны Латинской Америки поддерживали позицию США в этом вопросе и настаивали на том, что Палестина является израильской территорией. Начиная с 2009 г., государства Латинской Америки одно за другим начали признавать политическую независимость палестинского государства [Latinoamérica reclama... 2011]. Это стал одним из первых проявлений совместной латиноамериканской позиции, противоположной позиции США, касательно арабо-израильского конфликта. Некоторые эксперты приходят к мнению, что «подобный шаг мог быть сделан с целью обострить ситуацию на Ближнем Востоке и тем самым отвлечь США от латиноамериканских процессов» [Карякин 2013, с. 487].

В результате это вылилось в то, что все государства Латинской Америки единым фронтом поддерживали инициативу того, чтобы Палестинская автономия была признана государством наблюдателем при ООН. Все 33 государства высказались «за», в то время как США и некоторые их союзники были против. Это вызвало негодование в Израиле и США, так как ранее считалось, что латиноамериканские государства сохраняют нейтралитет по данному вопросу [Генеральная ассамблея ООН... 2009].

Формирование цивилизационной идентичности в Латинской Америке имеет своим результатом не только формирование интеграционных образований на различных уровнях, но и создает предпосылки выработке единого курса стран определенного региона. Формирование многополярного мира, подкрепленное желанием народов Латинской Америки проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, стимулировали процессы активного надгосударственного строительства для координации внутренней политической и экономической деятельности региона и способствовали координации внешнеполитического курса. Таким образом, XXI в. может ознаменовать собой период становления многополярного мира и появления, международных акторов нового типа, объединенных общей идентичностью и принадлежащих к одной цивилизационной парадигме.

Подобное положение вещей дает возможность России закрепиться в латиноамериканском регионе. Геополитике Российской Федерации способствует ряд факторов.

Во-первых, в глазах латиноамериканцев Россия не выглядит страной, которая желает сделать из Латинской Америки свою колонию. Наоборот, Россия всячески настроена на равноправие во всех областях сотрудничества, не ставя под угрозу суверенитет латиноамериканских стран.

Во-вторых, после вступления в ВТО Россия получила определенные таможенные выгоды для более успешного размещения своей продукции на латиноамериканских рынках. Наш рынок также стал более открытым для потенциальных поставщиков из Латинской Америки.

В-третьих, значительным фактором является богатый опыт межгосударственного сотрудничества России с различными странами региона. Кроме того, наша страна имеет хорошую репутацию в глазах латиноамериканцев [Opinion of Russia in 2014, Электронный ресурс].

Таким образом, Россия способна создать благоприятный плацдарм для будущего сотрудничества, основываясь на развитии межкультурного цивилизационного диалога, совместной работе в научных отраслях, т. е. использования политики «мягкой силы».

Кроме того, ряд национальных интересов государств Латинской Америки совпадает с интересами России и тем самым способствуют развитию отношений между нашими странами. По мнению отечественных исследователей, национальные интересы Российской Федерации схожи с интересами некоторых государств Латинской Америки и в основной своей массе направлены на укрепление своих позиций на мировом рынке и политической арене:

1. «Россия, как и страны латиноамериканского региона, стремится закрепиться на международных рынках, укрепить свой геополитический статус, чтобы иметь потенциал для оказания влияния на международные политические и экономические процессы. Таким образом, можно заметить, что наши страны хотят не просто выступать на трибуне Генеральной Ассамблеи ООН, но и принимать активное участие в решении важных политических вопросов.

2. Учитывая тенденции современного мира к выстраиванию коалиций и формированию надгосударственных экономических

и политических объединений, Россия и ее латиноамериканские визави рискуют остаться один на один с политическими блоками в недалеком будущем, в котором, из-за увеличения населения и истощения уже разрабатываемых полезных ископаемых, будет нарастать давление на страны-обладательницы больших стратегических запасов ресурсов.

3. Интересы России и стран Латинской Америки заключаются в заинтересованности в полицентричности современного мира и создании механизмов сдерживания геополитических поползновений США, которые являются объективным лидером как в военной, так и в политико-экономической сферах» [Аналитические тетради... 2012, с. 15].

Показательным будет отношение государств к политическим процессам, происходящим в латиноамериканском регионе (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Отношение ключевых геополитических акторов
в отношении Латинской Америки**

	США	ЕС	Китай	Россия
Формирование нового центра силы в Латинской Америке	негативное	нейтральное	положительное	положительное
Изменение Латинской Америкой статуса сырьевого придатка	негативное	негативное	нейтральное	положительное
Отношение к странам «левого дрейфа»	негативное	негативное	нейтральное	положительное
Невмешательство во внутренние дела государств	негативное	нейтральное	нейтральное	положительное
Создание независимых региональных интеграционных организаций	негативное	негативное	положительное	положительное

В заключение можно сделать вывод о том, что Латинская Америка действительно становится монолитным центром современной геополитической картины мира. При этом существуют перспективы ее трансформации в ключевого геополитического актора XXI века в форме единого цивилизационного центра. Кроме того,

учитывая геополитическую ценность данного региона для российской внешней политики, реализация национальных интересов на латиноамериканском направлении важна для России как для увеличения влияния в данном регионе, так и для утверждения за собой статуса великой державы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аналитические тетради ИЛА РАН. Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы / под ред. В. М. Давыдова. Вып. 22. М. : ИЛА РАН, 2012. 120 с.
- Атлас-2010. Le monde diplomatique // под ред. В. Л. Иноземцева и Е. С. Кузнецовой. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2010. 224 с.
- Вандам (Едrixин) А. Е. Геополитика и геостратегия / сост., вступ. ст. и коммент. И. В. Образцова ; заключ. ст. И. С. Даниленко. М. : Кучково поле, 2002. 272 с.
- Генеральная Ассамблея ООН 138 голосами «за» предоставила Палестине статус государства-наблюдателя при ООН, не являющегося ее членом. URL: www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=18697#.ULf2q-RWySo
- Глобальная геополитика / под ред. И. И. Абылгазиева. М. : Известия, 2002. 368 с.
- Давыдов В. М. Вопросы национальной безопасности в Латинской Америке // 2013 г. Научно-методические вопросы международной безопасности / под ред. Н. Н. Успенского. М. : Известия, 2014. 148 с.
- Давыдов В. М. Цивилография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки. М. : ИЛА РАН, 2006. 52 с.
- Давыдов В. М., Бобровиков А. В. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М. : ИЛА РАН, 2009. 234 с.
- Дроздова К. Н. Проблемы и перспективы развития нефтяной отрасли Венесуэлы // Вестник университета (Государственный университет управления). 2014. № 9. С. 27–30.
- ЕС и Латинская Америка сближаются и расходятся // Euronews. 2015. 11 июня.
- Карякин В. В. Цивилизационная антропология американского экспансионизма: от доктрины Монро к глобальному лидерству // Международные отношения. 2013. № 4. С. 487–495.
- Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, диалог, будущее. Т.1: Теория и история цивилизаций. М. : Институт экономических стратегий. 2008. 768 с.

- Миронов В. ЕС хочет отговорить Латинскую Америку от экспорта продуктов в РФ // Российская газета. 2014. 12 августа.
- Ремизов М. В. Проект «государство – цивилизация». URL: www.apn.ru/userdata/files/konst/2.pdf
- Сидорова Г. М. Африка: война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго (из дневника дипломата): Монография. М. : Наука, 2015. 527 с.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
- Хартия Организации американских государств от 30 апреля 1948 г. URL: www.oas.org/dil/treaties_A-41_Charter_of_the_Organization_of_American_States.html
- Цыганков П. А. О месте России в мировой политике (ресурсный потенциал и возможности): материалы Междунар. науч. конгр. «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», МГУ им. М. В. Ломоносова: в 2 т. М. : МАКС Пресс, 2009. 709 с.
- Черняк И. Сергей Лавров завершил визит в страны Латинской Америки // Российская газета. 2014. 2 мая.
- Bandeira M. Formação do Império Americano (Da guerra contra a Espanha à guerra no Iraque). Brasil, Rio de Janiero: Civilização Brasileira, 2006. 682 p.
- BP Statistical Review of World Energy. June 2015. UK, London : Pureprint Group Limited, 2015. 45 p.
- BRASIL. Ministério da Defesa. Página oficial da Estratégia Nacional de Defesa. URL: www.defesa.gov.br/eventos_temporarios/2009/estrategia/
- Civilization identity: the production and reproduction of “civilizations” in international relations / edited by Martin Hall and Patrick Thaddeus Jackson. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2007. 242 p.
- Latinoamérica reclama un nuevo reparto de poder // El País. 2011. 21 de septiembre.
- Manuelito S., Jiménez L. Rasgos estilizados de la relación entre inversión y crecimiento en América Latina 1980–2012. // Revista de la CEPAL. Santiago de Chile. 2015. №115. P. 7–27.
- Opinion of Russia in 2014 // The Pew Research Centre. URL: www.pewglobal.org/database/indicator/27/group/2/
- The Politics of Global Governance. International Organizations in an Independent World / Ed. by P. F. Diehl. London : Lynne Rienher, 2010. 419 p.
- U.S. Policy Toward Latin America in 2009 And Beyond // Hearing Before The Subcommittee On The Hemisphere Of The Committee On Foreign Affairs House Of Representatives, February 4, 2009. URL: foreignaffairs.house.gov/subcommittees/western-hemisphere

УДК 68.88

**Г. В. Иванов, Н. В. Жаринов,
С. Н. Дуброва, А. В. Кондратьев**

Иванов Г. В., доктор военных наук; член Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации, член Научно-экспертного совета Государственной комиссии по вопросам развития Арктики;
e-mail: ivanoffgv@mail.ru

Жаринов Н. В., кандидат экономических наук, доцент; ст. научный сотрудник Кольского Научного Центра РАН;
e-mail: banatek@mail.ru

Дуброва С. Н., соискатель ученой степени кандидата политических наук; слушатель Военной академии Генерального штаба ВС РФ;
e-mail: dubrova.sergey@mail.ru

Кондратьев А. В., заместитель председателя Комитета по обороне и безопасности Совета Федерации; соискатель Военной Академии Генерального штаба ВС РФ; e-mail: dubrova.sergey@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ ПО УСИЛЕНИЮ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АРКТИКЕ

В статье проведен анализ основных планов и практических мероприятий приарктических государств по наращиванию своего военного присутствия в регионе, что способно привести к обострению существующих противоречий (международно-правовых, политических, экономических и др.) и созданию благоприятных условий для их перерастания в новые опасности и угрозы для военной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Арктика; Арктический регион; национальные интересы Российской Федерации в Арктике; усиление военного присутствия в Арктике; приарктические государства; мероприятия боевой подготовки вооруженных сил иностранных государств.

Ivanov G. V.

Ph.D of Military Sciences, Member of the Arctic and Antarctic Council of the Federation Council, Member of the Scientific and Expert Council of the State Commission of the development of the Arctic; e-mail: ivanoffgv@mail.ru

Zharinov N. V.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: banatek@mail.ru

Dubrova S. N.

Postgraduate Student, Attendee, Military Academy of the General Staff of the Russian Federation Armed Forces; e-mail: dubrova.sergey@mail.ru

Kondratiev A. V.

Deputy of the Chairperson of the Council of the Federation Committee on Defense and Security; Military Academy of the General Staff of the Russian Federation Armed Forces; e-mail: AVKondratev@senat.gov.ru

THE ACTIVITIES OF VARIOUS STATES TO STRENGTHEN THE THREATS TO NATIONAL SECURITY IN THE ARCTIC

The article analyzes the main plans and practical measures of the Arctic states to increase their military presence in the region, which can lead to aggravation of existing contradictions (international legal, political, economic, etc.) and create favorable conditions for their development into new dangers and threats For the military security of the Russian Federation.

Key words: Arctic region; national interests of the Russian Federation in the Arctic; strengthening of the military presence in the Arctic; Arctic states; combat training activities of the armed forces of foreign states.

Постепенное изменение климата Земли, создающее условия для начала более активного освоения Арктического региона, в том числе добычи природных ресурсов, а также рост значения акватории Северного Ледовитого океана для развития грузовых перевозок обуславливают стремление руководства ряда приполярных и других государств к укреплению их позиций в Арктике [Иванов 2015].

На фоне активизации Российской Федерации по расширению экономической и военной деятельности в Арктическом регионе ряд иностранных государств, в том числе и США, предпринимают целенаправленные шаги по изучению актуальных региональных проблем и выработке подходов к осуществлению внешней политики и защите национальных интересов в регионе.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена необходимостью выявления декларируемых (заявленных) и реальных направлений внешней политики, военной и экономической деятельности приарктических и других внерегиональных государств в Арктике, а также вскрыть инструменты обеспечения их национальных интересов в высоких широтах в ущерб военной безопасности Российской Федерации [Белозёров 2013].

Военно-политическая обстановка на арктическом стратегическом направлении характеризуется обострением соперничества за контроль над энергоресурсами между США, Канадой, Норвегией, Данией и Россией, а также внерегиональными игроками, что способно привести к существенному нарастанию военной активности НАТО в северных широтах [Синчук Ю.В., Синчук И.Ю. 2012; Синчук 2012].

В Соединенных Штатах негативно воспринимают шаги Российской Федерации по расширению масштабов экономической и военной деятельности в высоких широтах, способные потеснить американско-канадское лидерство в вопросах освоения Арктики, и прилагают усилия по защите и продвижению национальных интересов в регионе. В частности, основное внимание официальный Вашингтон сосредоточивает на защите границ в полярных широтах, совершенствовании системы контроля морской, воздушной и наземной обстановки, поддержании гарантированной свободы мореплавания и полетов авиации в регионе. Предпринимаются шаги по созданию условий для наращивания разведывательной и другой военной деятельности в Заполярье [ВМС США... Электронный ресурс].

Руководство НАТО также планирует расширить свои военные возможности в регионе. Большое значение придается организации патрулирования воздушного пространства Исландии и прилегающих к ней районов Северной Атлантики силами альянса, несению боевой службы в регионе американскими и британскими АПЛ, а также полетам самолетов стратегической авиации США и увеличению масштабов учебно-боевой деятельности блока [Air-Sea Battle... 2013; Capstone Concept... 2012; JP 1, Doctrine... 2013; JP 3–27... 2013; JP 5–0... 2011; Sustaining U.S... 2012; Joint Operational Access... 2011; National Defense Strategy... 2008; The National Military Strategy... 2011].

Военно-политическое руководство США на фоне общей активизации деятельности в Арктике как приполярных, так и внерегиональных государств, стремящихся обеспечить свое участие в освоении богатейших запасов природных ресурсов и использовании уникальных энергетических, транспортных и иных возможностей региона, продолжает прилагать целенаправленные усилия для эскалации напряженности в высоких широтах с целью нанесения ущерба национальным интересам РФ в регионе.

Так, с 2015 г. в США реализуется разработанная штабом Объединенного командования ОВС США в Европейской зоне (Вайхинген, Германия) обновленная «Стратегия на театре военных действий» (United States European Command Theater Strategy) [Синчук Ю. В., Синчук И. Ю. 2012]. В ней отражены приоритетные цели, поставленные перед командованием на период до 2020 г., в том числе сдерживание агрессии России; укрепление взаимоотношений между странами НАТО; сохранение стратегических партнерств; противодействие транснациональным угрозам; обеспечение боеготовности войск (сил) [Стратегия... Электронный ресурс; Трухачев... Электронный ресурс]. В соответствии с данным документом особую озабоченность у администрации США вызывают «агрессивные действия России в Восточной Европе и милитаризация Арктики». При этом отмечается, что российское руководство осуществляет использование асимметричных методов, включая настойчивое манипулирование политическими и идеологическими конфликтами для создания нестабильности, в том числе в Арктическом регионе, отказываясь от коллективного подхода к вопросам обеспечения безопасности вместе с международным сообществом.

В этой связи в интересах организации и ведения разведки за деятельностью формирований Северного флота Российской Федерации, администрация США и руководство Исландии 30 июня 2016 г. подписали Меморандум о взаимопонимании (Memorandum of understanding), который предполагает размещение на авиабазе (АвБ) Кефлавик (Исландия) воинского контингента ВС США [Синчук 2011]. В свою очередь, Конгресс США утвердил запрос Министерства обороны о выделении 21,4 млн долл. США на проведение работ по модернизации объектов инфраструктуры АвБ Кефлавик в бюджетной заявке на 2017 финансовый год. Данные финансовые средства планируется затратить и на реконструкцию находящегося на авиабазе ангара в интересах последующего размещения в нем многоцелевых самолетов базовой патрульной авиации ВМС США Р-8А «Посейдон».

Министр иностранных дел Исландии Л.Альфредсдоттир заявила, что данный меморандум подразумевает ограниченный характер присутствия американских войск на территории Исландии. Необходимость его подписания она объяснила, на

равне с другими причинами, изменением ситуации с безопасностью в Европе.

В рамках подготовки к подписанию данного документа в сентябре 2015 г. в интересах изучения состояния объектов инфраструктуры АВБ Кефлавик Исландию посетила делегация Министерства обороны США во главе с заместителем министра обороны Б.Уорком. В ходе визита основное внимание уделялось оценке технического состояния взлетно-посадочной полосы и навигационного оборудования [Иванов 2015].

Соединенные Штаты в рамках мероприятий по усилению своего военного присутствия в Арктике продолжают совершенствовать объекты национальной системы контроля космического пространства (ККП) в этом регионе [Журавель 2016].

Так, с 2015 г. командованием ВС США в рамках программы продления сроков эксплуатации радиолокационных станций (РЛС) системы ККП (Sensor Service Life Extension Program) проводятся мероприятия по модернизации РЛС «Глобус-2» (AN / FPS-129 «Хэв Стрэйр»), размещенной в населенном пункте Вардё (Норвегия).

В ходе данной деятельности в 2016 г. на РЛС была осуществлена замена всех устаревших элементов, а также проведена модернизация ключевых электронно-вычислительных систем. На реализацию данных мероприятий израсходовано около 122 млн долл. США (первоначально планировалось выделить не более 50 млн долл. США).

В рамках последующего развития сотрудничества с Норвегией в период с 2017 по 2020 г. США на норвежской территории запланировано строительство новой РЛС «Глобус-3», предназначенной для замены «Глобус-2». При этом не исключается возможность одновременной эксплуатации двух станций.

Кроме того, с 2015 г. в соответствии с заключенным между США и правительством Норвегии соглашением осуществляется совместное использование разведывательного корабля четвертого поколения норвежских ВМС «Марьята» (Marjata) [Договор с Норвегией... 2017].

Командование ВС США продолжает проведение мероприятий по демонстрации своего военного присутствия в Арктическом регионе. В рамках данной деятельности, а также с целью практической отработки применения стратегической бомбардировочной авиации (СБА) в полярных широтах в августе 2016 г. самолетами

СБА командования глобальных ударов ВВС США совершенно не менее четырех самолетовылетов в районы оперативного предназначения в Арктическом регионе, в частности:

- два стратегических бомбардировщика В-52Н совершили перелет с АвБ Майнот (шт. Северная Дакота) в район оперативного предназначения над Северным Ледовитым океаном с последующим возвращением на авиабазу вылета;
- два стратегических бомбардировщика В-2А совершили перелет с АвБ Уайтмен (шт. Миссури) в район оперативного предназначения над Алеутскими островами (500 км восточнее г. Петропавловск-Камчатский, РФ) с последующим возвращением на авиабазу вылета.

Военно-политическое руководство Норвегии считает Арктический регион зоной своих жизненно важных интересов в силу его геостратегического положения и имеющихся природных ресурсов. В связи с этим деятельность официального Осло в первую очередь направлена на укрепление своих позиций в Арктике [Договор с Норвегией... Электронный ресурс].

Главнокомандующий ВС Норвегии адмирал Х. Бруун-Ханссен (Naakon Bruun-Hanssen) в октябре 2015 г. обратился к правительству страны с просьбой об увеличении в течение ближайших 20 лет бюджета Национального министерства обороны на 21,28 млрд долл. США в связи с «агрессивной политикой России в Арктике».

С целью реализации мероприятий по усилению военного присутствия в Арктическом регионе в марте 2016 г. ВМС Норвегии передан новый разведывательный корабль «Марьята». Данный корабль длиной 126 м и шириной 23,5 м построен в Румынии в 2014 г. Его корпус в марте 2014 г. доставлен в Норвегию на судовой верфь компании «ВАРД Лангстен» (VARD Langsten, г. Томрефьорден), где был оснащен разведывательным оборудованием. Стоимость корабля составляет около 160 млн евро.

Кроме того, в боевом составе ВМС Норвегии с 1993 г. находится разведывательный корабль третьего поколения «Марьята» (в 2016 г. после ввода в строй разведывательного корабля нового поколения был переименован в «Игер»).

Руководство Канады продолжает уделять значительное внимание вопросам расширения своего военного присутствия в Арктике за счет размещения в регионе группировок национальных ВС, а также средств мониторинга обстановки на Крайнем Севере.

В рамках данной деятельности запланирована реализация мероприятий по модернизации Центра подготовки военнослужащих ВС Канады для действий в арктических условиях (Arctic Training Center), открытого в 2013 г. в населенном пункте Резольют-Бэй (провинция Нунавут). На начальном этапе данный Центр был рассчитан на одновременную подготовку 120 военнослужащих в период с января по апрель ежегодно. После проведения мероприятий по модернизации планируется обеспечить возможность его непрерывного функционирования с увеличением численности личного состава, проходящего подготовку на базе объектов инфраструктуры центра [Касюк, Харичкин 2015].

Помимо этого, в интересах обеспечения деятельности формирований ВС Канады в Арктическом регионе Министерством обороны продолжается реализация проекта по строительству северных транспортных узлов в населенном пункте Резольют-Бэй и г. Икалуит (провинция Нунавут). Завершение их строительства запланировано на середину 2018 г.

В районе г. Нанисивик (провинция Нунавут) продолжается строительство топливозаправочной станции для обеспечения деятельности сил и средств ВМС Канады (Naval Refueling Station). Ее строительство также планируется завершить в 2018 г.

В рамках реализации мероприятий по освоению Арктического региона в октябре 2015 г. руководство Исландии заключило Соглашение с компаниями «Бременпортс» (Bremenports, Германия) и «Элфа» (Elfa, Исландия) о разработке проекта строительства глубоководного порта в северо-восточной части страны. В подготовку проекта компания «Бременпортс» планирует инвестировать 2,2 млн евро. Предполагается, что данный порт будет выполнять три основные функции: базовый порт для нефтегазовых операций в Арктике; транспортный узел для трансарктического судоходства; сервисный порт для нефтяных оффшорных проектов и арктического судоходства. В инфраструктуру порта также планируется включить станцию по бункеровке сжиженного природного газа и спасательную базу. Выполнение работ по исследованиям и проектированию планируется завершить к концу 2017 г. [Манохин, Синчук 2016].

В 2016 г. в Арктическом регионе отмечено проведение следующих мероприятий оперативной и боевой подготовки:

- учения Министерства внутренней безопасности (МВБ) США «Аляска Шилд – 2016»;
- учения ВМС США «Айсэкс – 2016»;
- учения ВС Канады «Арктик Рэм – 2016»;
- учения Национальной гвардии (НГ) США «Арктик Игл – 2016»;
- учения СВ и ВВС Канады «Пайсес Мобилес»;
- учения ВВС США и союзников «Ред Флэг-Аляска – 2016».

С целью повышения уровня взаимодействия между подразделениями различных государственных структур Министерством внутренней безопасности США в период с 1 по 3 апреля 2016 г. на территории штата Аляска проведено учение «Аляска Шилд – 2016» («Щит Аляски – 2016», «Alaska Shield – 2016») с частичным привлечением подразделений ВС и Национальной гвардии.

Целью мероприятия являлась практическая проверка планов и оценка готовности МВБ, подразделений НГ, федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти, а также руководства крупных предприятий и организаций к реагированию на чрезвычайные ситуации различного характера [Харичкин 2012].

В ходе мероприятий отрабатывались вопросы организации боевого применения авиации ВС США и союзников в арктических условиях, в том числе: создание КАООФ, дозаправка самолетов топливом в воздухе, ведение воздушного боя, уничтожение наземных и воздушных целей в условиях применения противником средств ПВО и РЭБ, непосредственная авиационная поддержка действий сухопутных войск, контроль воздушного пространства и наведения боевой авиации на цели, сопровождение истребительной авиацией военно-транспортных самолетов к зоне выброски десанта и грузов.

Следует отметить, что ключевые направления деятельности и расширения присутствия ВМС США и ВС НАТО в Арктике обуславливаются стремлением американского руководства занять лидирующую позицию в области контроля над арктическими ресурсами и усилить национальное военное присутствие в регионе [Полуснаш: Дания... Электронный ресурс]. При этом особое внимание командование ВМФ уделяет подготовке вооружения и военной техники, предназначенных для использования в арктических условиях, укреплению отношений с союзниками и партнерами, расширению военной инфраструктуры, а также организации

и проведению различных мероприятий оперативной и боевой подготовки, в том числе многонационального характера.

Командование ВС США при проведении мероприятий оперативной и боевой подготовки помимо широкого привлечения вооруженных сил стран-союзниц особое внимание уделяет расширению уровня взаимодействия с представителями различных федеральных министерств и ведомств, органов местного муниципального управления, общин коренных народов Севера. Таким образом, мероприятиям боевой подготовки в Арктике придается коалиционный, всеохватывающий характер [ВМС США планируют... Электронный ресурс].

Таким образом, проведенный анализ дает представление об основных планах и практических мероприятиях США и других приарктических государств по дальнейшему наращиванию своего военного присутствия в Арктическом регионе, что способно привести к обострению существующих противоречий (международно-правовых, политических, военных, экономических и др.) и созданию благоприятных условий для их перерастания в новые опасности и угрозы для военной безопасности Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозёров В. К.* Особенности геополитической картины современного мира // Россия и мусульманский мир. 2013. № 1 (247). С. 11–16.
- ВМС США планируют расширить присутствие в Арктике // Электронный сайт «Вести. Экономика». URL: www.vestifinance.ru/articles/40066
- Дания собирается разместить в Арктике воинскую часть реагирования и командный пост // Электронный сайт «BarentsObserver». URL: barentsobserver.com/ru/node/
- Договор с Норвегией о морских границах укрепит правовой режим Арктики // Электронный сайт «РИА НОВОСТИ». URL: ria.ru/arctic_news/20100916/276218688.html
- Журавель В. П.* Арктический совет: председательство США // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 17–21.
- Иванов Г. В.* Национальная безопасность России в Арктике: проблемы и решения // Вестник Мурманского гос. техн. ун-та. 2015. Т. 18. № 2. С. 401–407.

- Касюк А. Я., Харичкин И. К. Внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и перспективы их нейтрализации // Вестник МГУ. Серия 12 «Политические науки». 2015. № 1. С. 25–34.
- Манохин И. В., Синчук Ю. В. К вопросу об обеспечении военной безопасности // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Общественные науки. 2016. № 3 (742). С. 152–156.
- Полюсненаш: Дания и Гренландия предъявили претензии на Арктику // Электронный сайт «MKRU». URL: www.mk.ru/politics/2014/12/15/polyusnash-daniya-predyavila-pretenzii-na-severnuyu-shapku-zemli.html
- Синчук Ю. В., Синчук И. Ю. К вопросу безопасности Российского государства // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия «История и политические науки». 2012. № 5. С. 141–147.
- Синчук Ю. В. Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. 2012. № 3 (19). С. 60–65.
- Синчук Ю. В. Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. 2011. № 1. С. 305–314.
- Стратегия на театре военных действий Объединенного командования ОВС США в Европейской зоне (United States European Command Theater Strategy) // Объединенное командование ОВС США в Европейской зоне. URL: docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.eucm.mil%2Fmedia-library%2Fdoc
- Трухачёв В. Роколл: скала раздора в Атлантике // Электронный сайт «Военное обозрение». URL: topwar.ru/35765-rokoll-skala-razdora-v-atlantike.html
- Харичкин И. К. О понятии «политическое управление» // Вестник ун-та (Государственный университет управления). 2012. № 4. С. 99–103.
- Air-Sea Battle: Service Collaboration to Address Anti-Access & Area Denial Challenges / Air-Sea Battle Office, JCS, 2013.
- Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020 / JCS, 10 September 2012.
- JP 1, Doctrine for the Armed Forces of the United States / JCS, 25 March 2013.
- JP 3–27, Homeland Defense / JCS, 29 July 2013.
- JP 5–0, Joint Operations Planning / JCS, 2011.
- Sustaining U. S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense / DOD, 2012.
- Joint Operational Access Concept / DOD, 2011.
- National Defense Strategy / DOD, 2008.
- The National Military Strategy of the United States of America / JCS, 2011.

УДК 327.8

Г. П. Лесников

доктор политических наук; профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: g.lesnikov@mail.ru

ПРИРОДА, ФОРМЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА «МЯГКАЯ СИЛА» В КАЧЕСТВЕ ОРУЖИЯ ЭКСПАНСИОНИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются базовые принципы и причинно-следственные связи формирования и развития инструментария «мягкая сила» в качестве средства экспансии, подавления и подчинения одной сильной нацией (или группой стран) интересы других субъектов международных отношений. Эти средства экспансии воздействуют на сознание и психологию подвергающихся влиянию обществ не силой оружия, а силой совокупного «образа» со стороны нападающей нации, силой ее научно-технологического превосходства, качеством продукции, вооружения, а также сферой благоприятных и комфортных условий для жизни.

В реальности процессы такого «воздействия» и последствия внедрения западных ценностей и образа жизни несут народам, поддавшимся таким «превосходствам», разрушения не только в сфере экономики и культуры данного общества, но и разрушение самого государства.

Ключевые слова: «мягкая сила»; инструменты и сфера воздействия; система ценностей; англосаксонская культура; нормы и традиции; экономические санкции; лидерство нации; «плави́льный котел».

Lesnikov G. P.

Doctor of Political Studies; Professor of the department Of theory and history of international relations Of the Institute of international relations and socio-political studies of MSLU; e-mail: g.lesnikov@mail.ru

NATURE, FORMS AND MAIN DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF THE MECHANISM, CALLED «SOFT POWER» AS A WEAPON OF THE EXPANSIONIST POLITICS

In this item the basis and cause-and-effect link of the formation and the development of «soft power» as the main tool of expansion, suppression and submission of other subjects of international relations by a powerful nation are regarded.

These tools of expansion affect the perception and psychology of societies under influence not by the power of the weapon, but by the power of cumulative life-style from the attacking nation, power of its scientific and technological domination, quality of products, weapons and in the area of favorable and comfortable conditions and welfare.

But in the reality the processes of that impact and the consequences of the introduction of values and lifestyles are influence on the people, who had succumbed to that "excellence", destruction neither in the economic and culture sphere of these society nor and the destruction of that state.

Key words: soft power, instruments and sphere of influence, system of values, Anglo-Saxon culture, norms and traditions, economic sanctions, Nations leader-ship, "melting pot".

Структура содержания материала

- Механизм «мягкой силы»: природа формирования, цели и задачи его использования в системе международных отношений.
- Основные инструментарии и сферы их применения в пропагандистской деятельности и разрешении конфликтных противоречий.
- Степень эффективности применения «мягкой силы» в системе упорядочения или экспансии зарубежных атак на национальные интересы народов, отвергающих иностранные ценности.
- Меры противодействия и защиты национальных интересов против зарубежных атак.

Тенденция «усталости» большинства народов современного международного сообщества от перманентно полыхающих региональных конфликтов, политической и экономической напряженности в отношениях между странами всё в большей степени выражается в вялотекущих поисках сдержанности и в попытках разработки какого-либо механизма умиротворения конфронтационной напряженности. Одновременно в международном сообществе даже в условиях жестких конфликтных процессах, непримиримых экономических санкций и антисанкций всё чаще проявляется осознание необходимости пересмотра национальных концепций в контексте сдерживания и перехода от военных конфронтационных мер к более гибким инструментам воздействия на «противника». Хотя в современных условиях однотипного экономического уклада в ведущих странах мира сложно найти «противника». Скорее – его искусственно формируют, чтобы в соответствии с геополитическими интересами обеспечить себе определенные условия для перспективного развития за счет ущемления интересов

других народов. И в этой связи, видимо, крупный международный капитал, его апологеты и представители в международных кругах всесторонне оценили сложившуюся современную (и военную, и экономическую) обстановку и осознали, что мир стоит на краю пропасти, у «красной черты», переход через которую может привести человечество к гибели. А это априори означает, что необходимо отказаться от использования термоядерного оружия, а значит, его хранения и содержания. Вот почему апологеты господствующего класса крупного капитала вот уже на протяжении нескольких десятков лет разрабатывают «невоенные», но не менее жесткие меры не только в целях защиты своих «ценностей», но и стремятся обеспечить источники их развития, капитализации за счет ограбления и ущемления интересов других народов, грабежа их богатств, в том числе и национальных природных ресурсов.

Вот почему в повестку дня многих стран мира начинают включаться вопросы мирного урегулирования, отказа от политики санкций в системе отношения между странами, которые обсуждаются на конференциях, например: «Арктика – территория без ядерного оружия»; «Меры по защите окружающей среды» и др. И это означает, что на смену военной конфронтации приходят другие инструменты, призванные решать всё те же вопросы экспансии и психологического воздействия на другие народы.

В числе научных обоснований активных форм воздействия на потенциальных или реальных противников апологеты и политические менеджеры ведущих стран мира выдвигают:

- информационные войны;
- превосходство морально-этических ценностей и культуры одной нации над другой;
- интересы обществ всеобщего потребления над ущербностью и низким уровнем социально-экономического развития других наций;
- защита прав человека и др.

В целом совокупность таких механизмов и инструментов воздействия со стороны сильных государств на сознание обществ с низким уровнем развития оформлено в рамках понятия «мягкая сила» в системе противостояний между субъектами и обществами в международных отношениях.

В рамках современной западной культуры и цивилизации выступает один из известных модераторов и политических менеджеров Джозеф Най [Най... Электронный ресурс]. В частности, исследователь утверждает, что язык и культура – это «мягкая сила», которая играет ключевую роль в системе международных отношений, влияя напрямую или косвенно на мировую политику и деловые связи... [Най... Электронный ресурс].

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на то, что формы, инструменты и методы «мягкой силы» в системе противостояний между народами и их интересами имеют длительный исторический период становления: от Конфуция (Сун-цзе, его теория «политических игр») до У. Черчеля, А. Далласа, Зб. Бжезинского, Дж. Фридмана и др. В частности, только от знакомства с «намерениям» А. Далласа относительно уничтожения советского народа (СССР) и превращение его в «послушный скот» посредством именно инструментам «мягкой силы» берет оторопь и вызывает омерзение. Этот высокообразованный человек, сформированный на базе великой англосаксонской культуры, пишет о своих намерениях следующее: «...Мы бросим всё, что имеем: золото, всю материальную мощь и ресурсы на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеявши в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые <...>. Мы найдем своих единомышленников... своих помощников и союзников в самой России <...>. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокоренного на земле народа, окончательного угасания его самосознания [План Даллеса... Электронный ресурс].

С точки зрения научности понятие «мягкая сила» не является научным, с глубоко философским содержанием дефиниций. Это простой камуфляж в «мягкой упаковке», т. е. та же детская игрушка, но начиненная взрывным динамитом: взорвет – мало не покажется. Думается, что сущность «мягкой силы» и конечная цель ее использования в качестве механизма и инструментария достаточно полно и образно сформулировала Г. М. Сидорова «... “Мягкая сила” предполагает формирование заданной, срежесированной ментальности, необходимой для восприятия сначала культурных ценностей другой цивилизации или народа, а затем ее

политических, экономических, религиозных и других устоев. Таким образом, конечная цель «мягкой силы» состоит в формировании ментальности идентичной заинтересованным актором и в итоге предполагает подчинения объекта влияния» [Сидорова 2017].

Анализ эффективности применения инструментария «мягкой силы» во внешнеполитической и внешнеэкономической, сегодня и в сфере дипломатических отношений свидетельствует о том, что центральным предметом воздействия такой силы в системе отношений между народами является сознание человека и в целом сознание общественного мнения, объединенного единой информационно, психологической и потребительской системой воздействия. Поэтому «мягкая сила» как механизм воздействия на сознание и психологию человека – это такое же «древнее» оружие в противостояниях, способное уничтожить своего противника или мобилизовать нацию на «походы» в другие страны (например, сила воздействия религии). Вот почему центральным звеном и предметом воздействия является сознание человека и особенно – сознание молодого человека. Поэтому всю свою силу такого оружия западная политология и англосаксонское мировоззрение направляет в сферу молодежных организаций и образовательную систему формирования личности.

Идея и идеология западной цивилизации заключается в том, чтобы через политику «управляемого хаоса», мультикультурализма, разрушения идеи государственности, «паутину» социальных сетей, насаждение вражды между цивилизациями создать мировой «плавильный котел», которым можно было бы управлять из единого центра. Кстати, идея «сплава» национальных меньшинств (иммигрантов) в США в единый «плавленный котел» родилась именно в условиях формирования американской нации, куда переселялись миллионы людей с различными расовыми, культурными, языковыми, религиозными взглядами и мировоззрением. Проблему создания модели американской нации в развернутом виде достаточно глубоко и научно рассматривает в своей монографии З. Чертина [Чертина 2000].

Исторический опыт эффективного воздействия на сознание советского человека в условиях «холодной войны» свидетельствует о том, что инструменты «мягкой силы» могут противостоять

любой воспитательной работе с гражданами общества, если эта идеологическая работа не учитывает и не базируется на социально-экономические возможности такого общества. Социально-экономическое состояние СССР в 1980–1990-е гг. находилось на крайне низком уровне. И если в историческом прошлом основным инструментом «мягкой силы» выступало насильственное (или ненасильственное) «перемещение» сознания человека (всей нации) из одной религии (например, православной) в другую (католическую или исламскую), то сегодня этот «набор» инструментария расширился до «коммунистической угрозы», «цветных революций», «защиты прав человека и прав граждан на объединения – НПО и НКО», «борьба с *неверными* в исламском мире» и т.д. А проводником и катализатором формирования системы единства выступают социальные сети на базе Интернета, которые международные террористы активно и небезуспешно используют против сложившихся межцивилизационных отношений. По-русски это называется расхристанная вседозволенность и навязывание политической системе другого государства неуправляемых институтов, объединений и развитие безответственной демократии в обществе, которое по плану инициаторов должно быть разрушено как целостная система. Например, именно «пятая колонна» в республике Черногория обеспечила в обход настроения большинства граждан вступление этой маленькой страны в НАТО.

Другой пример: в конце марта – начале апреля 2017 г. именно под воздействием социальных сетей и призывов некоторых представителей НПО в ряде городов России и прежде всего в центре столицы прошли несанкционированные выступления граждан против коррупции и главное против Путина. Но именно от того, что информационное содержание призыва к выступлению не имело реального содержания и практически не воздействовало на массовое сознание молодежи, оно оказалось нулевым. Это свидетельствует о том, что:

- во-первых, ни все «инструменты» современной «мягкой силы» и не в любое время могут «вызывать» автоматический «попыры» к действию, к массовому «выходу» на площади городов;
- во-вторых, ни все инструменты «мягкой силы» имеют свойства адаптироваться в сознании любой молодежной среды и в любой общественной системе, в общественном сознании любого общества и уже тем более в сознании российского общества. Хотя,

как показал тот же недавний исторический опыт реальных политических и социально-экономических противоречий в российском обществе (1990-е гг.), целый ряд инструментария «мягкой силы» активно воздействовал на массовое сознание не только молодежи, но и на сознание старших поколений прежде всего интеллигенцию, выразивших недоверие социалистической системе управления. В результате мы действительно чуть было не потеряли свою Родину (Россию). Но в то же время в 1990-е гг., в период сложных кризисных отношений в нашей стране, многие страны Восточной Европы отказались от продолжения тесных связей с СССР, а затем и с Россией ради бесплатной «похлебки» и «защиты» своих национальных интересов. Многие политические руководители этих стран не понимают, что за предоставляемые услуги со стороны Евросоюза и США необходимо платить, в том числе и своими национальными интересами.

Сделаем ряд выводов:

– во-первых, для любого общества, в том числе и для России, важно не утратить сложившиеся столетиями традиции уважения и чувство сопричастности к делам прошлых поколений, культуру и язык, сформировавшие славяно-русскую нацию;

– во-вторых, всякая уважающая себя нация не может и не должна ждать материальных преференций от других народов, ибо любой народ, если он стремится выжить и развиваться, должен трудиться, так как созидательный труд (производительный труд) обеспечивает независимость для любой нации.

Тот факт, что российские министры и многие хозяйствующие субъекты сидят и ждут, когда придут в Россию инвесторы или льготные и «длинные» кредиты, это свидетельствует либо об их лени, либо об их предательстве российской национальной экономики. Если учесть, что намечающиеся стратегические планы западных экономических и политических менеджеров относительно объединения рынков США – Евросоюза и стран АТЭР осуществляются, то для российских компаний могут возникнуть еще более сложные времена. Речь идет об образовании англосаксонскими «любителями» «мягкой силы» экономического кольца (блокады) в форме «анаконды». «Разорвать в клочья национальную экономику России» – вот конечная цель бывшего президента США Б. Обамы, когда он вводил «экономические санкции» против России.

Основные инструментарии механизма «мягкой силы» и сферы их применения в разрешении противоречий в системе международных отношений

В соответствии с природой, объективными условиями и субъективными факторами, обуславливающими процессы развития (или деградации международного сообщества и мирового порядка) сама практика отношений между государствами за исторически длительный период выработала определенную систему формирования и использования «мягкой силы» в качестве альтернативы парадигмы военно-конфликтных противостояний между нациями и государствами. И если с точки зрения формализации и некоего современного теоретического «осмысления», сущность и природу механизма «мягкой силы» можно рассматривать «посылы» Дж. Найа: «...мягкая сила – это способность добиться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек...» [Най 2004], то историческая практика (помимо теории), механизм и инструменты их формирования, развития и технологии их применения «исходит» из далекого исторического прошлого – еще на «заре» практики реализации положений Вестфальского мира (1648).

Исторически сложилось так, что сама природа формирования причинно-следственных связей механизма «мягкой силы» в системе отношений между нациями, народами и государствами обуславливалась практикой «общения» и «отношений» будущих акторов международных отношений, которые формировались в горнилах военно-конфликтных процессов и противоречий.

В связи с вышеобозначенным, важно подчеркнуть, что одним из первых инструментов разрешения межгосударственных конфликтов был и сегодня остается процесс договоренности между государствами и механизм формирования принципов договорных отношений (Вестфальский мир 1648 года), в дальнейшем Венские, Вашингтонские, Ялтинско-Потсдамские, Хельсинские, Минские и другие договоренности, которые формировали соответствующие условия и механизмы миропорядка в отношениях между нациями и государствами.

Другим центробразующим звеном механизма «мягкой силы» в разрешении противоречий между «сторонами» является торгово-

экономическое сотрудничество между государствами и компаниями как на мировых, так и на национальных рынках. Отсутствие таких «мягких» регуляторов со стороны сильных европейских государств в период XVI–XIX вв. привело к разнузданной колонизации, захватам и гибели многих древних цивилизаций. Тем не менее именно в это время активно разворачивавшийся процесс торговли, а затем и формировавшиеся инструментарии экономического сотрудничества между государствами, обеспечивали некий «баланс» интересов и снижение уровня конфликтности и завоевательных «зудов».

Однако эти же торгово-экономические отношения в той или иной степени также несли и сегодня еще в большей степени «содержат» в себе угрозы для экономически отсталой страны быть экспансированной, экономически колонизированной в случае неспособности защитить свои национальные экономические интересы или природные ресурсы. Например, такое противостояние интересов четко проявилось в отношениях трех ведущих европейских государств на рубеже XVIII–XIX вв.: Великобритании, Франции и России. Эти три империи пытались посредством экономических инструментов (на базе собственных национальных интересов) и соответствующих преимуществ обеспечить для своих компаний господствующее положение на европейских рынках. И для этого каждая из сторон формировала свою позицию в сфере договорных отношений. В частности, Наполеон знал, что Россия является экономически отсталой страной, но она имела сильную армию и активно торговала с Великобританией. Поэтому французский император в рамках дипломатических отношений вел переговоры с Александром I на предмет «уступок» с его стороны и предполагал, разорвав экономические отношения с Англией, вступить в торговые отношения с Францией. Но получив «отказ» от русского царя и проведя несколько захватнических операций на территориях ряда стран Европы, Наполеон принял решение «выступить» против России. В результате экономический инструмент уступил «военной силе» для урегулирования отношений со страной, которая не уступила предложениям Франции.

Тем не менее становится очевидным, что инструменты «мягкой силы» не только присутствовали в прошлых международных отношениях, но и сегодня активно используются многими

современными государствами. Другое дело, что эти «попытки» не всегда обеспечивают желаемый успех, причем чаще всего торгово-экономическое сотрудничество может стать инструментом в продолжении военно-конфликтных ситуаций и наоборот, «усталость» конфликтов может привести к восстановлению торгово-экономического сотрудничества. Например, даже в период сложных политических и экономических отношений между США и Россией отдельные компании двух стран продолжают научно-технологическое сотрудничество в ряде отраслей. Несмотря на экономические санкции и антисанкции между Евросоюзом и Россией, товарооборот между двумя сторонами по итогам 2016 г. составил более 300 тыс. долл. США. Наиболее убедительное и эффективное восприятие значимости торгово-экономического сотрудничества в качестве альтернативы военному противостоянию в условиях мирного сосуществования являются конкурентные преимущества компаний или стран на рынках, механизмы разрешения экономических, энергетических, финансовых, долговых и других кризисов, возникающих между государствами и компаниями. Да, эти кризисы наполнены противоречиями, политическими рисками, неполученными выгодами, банкротствами компаний и дефицитами национальных бюджетов. Но эти кризисы государства решаются как на уровне межгосударственных отношений, так и на уровне международных политических и экономических организаций. Даже искусственно созданные военные конфликты в Сирии и Украине, военно-политическая напряженность на Корейском полуострове, трагедия с народами Югославии благодаря «сдержанности» ведущих и заинтересованных стран не превратила их во всеобщий конфликт и в военно-политическое противостояние.

К сожалению, такая сложившаяся ситуация в мире не означает, что инструменты «мягкой силы» начинают преобладать над политикой конфронтации и угрозой применения ядерного оружия. В структуре инструментария «мягкой силы» есть такие средства воздействия на партнера, что тот может и отказаться от намерений защиты своих национальных интересов – лишь бы остаться в «живых», получая подачки от экономически «сильного» партнера. «Живым» примером являются введенные против России экономические санкции со стороны Евросоюза и США. Эти санкции «отрезали» многие российские компании от дешевых и комфортных

кредитов западных банков, «перекрыли» доступ на национальные рынки многих европейских стран, разорвали значительное число контрактов и договоренностей. Американский конгресс и правительство объявили «закрытыми» к сотрудничеству с национальными крупными и высокотехнологичными компаниями многие российские предприятия, работающие в наукоемких отраслях России. При этом от этих санкций понесли «непредвиденные риски» обе стороны: потери компаний Евросоюза по итогам 2014–2016 гг. составили около 6 млрд долл. США.

Более того, «строительство» санкционной политики не только не сворачивается (несмотря на длительность их проистекания), но формируется новая схема их продолжения. В частности, по инициативе политических и экономических кругов США и Евросоюза, а также крупных международных транснациональных компаний этих же стран речь идет о «строительстве» некоего «анакондowego» экономического «кольца» вокруг экономических интересов России, ее национального рынка и компаний, выходящие на мировые рынки. Например, Транстихоокеанский договор уже подписаны 12 стран Азиатско-Тихоокеанского региона: США, Япония, Канада, Южная Корея, Мексика, Австралия, Новая Зеландия, Вьетнам, Перу, Сингапур, Чили и Бруней и он вступил в силу. Кстати, США из данного Договора вышли. В этом Договоре отсутствуют Китай и Россия, которые осознанно не были приглашены инициаторами данного проекта. Судьба другого договора находится в стадии намерений и договоренностей: здесь столкнулись интересы крупнейших ТНК США и Евросоюза, которые на протяжении последних трех лет так и не разрешились.

В результате даже самый поверхностный анализ свидетельствует о том, что российские национальные интересы и компании во многих случаях окажутся «купированными» региональными экономическими, юридическими, ценовыми и налоговыми инструментами стран, входящих в эти вновь созданные соглашения между США–АТС – Евросоюз: ТТП и ТАФТА. Такая «мягкая сила» международного торгово-экономического сотрудничества является жесткой «удавкой» для тех стран, которые не участвуют в данном «тендеме», и тех, которые стремятся сохранить свой национальный и экономический суверенитет на рынках. В этой связи В. В. Путин в своей речи на заседании в честь 70-летнего

юбилея ООН подчеркивал, что «ряд стран пошел по пути закрытых, эксклюзивных экономических объединений. Это чревато полной разбалансировкой торговой системы, раздроблением глобального экономического пространства...» [Путин 2015].

В то же время российский Президент тут же предложил Западу: «В противоположность политики “эксклюзивности” политику “гармонизации” региональных экономических проектов – так называемую интеграцию региональных интеграций, основанную на универсальных прозрачных принципах международной торговли» [там же]. Данный пример показывает, что один и тот же инструмент отношений в рамках «мягкой силы» между странами и компаниями может использоваться как в роли противостояния (мирного, но «жесткого»), так и в роли партнера (регулятора-миротворца) для установления нормальных международных экономических отношений.

Не менее важным и очень привлекательным инструментарием «мягкой силы» для высокоразвитых стран Евросоюза и США в адрес народов и государств, отставших на многие годы, является пропаганда программ и продуктов высоких технологий (ИТ-технологий, электронных систем, аэрокосмических технологий, роботостроения и электронного производства). Одновременно апологеты и проводники «западной демократии» и их ценностей, культуры и нравов, господствующего положения английского языка и рынков знаний активно репредудируют, причем нередко в вульгарной форме, во многих мировых обществах, подчеркивая их превосходство и мировую значимость. Конечно, здесь много спорного, и вряд ли возможно эти «ценности» употреблять без их глубокой «переработки», а в большинстве случаев важно разрабатывать контрмеры и предлагать свои национальные ценности на территориях и рынках этих хваленных демократий.

О том, что ценности славяно-русской цивилизации не только не уступают, но нередко и превосходят англосаксонский гонор и чванливость свидетельствует следующий факт: в 1960–1970-е гг., в период когда успехи в науке, производственных технологиях, использовании языков в международной практике в двух общественно-политических системах рассматривались в достойном паритете, многие политики и философы, экономисты и культурологи предлагали рассмотреть возможную модель «соединения этих двух систем» в рамках модели «конвергенции».

Конечно, такое предложение вызывало больше иронию, чем желаемые «намерения», ибо в эти же годы шел процесс активного вооруженного противостояния в ряде регионов мира, а ведущие страны переходили на новые «круги» вооружения – от американских СОО до советских спутников с лазерными перехватчиками.

К сожалению, после того, как в тяжелой схватке двух систем советская экономика, культура и политика были «повержены», западная пропаганда и апологеты англосаксонской цивилизации вновь взяли на вооружение «затасканные» ценности, мораль и инструментарий «защиты» прав человека и бросили на обработку сознания ни только российской молодежи, но на создание «образа» и ведущей силы для всех народов мира.

Опыт противостояния, а вернее, слабое присутствие контрмер, еще в период советской власти, когда само политическое руководство страны отказалось от борьбы и защиты советских ценностей и практически утратило способность к противостоянию, а также опыт современного российского политического руководства, которое до сих пор «жует рукава» и «мягко» прислуживает капиталистам от Рокфеллера до Ротшильда, не может и не в состоянии защитить культуру, ценности и интересы русского и других народов России. А политические партии, как базовая основа политической системы общества, безмолвствуют вместе с профсоюзами и творческой интеллигенцией.

В результате народы российского и не только российского общества находятся в заложниках и систем, которые ими управляют, и предательской политики многих правительств, которые полностью идут в фарватере ведущих стран мира и их идеологии. Только благодаря Президенту Российской Федерации В. В. Путину и частично Федеральному собранию РФ можно говорить, что Россия вышла из-под «опеки» этих «горилл» и смертельных врагов нашей страны. Но речь сегодня должна идти о защите интересов всего русского мира: от Сербии и Македонии до Болгарии и Польши и других сообществ славяно-русской цивилизации.

Важно обратить внимание на то, что и духовные ценности и морально-нравственные устои, язык и правила, а также нормы быта любой нации, с точки зрения природы их формирования и развития, – это внутренняя институциональная система прежде всего человека и любого общества в целом. Нейтрализовать эту

систему, а тем более ее разрушить можно при условии, если сама нация утратила в сознании способность к сопротивлению, саморазвитию и самоутверждению. А это возможно лишь в двух случаях воздействия на такую нацию: либо когда ее уничтожают физически, либо когда в сферу мировоззрения такой нации привносятся привлекательные ценности другой цивилизации. И эта нация, не будучи способной к отражению такой привлекательности, подчиняется воле и интересам другой нации.

Да, англосаксонская цивилизация исторически сложившись на базе греко-римской культуры, в условиях длительных завоевательных войн, но не утратившая, а наоборот, развивавшая эти ценности после Второй мировой войны, начала медленно деградировать в обратном направлении. Сложившееся современное европейское сообщество, развивающееся в тесном взаимодействии в политике и экономике с североамериканской нацией оказалось неспособным к самосовершенствованию, ибо цивилизационные ценности данного сообщества (Евросоюз и США), во-первых, по своей природе – неестественны и, во-вторых, эти ценности стали заложником циничной и жестокой политики экспансии интересов других народов.

На текущий момент сложилось вопиющее противоречие. Научно-технический прогресс, обеспеченный высокоинтеллектуальным трудом и наукоемким производством народов высокоразвитых стран, используя неравные условия на мировых рынках и господствующее положение доллара, способствовал созданию условий для «всеобщего благоденствия». Но за этим «благополучием» еще 6 млрд чел., живущих на планете, решают вопросы выживания. Будучи погрязшими в этом «благоденствии», автор уверен, что все остальные народы и их цивилизации либо перешли на базовые основы западной демократии и ее ценности, либо готовы прислуживать ей и господам из Евросоюза и США. Именно достигнутые высокие социально-экономические показатели и военно-политическая мощь альянса Евросоюза и США создали условия для вседозволенности и беспредела во многих сферах международных отношений, цинизм которых не предполагает наличие в сознании и культуре высоких морально-этических норм ответственности в поведении представителей этого самого высокцивилизационного сообщества. Сегодня в этом «сообществе»

всё активнее формируются ценности, мало достойные внимания народов других цивилизаций: внедрение нанотрадиционных и нетрадиционных гендерных изменений в физиологии человека, отсутствие природной наследственности у семей политических руководителей (однополые браки), утверждение законов об использовании «легких» наркотиков, свободное движение и «права» членов ЛГБТ и др.

Одновременно целый ряд «инструментов» демократии по формированию власти и институтов гражданского общества в странах Западной Европы и США сегодня выступают в форме законов в этих странах по вопросам избрания президента США («выборщики»), о свободной продаже и ношении оружия, «свободные» нравы у духовных руководителей Римской церкви, свободное печатание американских долларовых банкнот, право ЦРУ США прослушивать как политических деятелей, так и рядовых граждан в любой стране мира, право полицейских США расстреливать на месте любого, кто подозревается в попытках посягательства, захват граждан любой страны, находящихся вне территории США и т. п.

Не менее изощренные ценности в качестве инструментов «мягкой силы» западные апологеты и эмиссары применяют и в сфере международных отношений: политика «двойных стандартов», продвижение идеи лидерства США во всех сферах и странах мира, введение любых санкций, прежде всего – экономических, для государств и их компаний, и даже физических лиц, продвижение идеи «свободной демократии» и защиты «прав» граждан, политика «управляемого хаоса». Наиболее зловещим инструментом в политике США является использование международного терроризма в качестве инструмента подавления и разрушения любого государства в той или иной точке мира с целью реализации своих геополитических целей и задач.

В этой связи высшей формой лицемерия и беспредела своих господствующих вожеланий и намерений можно назвать положения и принципы США, изложенные в «Стратегии национальной безопасности США». В частности, в ней утверждается, что «...США является превосходящей все страны мира и лидером в системе международных отношений: “Америка должна быть лидером <...>. Вопрос заключается не в том – должна или нет Америка лидировать в мире. Вопрос стоит в том: как мы должны

лидировать?»» [Стратегия национальной безопасности... 2015]. В этой Стратегии представлен весь «перечень» инструментария ценностей и содержания «демократии», которые США должны «нести» всему миру.

Именно эти ценности и весь набор инструментария «мягкой силы», выработанные за столетия колонизации и подчинения своим интересам интересов других народов мира, позволили в прошлом и позволяют сегодня англосаксонским апологетам активно и бесцеремонно применять в качестве оружия воздействия на сознание и психологию других народов. В результате многие народы Африки, Южной Америки и Юго-Восточной Азии, обладая огромными природными ресурсами, но недостаточными средствами самоорганизации и самообороны, оказались не в состоянии обеспечить свои «суверенитеты» и паритетные ответные меры.

К сожалению, эти «недостатки не миновали и страны Южной и Восточной Европы, в том числе и Россию, которая подверглась жестокой агрессии со стороны США и Евросоюза в период распада СССР (1990-е гг.), которые активно использовали именно инструменты «мягкой силы» и которые способствовали уничтожению экономики и культуры народов Советского Союза, а также поставили на колени новую Россию. Отсюда можно сделать вывод о том, что основная причина исходила не из внутренних острых политических и социально-экономических противоречий в обществе, а от грубого вмешательства западных политических и психологических технологий подчинения и разграбления могущественной державы. Речь идет не только о России. Кстати, сегодня наша страна встала с колен и показывает некоторый пример мужества русского и других народов российского общества. Но ведь многие другие народы так и остались на «обочине» современного развития.

Идентичная «расправа» (воздействие) на сознание и психологию произошла и с народами бывших союзных республик, политические руководители которых предали не только русский народ (Россию), но и свои народы отдали на «заклание» рыцарям западных технологий. Бывшие «союзники» по Варшавскому договору в целях сохранения своей «независимости» и обеспечения «благополучия» скрылись под крышей Евросоюза и натовского «зонтика».

Вот почему, когда речь идет об анализе эффективности применения инструментов «мягкой силы», важно одновременно

вырабатывать некую «иммунную» систему защиты. Например, западные «партнеры» по бизнесу применили экономические санкции против российских компаний. Но в ответ получили контрсанкции. Как показывает практика отношений между государствами, применение асимметричных мер в международных отношениях – серьезный инструмент защиты национальных интересов.

Другой важной асимметричной мерой в «большой» политике является политика «возвращения» и защиты своих территориальных земель, начиная от паритета в процессе разграничения недемитированных приграничных территорий до поддержания своих соотечественников, проживающих на сопредельной территории, но на базе международного права и межгосударственных договоренностей.

Внутренняя система воспитания и мировоззрения в России должна строиться на базовых основах правил и обычаев, истории и ментальности славяно-русской цивилизации. В этой политике должны присутствовать предел разумности в уступках и «нейтрализация» деятельности на своей территории зарубежных «агентов» влияния. И в этой связи важно понимать, что наибольшие угрозы сегодня для российского общества несут такие организации, как: НКО, НПО, центры Корнеги, Ельцинский, саентологические, оккультные и другие организации, являющиеся пропагандистскими инструментами влияния на сознание российского гражданина, особенно молодого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выступление президента РФ В. В. Путина на пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, 28 сентября 2015 г. URL: kremlin.ru > d/50385
- Най-мл. Дж., Джозеф С. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // Свободная мысль – XX в. Нью-Йорк : Паблик афферз, 2004. 192 с.
- Най Дж. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // Свободная мысль – XXI в. 2004. № 10. С. 7.
- План Даллеса. Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР». 1945 г. URL: isrtm.ru>post/ 125/
- Сидорова Г. М. «Мягкая сила» как инструмент формирования новой ментальности»: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Стратегия

“мягкой силы” в контексте информационных войн», Москва, 20 апреля 2017 г. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 268–272.

Стратегия национальной безопасности США. URL: [pentagonus.ru>pabe/strategija.bezopasnosty](http://pentagonus.ru/pabe/strategija.bezopasnosty). 2015

Чертина З. С. «Плавленный котел». Парадигмы этнического развития США. М. : Ин-т всеобщей истории РАН. 2000. С. 163.

Nye Joseph. Bound to Lead : The Changing Nature of American Power. N.Y. : Basic Books, 1991. 336 p.

УДК 327.8

Э. Ф. Макаревич, Ю. Г. Жеглова

Макаревич Э. Ф., доктор социологических наук; профессор кафедры связей с общественностью Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: edward.makarevich@mail.ru

Жеглова Ю. Г., кандидат политических наук, заведующая кафедрой связей с общественностью Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: yzheglova@yandex.ru

СТРАТЕГИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙНАХ: ИСТОРИЧЕСКАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА

В статье анализируются стратегии «мягкой силы», используемые в информационных войнах. Стратегии «мягкой силы» связаны с воздействием ее на политический класс, интеллектуальную и творческую элиту, на население страны, в конечном счете, на человека. Стратегии «мягкой силы» рассматриваются в исторической, политической, культурной динамике: в преддверии и в начале «холодной войны», в эпоху глобальной демократии. Среди них: «стратегия Симонова», «стратегия Гарварда», «стратегия Даллеса – Кеннана», «стратегия Сталина – Капицы», «стратегия Геллнера», «стратегия Штрауса – Бжезинского – Палмера – Шарпа», «стратегия Панарина – Путина – Лаврова». Эти стратегии ведут свою историю с середины 40-х гг. XX в. и до сегодняшних дней. Но даже первые из них нельзя признать устаревшими. Такова «живучесть» привлекательности «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила»; стратегии «мягкой силы»; информационные войны.

Makarevich E. F.

Doctor of Sociology (Dr.habil.), Professor, Department of Public Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: edward.makarevich@mail.ru

Zheglova Yu.

PhD. in Political Sciences, Head of Public Relations Chamber in the Institute of International Relations and Socio-political Sciences, MSLU; e-mail: yzheglova@yandex.ru

SOFT POWER STRATEGIES IN MEDIA WARS: HISTORICAL, POLITICAL AND CULTURAL DYNAMICS

The article reviews «soft power» strategies used in media wars. The «soft power» strategies are reviewed in historical, political and cultural dynamics: before and in the beginning of the Cold War and in the era of global democracy.

Among them are «Simonov strategy», «Harvard strategy», «Dulles-Kennan strategy», «Stalin-Kapitsa strategy», «Gellner strategy», «Strauss-Brzezinski-Palmer-Sharp strategy», «Panarin-Putin-Lavrov».

Key words: soft power; soft power strategies; media wars.

Стратегии «мягкой силы» в преддверии «холодной войны»

Стратегия Симонова. В мае 1946 г., после того как трое американских журналистов побывали в СССР, в США с «ответным визитом» отправились трое советских журналистов – Илья Эренбург от «Известий», Константин Симонов от «Красной звезды» и Михаил Галактионов от «Правды». Симонов на тот момент был весьма известен американской публике, его повесть «Дни и ночи» о Сталинградской битве вошла в десятку самых популярных изданий в США, а стихотворение «Жди меня» стало тогда любимым у американцев. Визит был непростой, уже веяло холодом со страниц американских газет, уже было преддверие «холодной войны». И важно было выбрать нужную ноту в общении с американскими политиками, американской общественностью и СМИ, основываясь на возможностях «мягкой силы». Выступление Симонова на митинге в Сан-Франциско впечатлило американскую публику, потому что он определил верную стратегию как представитель «мягкой силы» (литературы). Его стратегия строилась на обращении к нравственным и политическим ценностям, к духовной и материальной культуре, на близости характеров обоих народов. С помощью этой стратегии он пытался предотвратить начинавшуюся информационную войну [Симонов 1984, с. 314–323].

Шесть принципов стратегии Симонова.

Во-первых, не злорадствовать, а сопереживать. Он напомнил публике, о чем и как пишут американские СМИ. А они писали о том, что большинство русских семей в Москве живет в одной комнате, что люди в России плохо одеты, что в деревнях редко встретишь мужчину, что землю пахут на коровах, что целые семьи живут в землянках, потому что нет домов. И это было горькой правдой. Но почему при этом, спрашивал Симонов, в их публикациях читается: Какое-то непонятное для нормального человека злорадство? Вы радуетесь, что в деревне редко увидишь мужчину. Но «эти мужчины пали на окровавленных улицах всех городов от

Сталинграда до Берлина». «Если б американский народ постигли такие бедствия, какие постигли наш народ, мы бы не радовались, мы бы плакали вместе с вами. А тех людей, которые посмели бы злорадствовать над вашим горем, мы бы судили таким жестоким моральным судом, что им не помогла бы никакая свобода печати!» [Симонов 1984, с. 318].

Во-вторых, не задевать незнанием сердце другого народа. Каждый народ очень болезненно реагирует, когда задевают его сердце. И обращаясь к американцам, Симонов говорит: «...не позволяйте этого делать никому, несмотря на вашу свободу печати, потому что сердце легко ранить, но трудно вылечить» [там же, с. 318].

В-третьих, познавать духовную культуру другого народа, что помогает более всего дружбе людей. «Интерес к Америке у нас начинается с ее литературы, – говорит Симонов. – Великая современная американская литература на протяжении последних двух десятилетий была литературой, наиболее влиявшей на нас среди всех иностранных литератур. Я бы сказал, что в этом смысле она была просто вне конкуренции. <...> Эптон Синклер, Теодор Драйзер, книги которых выходили у нас целыми собраниями сочинений. Потом Синклер Льюис, Вудворт, Юджин О’Нил и, наконец, в последнее десятилетие Хемингуэй, ставший любимым писателем значительной части нашей интеллигенции. Трудно найти среди людей моего поколения человека, который бы не читал “Прощай, оружие!” Хемингуэя или “Гроздь гнева” Стейнбека. Но Америка, подчеркивает Симонов, пришла к нам не только через литературу, а и через кино, «с воспоминаниями об американских немых комедиях и приключенческих картинах неразрывно связано наше детство. Когда мы стали старше, нас поразили и потряс Чаплин. Он стал для нас величайшей вершиной киноискусства» [там же, с. 320].

В-четвертых, познавать научные и технические достижения другого народа, учиться у него. «Америка стала близка людям моего поколения, – говорит Симонов, – не только своей литературой и своим искусством, но и своей техникой, талантом своих инженеров, размахом своих организаторов». «Люди моего поколения, – отмечает он, – юношами стали строить первую пятилетку, вынесли на своих плечах вторую пятилетку и начали третью, когда

война сделала нас солдатами. <...> Тогда, в 1929 г., мы были увлечены американскими методами производства, мы были хорошими и взволнованными учениками, и воспоминания о строительстве пятилеток связаны у меня с глубоким уважением к техническому гению американского народа, у которого, я не хочу преуменьшать, мы многому и очень многому научились» [Симонов 1984, с. 318].

В-пятых, увидеть сходство характеров наших народов. Дружба наших народов, по мнению Симонова, определяется не временными политическими комбинациями, а уважением, пониманием друг друга и во многом сходством характеров. Он доказывает это следующими словами: «Настойчивость, самостоятельность, умение работать не покладая рук, умение не останавливаться перед трудностями, уважение к чужому труду и к чужим мнениям <...> все эти качества одинаково свойственны обоим нашим народам. А если к этому прибавить еще тот истинный демократизм, который в быту, в ежедневной жизни так свойствен и русскому, и американцу, чувство собственного достоинства, отсутствие низкопоклонства и лести и твердое чувство, что каждый человек может “сам себя сделать” ... то нужно сказать, что у наших народов есть более чем достаточно причин для дружбы, может быть, самой разумной и крепкой в мире». И добавляет: «И как писатель, скажу еще об одном, что нас связывает, – о чувствах. И русские, и американцы – мы люди, которые любят смеяться во всё горло, когда им смешно, не стыдясь заплакать, когда им грустно, и готовы крепко пожать руку, когда они благодарны» [там же, с. 321].

В-шестых, людей объединяет не только общая любовь, но и общая ненависть. «К сожалению, – говорит Симонов, – капитуляция фашистской Германии еще не капитуляция фашизма, и я думаю, что общая ненависть к фашизму, которая заставила нас с вами плечом к плечу драться в этой войне, эта ненависть должна и сейчас сохраниться в арсенале наших чувств». Он заключает так: «Последние годы чаще всего слово «фашист» связывалось в мире со словом «немец». Но... когда речь идет о борьбе с фашизмом, мы, русские, не имеем национальных пристрастий, и я не вижу, почему я должен больше любить испанского фашиста... или греческого фашиста... почему я их должен больше любить, чем немецкого фашиста Геббельса? <...> Мне хочется, чтобы вы разделили мою точку зрения по этому вопросу» [там же, с. 323].

Выступление Симонова – это готовая матрица в информационной войне. Говорить правду, но без злорадства; уважать и ценить свершения другого народа, столь мощно выраженные в его материальной и духовной культуре; любить этот народ и строить дружбу с ним на сотрудничестве и на объединяющей ненависти к врагу, которым является фашизм в любом обличье и в любой стране. Это принципы «мягкой силы», провозглашенные в 1946 г. Советским Союзом устами его представителя.

Стратегия «мягкой силы» в начальный период «холодной войны»

Стратегия Гарварда. В 1949 г. Советский Союз провозгласил тезис о борьбе с американским империализмом, который «под флагом космополитизма стремился установить свое мировое господство». Так писал в апрельском номере газеты «Правда» заведующий отделом печати МИД СССР профессор Г. Францев.

В ответ на эту позицию СССР весной 1951 г. Управление национальных оценок ЦРУ, где под руководством профессора Конанта работали теоретики из Гарварда, подготовило некий Меморандум под названием «Психологическое наступление против СССР. Цели и задачи» [Макаревич, Карпухин 2016, с. 283]. Вполне обоснованно этот Меморандум можно назвать *стратегией Гарварда*. Документ этот представлял собой довольно-таки оригинальную интеллектуальную разработку по применению «мягкой силы» в политической и идеологической борьбе с СССР. Она основана на системе доказательств об идентичности ценностей и близости духовных культур советского народа и свободного мира, и на попытке доказать тезис о противостоянии советского народа и советского правительства. В определенной мере в этом Меморандуме чувствуется влияние стратегии Симонова.

Вот главные положения стратегии Гарварда.

При определении... целей и задач, безусловно, предполагается указать советскому народу, что есть альтернатива существующему режиму. В задачу Соединенных Штатов не входит указывать ее конкретно. Следовательно, мы не будем выдвигать предложений по определенным вопросам (коллективизация, демократические выборы т. д.) без получения на это особых политических указаний. Однако во всей нашей пропаганде должно подразумеваться, что конечное решение лежит в восстановлении прав человека, являющихся наследием русского народа. <...>

Речь идет о том, чтобы вызвать ощущение тирании у тех, кто привык к ней или не видит дальше собственного носа. <...>

Задача № 1. Вскрыть и развивать духовные ценности, моральные и этические концепции советского народа, особенно русских, и установить идентичность этих ценностей ценностям свободного мира.

Предлагаемая тематика:

а) правдивость, сострадание, щедрость, любовь к семье, гостеприимство – вот некоторые ценности, дорогие советскому народу, всё это – производное от его духовной жизни. Это общее достояние с народами свободного мира, но оно презирается правителями СССР;

б) исторический вклад русских в различных творческих сферах свободного мира: философии, искусстве и науке – всегда признавался и уважался;

в) изучение классической русской литературы, политической философии и этики показывает: Россия находилась под влиянием творческих, социальных и культурных сил, которые развивал Запад. Политические и этические идеалы русского народа в основе такие же, как на Западе, ибо они проистекают из тех же духовных источников, они извращены в коммунистическом государстве, но не умерли;

Предостережение. Мы не должны перебарщивать, говоря о западном влиянии, и **не производить впечатление говорящих свысока.**

г) русская семья основывается на любви, доверии, взаимопомощи и уважении к правам других. Это ценности общие со свободным миром;

д) то, за что советские люди сражались в годы революции – мир, свобода и хорошая жизнь для всех, – является основными концепциями, общими со свободным миром. Эти концепции ежедневно осуществляются в политической жизни свободного мира;

е) заверить русский народ, что свободный мир не вынашивает никаких замыслов ни против них, ни против их страны, а лишь добивается для них свободы и процветания в дружественном и сотрудничающем мире¹.

Далее в документе подчеркивалось дружеское расположение американцев к советскому народу, русской культуре, указывалось на схожесть некоторых качеств национальных характеров двух народов и при этом проводилась мысль, что советский народ и его правительство несовместимы:

а) США миролюбивы, уважают суверенитет и независимость народов и государств;

¹Зд. и далее перевод Н. Н. Яковлева.

б) американцы проводят различие между советским народом и его правительством;

в) США никогда не воевали с Россией (но была интервенция американских частей в годы Гражданской войны в России. – *Прим. Э. М.*);

г) США помогали советскому народу во Второй мировой войне еще до вступления США в войну с Германией;

д) США продолжали помогать народу СССР даже после завершения боевых действий во Второй мировой войне (оказывали помощь и после революции...);

е) американцы предоставили свои знания и опыт при строительстве промышленности в СССР;

ж) любовь к технике и науке в повседневной жизни общие для народов СССР и США;

з) наши страны велики, и мы строим смелые планы;

и) у нас общий дух пионеров;

к) в США живут многие тысячи людей русского и украинского происхождения, которые оказывают существенное влияние на американскую жизнь;

л) русская и украинская народная музыка и музыка композиторов (включая советских) очень часто исполняется в США; многие наши выдающиеся музыканты русского происхождения;

м) романы и рассказы русских писателей очень популярны в США и в свободном мире. Во всех главных университетах изучают русскую литературу.

Примечание. Нужно рецензировать новые биографии русских писателей и исследования по русской литературе, даже если в них нет политического содержания.

н) народы США и свободного мира знают о мужестве, энергии и чаяниях советских людей, многие американцы выражали публично восхищение этими качествами;

о) США помогают всем народам где только могут, независимо от того, согласны эти народы или нет с политикой США;

п) в американском театре всё еще изучают систему Станиславского и не делается никаких попыток скрыть ее русское происхождение;

р) правительство США, многие частные организации и отдельные лица пытались установить культурные, научные и технические обмены с СССР;

с) о сущности Америки и свободного мира, об основных идеалах, которые мы разделяем с советским народом, дает представление американская и другая западная литература, имеющаяся в СССР: Стейнбек, Эптон Синклер, Марк Твен, Джек Лондон, Диккенс и т. д.

Хотя некоторые из этих книг принадлежат к направлению “социального протеста”, они показывают демократическую веру в социальный прогресс в действии» [Макаревич 2016, с. 283–285].

Ключевой тезис стратегии – восстановление в СССР прав человека. Он прозвучал еще в Фултонской речи Черчилля. Но в документе, созданном гарвардскими аналитиками, акцент был сделан не просто на права человека, а на права, являющиеся наследием русского народа. Для нужд пропагандистской войны они переиначили тезис Черчилля, который с изяществом английского политика и журналиста поддерживал имидж западной демократии: «Мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав человека, которые представляют собой совместное наследие англоязычного мира» [Черчилль 2006, с. 471]. Профессора из Гарварда заменили «англоязычный мир» «русским народом», получившим права человека в наследие от царского режима, от русского императора. Пусть император, лишь бы не генеральный секретарь.

В аналитическом отделе ЦРУ хотели надеяться, что русские, осознав права человека, по-настоящему ощутят царящую в СССР коммунистическую тиранию. Русские – свободолюбивый народ, они готовы постоять за права человека: эту идею им надо внушать постоянно.

А дальше – выполнение задачи номер один: всячески показывать, что духовные, моральные ценности советского народа, особенно русских (!), и свободного мира идентичны. Мы *одинаковы*, а потому космополитичны и потому обязаны сотрудничать. Западный мир должен приблизить к себе русских, говоря им, что они такие же приверженцы свободы, прав человека, частной собственности и рынка. У нас одни ценности, близкие культуры, и наша литература тоже, между прочим, выступает за социальную справедливость. И мы, американцы, никогда не воевали с Россией (а об экспедиционном корпусе, высадившемся на российскую землю в начале Гражданской войны, лучше промолчать). Русским надо, не уставая, внушать, что Россия всегда находилась под влиянием творческих, культурных сил Запада. И не имеет смысла говорить о национальных традициях и национальных ценностях – они у нас общие: свобода, права человека, демократия.

Неизвестно, знал ли Сталин об изысканиях гарвардских профессоров, но логика борьбы с космополитизмом как стратегия «мягкой силы», которую он выбрал, определялась идеями этих аналитиков, доказывающих, что русские люди должны идти вслед за «англоязычным сообществом» по дороге западной цивилизации.

Но вот мешает этому коммунистический режим. Поэтому советским людям надо настойчиво повторять: есть ценности, отдельные от режима, есть «вклад русских», «русская семья», «русский народ», «русская и украинская народная музыка», «русская литература», «романы и рассказы русских писателей». Иногда надо добавлять некий «фон» в виде привычных для жителей СССР словосочетаний типа «советский народ», «советская наука». Советские – значит русские. И вновь по кругу: русский народ – часть западной цивилизации (а не советской), и Запад, добиваясь для него свободы и процветания, борется за русский народ с коммунистическим режимом. Русские, помогите нам в борьбе с вашим тираническим режимом! А США помогут вам, как они помогают всем, кто стремится к свободе.

В соответствии со своей стратегией «Психологическое наступление против СССР» профессора Гарварда обосновали необходимость «непрерывного, достаточно мощного пропагандистского потока», направленного на «русский советский народ». Мощность этого потока определялась голосами радиостанций «Голос Америки» (с 1947 г.), «Свободная Европа» (с 1951 г.) и «Свобода» (с 1953 г.).

Стратегия Даллеса – Кеннана. В начале 1950-х гг., когда начиналась «холодная война», правительство США вложило огромные средства в секретную программу пропаганды в сфере культуры в Западной Европе, касающуюся также и Советского Союза. Это была операция «мягкой силы» в духе стратегии Гарварда, которая основывалась на силе духовной культуры и искусства. Руководило этой операцией Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США. Этот вывод делает английский историк Френсис Стонор Сондерс в своей книге «ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны», вышедшей в России в 2013 г. [Сондерс 2013]. Как пишет Ф. Сондерс, организатором этой тайной кампании стал Конгресс «За свободу культуры», которым руководили два управления ЦРУ – координации политики (Фрэнк Уизнер)

и международных организаций (Том Брейден). Конгресс «За свободу культуры» имел отделения в 35 странах, издавал более 20 престижных журналов, владел новостными и телевизионными службами, занимался книгоизданием, проводил международные конференции, выставки художников, музыкальные фестивали, кампании награждения призами самых ярких деятелей культуры и искусства.

Предтечей Конгресса стал некий консорциум – широкое и влиятельное сообщество интеллектуалов, политических стратегов, корпоративной элиты, пронизанных университетскими связями «Лиги плюща» (объединение старейших университетов, куда входил и Гарвард), которые считали, что мир нуждается в мире по-американски – в *Rex Americana*, «новой эпохе Просвещения, которая могла бы называться «американским веком» [Грани.ру 2008].

Борьбу за «американский век» вело прежде всего ЦРУ, которое оказалось больше, чем разведкой. Оно стало инструментом политической и идеологической борьбы и продвижения «мягкой силы» в интересах США. Именно такое направление деятельности получило ЦРУ во времена, когда его директором стал Аллен Даллес, «человек коварный, безжалостно честолюбивый», по выражению американского исследователя Тима Вейнера.

Элиту ЦРУ тогда составляли члены университетского объединения «Лиги плюща», которые находили кадры для управления в советах директоров компаний, академических учреждениях, ведущих средствах массовой информации, в юридических фирмах. Они были воспитаны «на принципах интеллектуальной мощи, спортивной удали, благородного обхождения и твердой христианской этики» [Сондерс 2013, с. 34].

Ф. Сондерс довольно-таки точно выразила суть этих людей: «В долгих разговорах, подогреваемых интеллектуальной страстью и алкоголем, их видение нового мирового порядка начало обретать форму. Ориентированные вовне, исполненные духа соревнования, резкие, эти люди обладали неколебимой верой в свою систему ценностей и долг предложить ее другим. Они были патрициями современной эпохи, паладинами демократии и не видели в этом никакого противоречия. Это была элита, которая направляла американскую внешнюю политику и формировала законодательство внутри страны. Через интеллектуальные центры, фонды, правления, членство

в джентльменских клубах эти мандарины были прочно связаны друг с другом как принадлежностью к организациям, так и общей верой в свое превосходство. Их задачей было установление, а затем оправдание послевоенного *Rex Americana*. И они были верными сторонниками ЦРУ, которое стало быстро укомплектовываться их школьными друзьями, товарищами по бизнесу, а также старыми бойцами из УСС» [Сондерс 2013, с. 35–36].

Одним из ведущих политиков, соратников Даллеса в деле создания ЦРУ и определения его стратегии, был Джордж Кеннан, ученый, дипломат, конструктор известного «Плана Маршалла», руководитель аппарата политического планирования Госдепартамента США. Ф. Сондерс ссылается на его известную публикацию «Статья Х» в журнале «Форин Аффэрс», где он сформулировал идею первых лет холодной войны с СССР. Утверждая, что Кремль с его «фанатичной идеологией» стремится к доминированию в мировом пространстве, он предложил политику «устойчивого противодействия», «твердого и бдительного сдерживания», где предусматривалось «максимальное развитие пропаганды и техник политической борьбы» [Сондерс 2013, с. 36].

В рамках этих техник и родился в июне 1950 г. Конгресс «За свободу культуры», который стал инструментом «организованного интеллектуального сопротивления коммунизму» [там же, с. 58]. Некоммунистические левые, стали ведущими активистами конгресса. А возглавили Конгресс Майкл Джосельсон, агент ЦРУ, в годы войны офицер службы пропаганды, теперь ставший, по выражению Ф. Сондерс, «Дягилевым американской антисоветской культурной пропаганды», и композитор Николай Набоков, двоюродный брат писателя Владимира Набокова, – в должности генерального секретаря конгресса.

В 1950 г. Управление координации политики ЦРУ утвердило Конгресс «За свободу культуры» в качестве постоянного органа со штаб-квартирой в Париже. На проекты конгресса тратились миллионы долларов. Ведущим направлением деятельности конгресса было завоевание интеллигенции в странах Восточной и Западной Европы и в Советском Союзе. Для этого предусматривалось издание целого ряда журналов, на страницах которых выступали выдающиеся интеллектуалы, писатели и художники, светила того времени. С 1955 г. начал издаваться ежемесячный бюллетень

«Советское обозрение», под редакцией историка Уолтера Лакера, одного «из лучших международных экспертов по Советскому Союзу» [Сондерс 2013, с. 181–182].

Конгресс использовал мощное средство продвижения идей, миная границы государств, – политические и культурные программы радио, где давалось слово интеллектуалам. Конгресс активно искал союзников в Голливуде, которые понимали «проблемы пропаганды США» и могли «умело вставить в свои сценарии и действия нужные идеи». Был определен список таких «друзей» от кинокомпаний «Фокс», «Парамаунт», MGM, «Юниверсал», «Коламбия Пикчерс», Уолт и Рой Дисней из Американской ассоциации кинокомпаний [там же]. Особым направлением деятельности Конгресса была работа с писателями и книгоиздание. «Книги отличаются от всех других средств пропаганды, – писал начальник Отдела тайных операций ЦРУ, – в первую очередь потому, что одна книга может изменить отношение читателя и его дальнейшие действия до такой степени, какой невозможно достичь с помощью другого средства. (Таким образом) книжное производство становится самым важным орудием стратегической (долгосрочной) пропаганды» [там же, с. 207]. Тайная программа книгоиздательства была запущена ЦРУ со следующими целями: «Добиваться издания книг и их распространения за рубежом, не раскрывая какого-либо влияния со стороны США, путем тайного субсидирования зарубежных изданий или книжных магазинов. Добиваться издания книг, “незараженных” какой-либо открытой формой привязки к правительству США, особенно если позиция автора является “деликатной”. Добиваться издания книг, руководствуясь оперативными соображениями, независимо от рентабельности этих книг. Стимулировать и субсидировать местные национальные или международные организации для публикации и распространения книг. Стимулировать написание политически значимых книг неизвестными иностранными авторами либо путем прямого финансирования автора, если возможны тайные контакты с ним, либо косвенно, через литературных агентов и издателей» [там же, с. 207]. В 1977 г. «Нью-Йорк Таймс» писала, что ЦРУ было причастно к изданию по крайней мере тысячи книг [New York Time 1997].

В начале 1951 г. Николай Набоков разработал план проведения масштабного фестиваля искусств «Шедевры XX века», где музыке

отводилась большая часть. Фестиваль начался в апреле 1952 г. с исполнения произведения Игоря Стравинского «Весна священная» Бостонским симфоническим оркестром. Но особенность музыкального фестиваля заключалась в том, что там исполнялись произведения Арнольда Шёнберга, которого в 1933 г. выслали из Германии как еврея и композитора «декадентской музыки», о которой советские критики говорили как о «негармоничной», «хаотичной», «бессодержательной»; исполнялись сочинения Пауля Хиндемита, также бежавшего из фашистской Германии, и чью музыку также отрицала советская музыкальная критика, как и музыку Клода Дебюсси, тоже исполняемую на фестивале, и в которой, по выражению журнала «Советская музыка», господствовали «цветы зла модернизма» [Сондерс 2013, с. 98]. По схеме этого музыкального фестиваля проводились и будущие музыкальные мероприятия, организуемые конгрессом.

Изобразительное искусство – отдельная сфера деятельности Конгресса «За свободу культуры». Самая большая его акция – это создание вместе с американским музеем современного искусства нового направления в изобразительном искусстве: абстрактного экспрессионизма. Союзниками музея здесь выступили фонд Рокфеллера и журнал «Лайф», который выдвинул идею «свободного предпринимательства в искусстве», выразив ее в образе и стилистике абстрактного экспрессионизма.

Экспорт этого направления предусматривал международную пятилетнюю программу, которая включала проведение 33-х международных выставок работ современных американских художников и скульпторов. Самой большой из них была выставка в рамках парижского фестиваля конгресса, основная идея которой выражалась так: «Будут представлены шедевры, которые не могли быть созданы в СССР и гитлеровской Германии – тоталитарных странах». Эта идея потянула за собой темы ключевых посланий для средств массовой информации: «Абстрактное искусство – плод демократии»; «Тирания не терпит нонконформизм»; «Противостояние свободы и тирании» [там же, с. 226–229].

Сотрудник ЦРУ Дональд Джеймсон объяснял: «Мы осознали, что это искусство (абстрактный экспрессионизм. – Э. М.), не имеющее ничего общего с социалистическим реализмом, может заставить социалистический реализм выглядеть еще более

стилизованным, более жестким и ограниченным, чем он есть на самом деле. Москва в те дни была крайне настойчива в критике любого рода несоответствия своим крайне жестким шаблонам. Поэтому сам собой напрашивался вывод, что все, так неистово критикуемое СССР, стоит поддерживать в той или иной степени» [там же, с. 219].

Стратегия Сталина – Капицы. «Мягкую силу» как систему идеологического давления на интеллектуалов Европы и Советского Союза (*стратегия Даллеса – Кеннана*), Сталин определил как космополитизм. К осознанию угрозы космополитизма Сталина подтолкнул не только Черчилль в своей фултонской речи, где он выдвинул тезис о «мягкой» и «жесткой силе», исходящей от «ассоциации англоязычных стран», но и, как это ни парадоксально, советский физик П. Л. Капица. В 1946 г., в разгар работ по созданию советской атомной бомбы он отправил Сталину письмо, в котором обращал внимание на одну из проблем отечественной науки – недооценку своих и переоценку «заграничных» сил, на то, что «необходимо осознать наши творческие силы и возможности». Он подсказывал вождю, что успешно решать проблемы научно-технического прогресса можно только тогда, «когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других и на него можно смело положиться» [Капица 1989, с. 248]. Сталину, вынашивавшему идею борьбы с космополитизмом, «низкопоклонством перед Западом», пришла поддержка со стороны выдающегося русского ученого. В это же время Сталин искал определение, которым можно было бы точнее обозначить явление, о котором писал Капица и которое, как думал вождь, могло трансформироваться в безразличие к Отечеству, в пренебрежение национальным суверенитетом, национальной культурой. У литературного критика В. Г. Белинского он нашел то, что искал, – слово «космополит» и выражения: «фантастические космополиты», «гуманические космополиты».

Но главным оружием в борьбе с космополитизмом Сталин считал идею национального политического суверенитета. Он так сказал об этом в своей речи на XIX съезде КПСС (1952): «Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их “превыше всего”. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продает

права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять» [Правда 1952].

Стратегия «мягкой силы» в эпоху глобальной демократии

Стратегия Геллнера. Американский президент Рональд Рейган, выступая в марте 1983 г. в Орландо (штат Флорида) перед Национальной ассоциацией евангелистов, назвал Советский Союз «империей зла». Это был достаточно жесткий образ, предполагающий мобилизацию сил «добра» с помощью «мягкой силы» для откровенной политической, экономической, идеологической борьбы с носителем «зла» – страной, именуемой СССР.

Здесь сильной стратегией «мягкой силы» оказалась та, которую предложил британский макросоциолог Эрнест Геллнер. Его книга «Нации и национализм», вышедшая на Западе в 1983 г., стала руководством к действию для организаторов политических проектов и стратегов «мягкой силы» на годы вперед. Э. Геллнер рассматривал нацию не как общность людей на основе общего языка и общей культуры, территории и экономической деятельности, а как сконструированный массовый политический проект. Привлекательность этой идеи «мягкой силы» для организаторов информационных войн была в том, что «именно национализм порождает нации, а не наоборот»; «нации делает человек; нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей» [Геллнер 1991, с. 35, 127].

Культуры, которые национализм требует защищать и возрождать, часто являются его собственным вымыслом или изменены до неузнаваемости. Культурные «лоскутки» и «заплатки», используемые национализмом, часто являются произвольными историческими изобретениями, отмечал он. Эти исторические изобретения, эти «вымышленные» культуры для национализма поддерживаются повсеместным распространением «опосредованного школой, академически выверенного, кодифицированного

языка, необходимого для достаточно четкого функционирования бюрократической и технологической коммуникативной системы», распространением символики, стилизованной национализмом под народную культуру [Геллнер 1991, с. 128, 130].

Концепцию Э. Геллнера использовали политтехнологи, которые выстроили систему практических действий в отношении Югославии в 1991–2008 гг. В этот период Социалистическая Федеративная Республика Югославия распалась на шесть независимых стран и одно частично признанное государство. В этом процессе активную роль играли сербские националисты, с которыми работали западные политтехнологические центры. Их стратегия сводилась к стимулированию национализма в Югославии в соответствии с выводом Э. Геллнера: национализм – прежде всего политический принцип, суть которого в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать [там же 1991, с. 23].

В начале 2000-х гг. США в соответствии со своими геополитическими соображениями выбрали Украину, чтобы превратить ее в игрока первой линии в своей борьбе за глобальное лидерство на восточном направлении, где сходятся интересы Европы и России. В этой геополитической игре Украина, по замыслу американцев, должна была создать свою новую нацию. И тем самым выйти из культуры российской цивилизации, которая объединяла людей различных этносов – русских, украинцев, белорусов, казахов и других национальностей, проживавших на территории СССР и именуемых в свое время советским народом, ядро которого составляли русские, благодаря многочисленности и притягательной силе своей культуры.

Когда идея Э. Геллнера (не нации порождают национализм, а национализм порождает нации) овладела умами геополитических стратегов, тогда появился в одном из американских научных центров политический проект национализма для Украины – украинство. В соответствии с этим проектом украинские обществоведы на американские гранты обосновывали ведущую роль украинского этноса в рождении древнерусского государства, а потом и самостоятельную историю украинцев. Идея украинства закладывалась в новые учебники истории для школ и университетов. Вожди политических партий, учителя, организаторы массовых коммуникаций, национальной культуры, публичных ритуалов,

организаторы поиска и канонизации национальных героев, коими оказались радикалы-бандеровцы, – все работали на идею украинского национализма, тоталитарность которого формировала новую, украинскую нацию.

Первый шаг в реализации проекта национализма – обращение к определенным ценностям: к свободе, демократии, к памяти о событиях в истории народа, до сих пор причиняющих боль. Последнее особенно важно, потому что боль можно превратить в ненависть к источнику этой боли – к власти, вождям, к другим народам. Этой болью нужно заразить волонтеров гражданского общества, мобилизовать их на обработку сознания интеллигенции. Затем настанет черед массы, давления на сознание и настроение ее в соответствии с заданным вектором.

Для Украины была выбрана боль, связанная с массовой смертью людей от голода в некоторых ее областях в 1932–1933 гг., которая получила название «голодомор» по выражению украинского писателя О. Мусиенко. Это действительно была боль народа, и важно было так ее интерпретировать, чтобы обозначить источник этой народной трагедии и персонифицировать его.

Тема «голодомора» уже достигла определенного исследовательского накала к середине 1980-х гг. Это прежде всего работы Р. Конквеста и Д. Мейса, которые занимались проектом «украинского голодомора» в гарвардском Институте украинских исследований. Книга Р. Конквеста «Скорбная жатва» стимулировала дальнейшие разработки, но она же и расколола исследователей на две фракции – «пропагандистов» и «ученых». «Пропагандисты» настаивали, что голод на Украине был специально устроен Сталиным, чтобы сломать украинского крестьянина, и даже больше – сломать украинскую нацию. Ученые, в свою очередь, придерживались той концепции, что голод из-за неурожая в те годы затронул не только Украину, но и области России, Казахстана и других республик СССР, что сталинская преступная политика в сельском хозяйстве усугубила положение «голодных» областей, но Сталин был вынужден выгребать до последнего зернышка зерно из закромов на экспорт, чтобы не сорвать индустриализацию страны. Американские политики и политтехнологи, конечно, отдали предпочтение «пропагандистам», потому что они четко интерпретировали источник «голодной» трагедии на Украине.

Воспользовавшись тем, что с начала тех событий прошло 75 лет (дата, выступающая как информационный и политический повод), палата представителей конгресса США 23 сентября 2008 г. осудила «голодомор на Украине», признала его «геноцидом против украинского народа» и заявила, что источник той страшной беды – «советский диктатор Иосиф Сталин и его окружение, сталинское правительство, по воле которых был искусственно создан голод в 1932–1933 гг., жертвами которого стали почти 10 млн жителей Украины». Констатируя это, американские конгрессмены осудили источник этой трагедии – советское правительство за «систематические нарушения прав человека, в том числе и свободы самоопределения и свободы слова украинского народа» [РИА Новости 2008]. После этого в резолюции палаты представителей американского конгресса было выражено соболезнование украинским семьям, которые пострадали в те годы из-за голода; отмечена необходимость работы совместно с федеральными ведомствами США по определению места для памятника жертвам украинского «голодомора» на территории США; а также признано важным «распространение информации об украинском голодном геноциде для расширения знания в мире об этой искусственно созданной трагедии» [там же].

На другой день после принятия резолюции по украинскому «голодомору» палатой представителей Конгресса США президент Украины В. Ющенко выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где заявил: «Террор голодом в Украине имел целенаправленный характер геноцида и сопровождался тотальным уничтожением национальной элиты, гражданского провода и духовенства. Целью было сделать покорным многомиллионный народ, который по признанию режима невозможно было вывезти весь в Сибирь. <...> Просим совместно почтить каждую трагедию и не позволить новых попыток героизации диктатуры Сталина...» [NewSru.com 2008].

Но интерпретация «голодомора» в версии американских и украинских политологов и политиков игнорировала тот факт, что трагедия на Украине не была трагедией, сделанной для Украины. Такая же трагедия тогда постигла целый ряд областей в России и в Казахстане. Причинами голода были и неурожай; и некомпетентность руководителей в Украине, в Казахстане, в областях России; и жестокая политика Сталина, требовавшего обеспечить

запланированную сдачу зерна для продажи Западу, чтобы закупать оборудование и станки для строящихся заводов. И эти причины касались всех зернопроизводящих областей Советского Союза. При этом смертность от голода в СССР в 1932–1933 гг., по подсчетам российских исследователей на основе архивных материалов и с учетом неучтенной смертности, составила в СССР 3,8 млн человек, но никак не 10 млн, безосновательно указанных в американской резолюции [Цаплин 1989, с. 177–178].

Но почему была выбрана Украина в кампании по изменению образа России? Здесь стоит обратить внимание на следующую позицию в резолюции американских конгрессменов: Конгресс поддерживает усилия Украины в демократических и рыночных реформах, чтобы Украина «могла продать свой потенциал в качестве важного стратегического компаньона США в этом регионе мира» [Грани.ру 2008]. Иными словами, речь шла о том, чтобы Украина, граничащая с Россией, стала стратегическим партнером США в этом регионе, где США обозначили свои геополитические интересы. И тема «голодомора» в интерпретации американских консультантов понадобилась, чтобы убедить Украину, что у нее своя история, а у России – своя, что Россия всегда угнетала Украину и украинский «голодомор» самое яркое тому свидетельство.

От «голодомора» изменение сознания шло по вектору ненависти – врагом теперь становились русские, которые якобы угнетали украинцев. Утверждалось, что СССР в 1943–1944 гг. не освобождал Украину от немецких оккупантов, а сам оккупировал ее. А освобождала Украину от немецких фашистов и советских оккупантов украинская повстанческая армия националиста С. Бандеры. Этой псевдоисторической версии, навязанной специалистами «мягкой силы», и придерживались украинские политики, пришедшие к власти в Украине путем переворота в феврале 2014 г.

Стратегия Штрауса – Бжезинского – Палмера – Шарпа. В начале XXI в. в США определилась стратегия смены режимов в той или иной стране посредством «бескровной мягкой силы». Эта стратегия была связана с глобальным лидерством США – «глобального государства», которое придерживается того принципа философии профессора Чикагского университета Лео Штрауса, который гласит, что наилучший социальный строй важнее, чем родина. Если наилучший строй – это максимальная включенность страны

в глобализацию, то это важнее родины. Такой строй порождает «достойного человека», по определению Штрауса, для которого действительно лучший строй был в США, куда он бежал от гитлеровского режима, утвердившегося в 1930-е гг. на его родине – в Германии.

Именно глобализация по такой модели лишает страны и их народы экономической, политической, культурной и ценностной идентичности, «растворяет» суверенитет этих стран в глобализированном мире. При этом главный менеджер этих глобальных процессов – США – остается самодостаточным, сохраняющим и наращивающим свою идентичность.

В марте 2005 г. в Конгресс США несколькими конгрессменами был внесен законопроект, регламентирующий продвижение демократии и демократических ценностей в недемократических странах. Разработали этот документ в стенах Гудзоновского института политолог, дипломат и бизнесмен Марк Палмер, а также политологи Майкл Горовиц и Брент Тантильо и присоединившийся к ним юрист Эрик Кадель. Неформальным лидером этого «авторского коллектива» был М. Палмер, который в своей книге «Сломать ось зла» описал стратегию смены режима в той или иной стране [Palmer 2003]. Выход этой книги приветствовали Ф. Фукуяма и Дж. Муравчик, которые по праву числятся одними из первых лиц американской политологии. Мысли и настроения соратников Палмера тогда удачнее всех выразил бывший директор ЦРУ Д. Вулси в предисловии к книге «Сломать ось зла»: «В ходе трех мировых войн (двух горячих и одной холодной) мы и наши союзники освободили большую часть человечества. Марк Палмер показал нам, каким образом нужно довести наше дело до конца» [Макаревич 2016, с. 301].

Предполагалось, что совершаемые бескровные перевороты в странах с неугодными США режимами обеспечиваются тремя факторами: теоретической концепцией, имеющей ранг политической доктрины, организацией и финансами. Эта политическая доктрина, «вырастая» из работ Бжезинского о диалектике мирового господства и глобального лидерства, определяет перспективы развития человечества в условиях глобализации и распространения демократии под управлением американской элиты.

Доктрина глобального лидерства, принципы «мягкой силы» позволили создать матрицу политической экспансии, которая есть тактика бескровного переворота. По М. Палмеру, матрица смены режимов сводится к следующему (за основу взяты его суждения в книге «Сломать ось зла»):

1) поиск в стране лиц, ориентирующихся на либеральные ценности и придерживающихся проамериканских взглядов; создание с участием этих лиц различных неправительственных организаций – студенческих, молодежных, правозащитных;

2) создание в стране либеральных, прежде всего прозападных каналов коммуникации: ТВ, радио, печатных СМИ и интернет-сайтов;

3) распространение западными СМИ среди граждан данной страны западного общественного мнения и создание нелегитимного и демонического образа так называемого недемократического режима в стране;

4) создание западными и внутренними «демократическими» СМИ образа оппозиционных групп и организаций как «настоящих» представителей народа;

5) принятие международными организациями резолюций, осуждающих «нарушения свобод и прав человека», «наступление на свободу прессы» в стране, где готовится «демократическая революция»;

6) подготовка оппозиционных групп к проведению уличных «ненасильственных» акций – демонстраций, митингов, массовых акций (например, блокирования зданий, где находятся органы власти). Лидеры этих групп должны являть собой образы бескорыстных борцов за свободу и демократию;

7) создание в стране психологической атмосферы, парализующей способность сторонников власти к сопротивлению;

8) использование политических, дипломатических и финансовых методов давления на лидеров страны, членов правительства, чтобы они «добровольно» ушли в отставку [Palmer 2003].

Философию Штрауса, стратегию Палмера дополняет определенная тактикой (практическими рекомендациями) гарвардский профессор Джин Шарп. В своей книге «From Dictatorship to Democracy» («От диктатуры к демократии») он рассматривает 198 способов ненасильственной борьбы, включая саботаж,

разного рода акции, парализующие государственные учреждения, и, конечно, организацию толпы, проведение демонстраций и митингов, а также других подобных акций.

По стратегии Штрауса – Бжезинского – Палмера – Шарпа эффективным способом изменения политического режима в той или иной стране является применение «мягкой силы» как системы ненасильственных действий, приводящих к «цветным» революциям. Проводниками «мягкой силы» являются американские дипломаты и специалисты USAID (Агентство правительства США по социально-экономическому и гуманитарному развитию в различных странах мира). Они занимаются публичной дипломатией: выстраивают отношения с гражданским обществом, общественными организациями и движениями, неправительственными организациями и различными фондами, общественными и религиозными деятелями, предпринимателями, учеными и всеми, кто разделяет американские ценности в той или иной стране. Они выделяют гранты, ведут пропаганду, устраивают форумы политиков, организуют обучение национальных лидеров, поездки молодежи в страну «мягкой силы», иницилирующую «демократическую» экспансию. Всё это формирует представление о другой жизни, лучшей, чем та, к которой соответствующую страну привела ее правящая элита.

В отношении России эта стратегия использовалась для того, чтобы не допустить превращения ее в центр притяжения стран и народов, обладающих родственной историей и культурой, не допустить сообщества стран, где кристаллизующий центр – Россия. Эта стратегия предусматривала организацию конфликтных отношений России со всеми бывшими республиками СССР. Здесь историческое прошлое используется как «мягкая сила», возбуждающая недоверие и неприязнь среди близких народов.

Стратегия Панарина – Путина – Лаврова. Сопrotивляясь политической экспансии американизированного Запада, Россия мобилизовала свою «мягкую силу» на основе идеи политического суверенитета народа. Объяснение этого понятия появилось в работах А. С. Панарина, который писал, что США «последовательно отвергается ключевое для демократии понятие политического суверенитета народа». Там, «где имеет место такой суверенитет, национальные интересы по определению не могут быть предметом

куплю-продажи» [Панарин 2006, с. 23]. В 2006 г. понятие политического суверенитета народа, интерпретируемое и как суверенная демократия, превратилось в выступлениях и публикациях политиков и политологов в определенную политическую концепцию. В их интерпретации суверенная демократия – это такой образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно народом страны на основе национальных интересов. Эта концепция определила интеллектуальную силу речи В. Путина на конференции в Мюнхене в 2007 г. по вопросам политики безопасности, и положила начало реальному процессу суверенизации российской политики. В этой речи было обращено внимание на ущербность некоторых западных ценностей и политических идей, которые, по сути, размывали «мягкую силу» Запада. Со стороны российского внешнеполитического ведомства идея суверенизации российской политики формулировалась так: во внешней политике не будет друзей и врагов, а будут интересы [Газе, Зыгарь 2010, с. 13]. Этот принцип не раз звучал в выступлениях главы российского МИДа С. Лаврова. Исходя из этого принципа, и формируется стратегия взаимодействия между национальными интересами и политическим суверенитетом народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаазе К., Зыгарь М. Пусть опять будет солнце // Русский Newsweek. 11–16 мая 2010.
- Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
- Грани.ру. 24.09.2008. Конгресс США признал голодомор геноцидом. URL: www.novoteka.ru/seventexp/2422833
- Катица П. Л. Письма о науке. М.: Московский рабочий, 1989. 400 с.
- Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Блеск и нищета массовых коммуникаций. М.: Библиотека «Парламентской газеты»: Парламентская газета, 2016.
- Панарин А. Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006. 352 с.
- Правда. 1952, 15 октября.
- РИА «Новости», 24. 09. 2008. Конгресс США осудил голодный геноцид на Украине в 1932–1933 гг. URL: ria.ru/world/20080924/151545434.html
- Симонов К. Уроки на будущее. Речь на митинге в Сан-Франциско // К. Симонов, И. Эренбург. В одной газете. М.: Изд-во АПН, 1984. 326 с.

- Сондерс Ф. С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / пер. с англ. ; ред. пер. В. Крашенинникова. М. : Кучково поле, 2013. 416 с.
- Цаплин В. В.* Статистика жертв сталинизма в 1930-е гг. // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175–181.
- Черчилль У.* Мускулы мира. М. : Эксмо, 2006. 528 с.
- Harry S. Truman Library.* President s Secretary File. 398 с.
- NEWSru.com. 24. 09. 2008. Конгресс США признал голодомор на Украине сталинским геноцидом. URL: www.newsru.com/world/24sep2008/mor.html
- The New York Times, December 25, 1977.
- Palmer M.* Breaking the Real Axis of Evil. How to Oust the World's Last Dictators by 2025. Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2003. P. 29–32

Ю. А. Михалёв

доцент, кандидат политических наук; доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

ИНТЕРНЕТ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ

В статье рассматриваются проблемы национальной безопасности России. На сегодняшний день Интернет превратился в мощное средство влияния на обеспечение, в том числе и национальной, безопасности. В последнее время усиливаются угрозы национальной безопасности современного государства в интернет-пространстве, что, несомненно, требует правового вмешательства для защиты интересов государства.

Ключевые слова: безопасность; национальная безопасность; Интернет.

Mikhalev Yu. A.

Ph. D. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: kafedra.politologia@yandex.ru

INTERNET IN THE MODERN STATE

In the article the problems of national security of Russia. Today, the Internet has become a powerful tool to maintain including national security. Lately there is an increased threat to the national security of the modern state in the Internet space in the Internet environment, which clearly requires legal intervention to protect the interests of the state.

Key words: Security; National security; the Internet.

На сегодняшний день, как и во все времена, одной из главных задач РФ является обеспечение ее национальной безопасности. Данная задача связана с наличием реально возможных и существующих угроз: угрозы личности – ее правам и свободам, угрозы обществу и его демократическим институтам, угрозы государству – его целостности и независимости.

В соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое

развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [Стратегия национальной безопасности... 2020. Электронный ресурс]. Понятие «безопасность» должно распространяться и на интернет-коммуникацию, которая достаточно прочно вошла и укоренилась в жизни современного общества.

Интернет сегодня стал глобальной компьютерной системой, главное отличие которой состоит в том, что у нее нет официального владельца и управленца. Интернет часто упоминают как Всемирная, или Глобальная, сеть. Он состоит из тысячи локальных, правительственных, научных и развлекательных компьютерных сетей. С помощью Интернета появилась возможность посылать электронную почту (e-mail) в более чем 200 стран [Синчук 2012].

Еще совсем недавно считалось, что Интернет – это скорее средство связи, общения, информирования, что соответствовало особенностям его реального использования. Сегодня же информация, передаваемая через «всемирную паутину» оказывается нередко ориентирована на политическую пропаганду и даже на политико-правовое воздействие, и, конечно, на национальную безопасность того или иного государства [Вешинин 2001].

На протяжении всего существования общества и государства за революционными изменениями в коммуникационных технологиях следовали значительные изменения в политических процессах. На современном этапе развития в мире всё быстрее идет массовая интернетизация. Из локального изобретения ученых, облегчающего им исследовательскую работу, Интернет превратился во Всемирную сеть, коммуникация в которой всё больше влияет на все стороны жизни человечества. В стороне от этой тенденции не остается и мир политики.

Рассматривая политическую интернет-коммуникацию с точки зрения политического процесса необходимо обозначить два основных момента, касающиеся политического потенциала Интернета. С одной стороны, граждане в пространстве Сети более самостоятельны в сборе, организации и циркуляции информации и менее зависимы от субъектов политики и их информационных проводников. Пользователи поднимают действительно актуальные темы, позволяя не только фильтровать информацию, но и формировать и выражать свое мнение, анализировать различные ее источники, точки зрения на проблему. С другой – интернет-технологии

позволяют обеспечивать диалог между субъектами политики и пользователями сети и государственное управление, не выходя из дома [Харичкин 2012]. Информационное пространство Сети обеспечивает хранение результатов такого взаимодействия сколь угодно длительное время во множестве точек локализации. Коммуникационные возможности Сети могут воздействовать на политический процесс посредством упрощения горизонтальных и вертикальных политических связей: между властными институтами, между государством и гражданами, внутри самого гражданского общества [Акопов 2013].

Однако вопрос о степени влияния возможностей интернет-коммуникации на отечественный политический процесс еще долгое время останется открытым. Во всяком случае, до того момента, когда коммуникационная значимость Интернета, как по техническому обеспечению, так и по суммарному уровню интернет-грамотности граждан, если не превысит, то хотя бы достигнет уровня влияния традиционных каналов массовой коммуникации. В конечном счете, трансформация политического процесса зависит от готовности государства и общественности принять и использовать возможности, которые дают новые коммуникационные технологии: изменение форм и способов политического участия, взаимоотношений между обществом и субъектами политики [Киселев, Самаркина 2007].

Очевидно, что для обеспечения национальной безопасности в интернет-пространстве необходимы соответствующие законы, которые могли бы четко определять права и обязанности участников интернет-коммуникации. К сожалению, на данный момент существует только проект модельного закона «Об Интернете», который носит рекомендательный характер и не регулирует многие сферы взаимодействия людей в Глобальной сети. Так, до сих пор не определен правовой статус блогеров, а именно: обладают ли они правами журналистов или нет. От ответа на данный вопрос зависит возможность привлечения блогеров к уголовной ответственности, а соответственно, выявление в их действиях угроз национальной безопасности. Также среди проблемных аспектов национальной безопасности в интернет-среде можно выделить следующие: монополизация управления Интернетом, предпринятая в 2009 г. попытка деанонимизации пользователей, нарушение

авторских прав и прав интеллектуальной собственности, нарушение прав и законных интересов личности в процессе информационного обмена и др. [Максимова... Электронный ресурс].

Так, сетевые технологии облегчают задачу консолидации граждан и их взаимодействия с государством, переступая через географические и социально-демографические барьеры реальности. Снижаются организационно-информационные издержки политических объединений; увеличиваются возможности по сбору взносов и пожертвований; появляется возможность самостоятельно, посредством информационных ресурсов Сети, распространять свое влияние, находить новых участников – всё это предоставляет новые возможности в самоорганизации общества. Интернет может способствовать коллективным действиям даже на местном уровне вплоть до принятия решений жильцами домов, которые могут общаться через интернет-ресурс, а не проводить постоянные собрания.

При этом следует понимать, что коммуникационные ресурсы Сети как открывают дополнительные возможности для уже существующих в оф-лайне объединений, так и порождают свои виртуальные объединения, не существующие в реальном мире. Интернет дает возможность идентификации и самоопределения группам общественности, которые не могут сформироваться в реальном пространстве.

Благодаря сетевой коммуникации отдельные индивиды с общими целями в различных точках страны могут превратиться в мощную силу, оказывающую в рамках системы «мысли глобально – действуй локально» информационное, а в ряде случаев и деятельностное, давление на субъекты политики. Более того, с помощью Сети отдельный индивид может поднять свою личную, местную, проблему на национальный уровень как проблему системную, привлечь к ней внимание и действия власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акопов Г.Л.* Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций: монография. М. : КНОРУС, 2013. 240 с.
- Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб. : Изд-во Михайлова В. А. 2001. 354 с.
- Киселев А.А., Самаркина И.В.* Интернет: модель и практики политического участия. Краснодар : Оттиск, 2007. 103 с.

- Максимова Е. А.* Проблемы национальной безопасности России в интернет-пространстве. URL: docme.ru/yhA7.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Совета безопасности РФ. URL: www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html.
- Синчук Ю. В.* Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. 2012. № 3 (19). С. 60–65.
- Харичкин И. К.* О понятии «политическое управление» // Вестник университета (Гос. университет управления). 2012. № 4. С. 99–103.

**О ТЕНДЕНЦИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМА В АФРИКЕ
(на примере Демократической Республики Конго)**

В статье анализируется влияние радикального ислама и террористических организаций на безопасность в Африке. В качестве предмета исследования выбраны тенденции распространения радикального ислама в одной из центральноафриканских стран – Демократической Республике Конго. Детально рассматриваются террористические организации, которые дестабилизируют обстановку в ряде африканских стран. Дается оценка и прогноз развития ситуации на африканском континенте в связи с распространением ислама и предлагаются пути предупреждения негативного развития сценария. Автор пришел к выводу о том, что идеи радикалов будут распространяться и в предстоящие годы. Это, в свою очередь, будет обострять и без того сложную военно-политическую ситуацию и приводить к вооруженным конфликтам.

Ключевые слова: Африка; Демократическая Республика Конго; ислам; фундаменталисты; джихад; террористы; незаконные вооруженные формирования.

Sidorova G. M.

PhD. of History (Dr. habil.), Head of Department of Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: gal_sid@mail.ru

**TRENDS IN THE SPREAD OF RADICAL ISLAM IN AFRICA
(THE CASE OF THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO)**

Terrorism has become one of the most dangerous threats world ever confronted. Nowadays the influence of radical Islam and terrorist organizations extends far beyond the borders of a country or a continent. The focus is made on trends in spread of radical Islam in one of the Central African countries – the Democratic Republic of the Congo (the DROC). Detailed consideration is given to the terrorist organizations that destabilize the situation in several African countries. Estimation and forecast are made to analyze the development of the situation in the African continent in connection with the spread of Islam. The study also offers the ways of preventing development of a negative scenario. The author arrived at the conclusion that the radical ideas will continue to propagate in the coming

years. This, in turn, will aggravate the already complicated military and political situation and will lead to armed conflicts.

Key words: Africa; the Democratic Republic of the Congo; Islam; radical; revivalists; jihad; terrorists; illegal armed groups.

Исламский радикализм и экстремизм воспринимаются во всем мире как главная угроза международной безопасности. Исламисты взяли курс на вооружение терроризм и вывели его на глобальный уровень. Сегодня, пожалуй, нет ни одного континента, где бы эта проблема не стояла остро. С таких позиций подходит ученый Д. В. Тренин и приводит свои рассуждения в статье «Традиционные и новые вызовы безопасности в международных отношениях» [Тренин 2015]. И с ним вполне можно согласиться.

В последнее время проникновение и распространение радикального ислама ощущается и в странах Африки, где и без того не решены задачи национальной и континентальной безопасности из-за непрекращающихся вооруженных конфликтов. Наиболее распространенные исламские группировки в Африке, южнее Сахары, – ваххабиты и «Братья-мусульмане». Распространены также секта шейха Балалы в Кении, которая имеет активное отделение в Зимбабве, Ассоциация мусульман-суннитов в Кот-д’Ивуаре, «Народ против гангстеризма и наркотиков» и «Исламский джихад» в ЮАР. В Нигерии наибольшую опасность представляет экстремистская организация «Боко Хаарам», навязывающая законы шариата и искоренение западного образа жизни, в Сенегале – Движение ал-Фаллах за исламскую культуру салафийа, в Буркина Фасо действует «ДжамаатАхл ал-Сунна ал-Мухаммадия», в Сомали – «Аль-Шабааб» и «Джихад ал-Исламийа», радикальное крыло Движения за единство и джихад в Западной Африке (с лидером Умар Ульд Хамах), “Аль-Каида” в странах исламского Магриба», которая захватила контроль над северными территориями Мали и удерживала в октябре 2012 г. в заложниках 9 европейских граждан, 6 из которых были французы [Кемаль 2015].

Опорой фундаменталистов является не только ислам, идущий из арабских стран Востока и Магриба [Жерлицына 2016]. Африканская действительность знает примеры становления религиозного экстремизма, зарождающегося в недрах самого африканского общества. Это разного рода секты и группы, привлекающие к себе внимание в основном обездоленного населения страны,

стремящегося к лучшей жизни. Все они различны в плане догматики. Хотя большинство их составляют мусульмане-сунниты, в ряде стран возникло и шиитское меньшинство (отличаются смелостью в бою, не боятся смерти, верят в загробную жизнь), которое также влиятельно, благодаря материальной, организационной и моральной поддержке Ирана. Влияние шиитов-фундаменталистов ощущается в Нигерии, Сенегале, Кении, Кот-д'Ивуаре, Мали и ЮАР.

Попутно отметим, что термин «исламские фундаменталисты», который чаще всего ассоциируется с терроризмом, не всегда имел это негативное значение. Если обратиться к истории, то заметим, что он вошел в политический лексикон в 1970–1980-е гг. после подъема антишахского режима в Иране. Российский дипломат и востоковед А. И. Вавилов утверждает, что «исламский фундаментализм всегда оправданно распространяется на довольно широкое, расплывчатое и во многом разнородное религиозно-политическое движение, выступающее за возврат к “первородным, коренным ценностям ислама” (неслучайно с *араб.* “фундаменталисты” переводится как “корневики”))» [Вавилов 2009]. Другой ученый, африканист А. Д. Саватеев, настаивает на том, что исламский фундаментализм далек от народности, хотя «вбирает в себя спектр разных взглядов с духовно-религиозной точки зрения и отражает интересы различных социальных слоев и настроений многих категорий мусульман» [Саватеев 2006, с. 73]. Он приводит следующую классификацию исламистов. Первая категория ориентирована на внутренние ценности вечного порядка – справедливость, равенство, честный труд в соответствии с кораническими заповедями. Вторая категория не довольствуется персональным соблюдением норм и правил «истинного» ислама и обращается к собратьям по религии с предложениями следовать пророческим предписаниям. Третья выходит за пределы «собратьев» и стремится навязать свои нормы поведения приверженцам других концессий. Четвертая категория включает представителей светской интеллигенции, торговцев, выступает за соединение ислама и власти и фактически – за воссоздание теократического государства. Хотя и здесь взгляды приверженцев далеко не совпадают. Пятая категория фундаменталистов – вооруженный джихад, который выражается в достижении цели (создании единого исламского религиозно-политического образования) любыми

средствами, включая борьбу с «экспансией» христиан и расправу с неверующими. Основой нравственного портрета экстремистского крыла фундаменталистов являются цинизм и озлобленность, направленные на разрыв с исконно африканскими ценностями. Согласно идеологии исламского экстремизма, мусульманин просто обязан бороться с неверными, т. е. вести вооруженный джихад [Саватеев 2006].

Исследование проблемы проникновения ислама и его последствий в одну из центральноафриканских стран – Демократическую Республику Конго (ДРК) дает наглядное представление о затронутой теме. В ДРК ислам был признан сравнительно недавно, хотя исламизация страны, которая шла с востока ДРК, известна еще до прихода на континент португальцев (1482). В марте 1972 г. президент Заира Мобуту Сесе Секо издал Указ 72/194 об образовании Исламской общины Заира (COMIZA), которая позднее преобразовалась в Исламскую общину Конго (COMICO) [Cheik Ali Mwinyi 2014]. Эта организация является официально признанной и объединяет лишь часть мусульманской общины в ДРК. Помимо нее действуют другие исламские организации «на частной основе». С марта 2014 г. из числа 12 претендентов на пост главы Исламской общины сроком на 5 лет был избран муфтий шейх Али Мвини Мкуу (AliMwiniMkuu) – политически грамотный, хорошо образованный, занимающий активную позицию в субрегиональных, континентальных и международных организациях [Les musulmans de... 2014]. Широта контактов и общения с региональными и зарубежными коллегами позволяет муфтию аккумулировать информацию, «держатъ руку на пульсе» и контролировать ситуацию в стране.

В 2012 г. Исламская община Конго приступила к осуществлению программы «Мирное урегулирование конфликтов, администрирование и эффективное управление», цель которой – обучение своих представителей в провинциях страны. Акция затронула 48 региональных комитетов и 288 исламских центров, в которых работает около трех тысяч активистов. По заявлению заместителя председателя Исламской общины Конго М. Сето-Багони, ответственного за юридические вопросы, обученные специалисты будут оказывать незаменимую поддержку правительству ДРК в деле установления мира и верховенства закона на всей территории страны. В провинциях для конголезских граждан также предусмотрена

необходимая правовая, экспертная и консультационная помощь в рамках урегулирования внутривнутриполитической ситуации в республике. На осуществление проекта Исламского сообщества было запланировано выделение около 130 тыс. долл. США при содействии местных, региональных и международных спонсоров.

Отметим, что роль религиозных конфессий в общественно-политической жизни ДРК, в том числе с учетом характерной для африканцев повышенной религиозности, чрезвычайно высока. Чтобы лучше понять эту взаимосвязь и взаимозависимость было бы полезным ознакомиться со статьями Ю. Н. Татарина и И. К. Харичкина, а также Е. В. Макаренкова и И. К. Харичкина [Татарина, Харичкин 2012; Макаренков, Харичкин 2007]. Доминирующее положение занимает католицизм, который здесь исповедуют более 50 % 80-миллионного населения, и как его ответвление – протестантизм – 20 %. По этому показателю ДРК является крупнейшей в Африке католической страной, что обуславливает особое внимание к Киншасе со стороны Ватикана. Значительную активность демонстрирует Национальная епископальная конференция, декларирующая на регулярной основе свою позицию по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. Католические структуры традиционно участвуют в политических процессах, обладают высокими постами в государственных структурах. К примеру, аббат Аполлинарий Малумалу дважды избирался на пост председателя Национальной независимой избирательной комиссии – в 2006 и 2013 гг. Религиозные деятели исполняют роль посредников в процессах урегулирования восточного кризиса, координируют оказание гуманитарной помощи, располагают широкой сетью высших и средних общеобразовательных учреждений.

Афрохристианские синкретические секты (особенно кимбангизм) также имеют весьма многочисленную паству в ряде провинций и в силу своих постулатов (богоизбранность африканцев и др.) отличаются значительной политической ангажированностью, часто сепаратистской или антиевропейской направленности (примерно 10 %). Много различных религиозных сект. Как правило, они платные, но благодаря ораторскому искусству проповедников и их умению «притягивать» внимание, секты очень популярны среди местного населения. Православие представлено слабо

(5 приходов). Его исповедуют около 3 % населения. По оценкам 2015 г., 10 % конголезцев исповедуют ислам.

Наибольшее число мусульман сосредоточено на востоке страны в провинциях Восточная, Маньема и на севере Катанги. Наряду с христианскими культовыми постройками в ДРК имеется 70 мечетей, принадлежащих различным мусульманским общинам – пакистанской, иранской, ливанской, индийской и другим.

С каждым годом процент конголезцев, исповедующих ислам, растет. Этому частично способствует и присутствие в стране миротворцев-мусульман, находящихся в составе миссии ООН по стабилизации в ДРК, многочисленных военных подразделений пакистанцев, которые оказывают финансовую поддержку исламским сообществам, в том числе в строительстве мечетей. Тяжелая внутриполитическая, экономическая и социальная обстановка в стране способствуют распространению радикального крыла ислама.

В ходе одной из бесед автора, состоявшейся в Киншасе в 2013 г., шейх Абдалах Мангал рассказал, что исламская община в ДРК не имеет ничего общего с так называемыми радикальными, агрессивными исламистами. Она тщательно отслеживает проявления прозелитизма с целью его «подавления в корне», направлена на примирение враждующих этносов, погашение конфликтных ситуаций, в том числе на востоке страны, выступает за консолидацию народов различных религиозных исповеданий. Мусульмане пытаются распространять и внедрять свою культуру, открывать школы и оказывать гуманитарную помощь бедствующему конголезскому населению. Но, несмотря на «привлекательные стороны» ислама, по словам муфтия, конголезские власти всё же препятствуют в «католической стране» распространению этой религии. Он привел следующий пример. 18 апреля 2013 г. министр юстиции и прав человека ДРК подписала Указ о приостановлении деятельности исламской общины на три месяца (причины не разглашаются). Остановить его действие удалось лишь после вмешательства муфтия и соответствующего обращения к конголезским властям.

Как утверждают конголезские аналитики, хотя в период 2011–2014 г. на территории страны не были зафиксированы какие-либо организации радикальных исламистов, но определенные опасения проникновения идей джихадистской направленности всё же

существуют. По оценкам экспертов, мусульманское влияние, хотя пока и медленно, но надвигается на ДРК. С запада «мусульманская волна» идет из Мали и Нигерии, с востока – из Кении через Руанду и Уганду, с юга – из Танзании и Замбии, с севера – из ЦАР в связи с государственным переворотом в марте 2013 г.

В качестве «очага распространения» радикального ислама чаще всего эксперты называют Мали – «цитадель» исламизма в Африке. Они не исключают, что конфликты между салафитами, у которых существуют различия догматического, идейно-политического и культурного характера, могут быть перенесены на конголезскую землю, как имел место привнесенный в ДРК конфликт между тутси и хуту в Руанде в 1994 г. В этом смысле вызывает опасения большая малийская община в ДРК, живущая по своим законам и имеющая собственную мечеть. Другой источник угрозы – Нигерия, где этнические противоречия между «христианским югом» и «мусульманским севером» грозят серьезным взрывом, вплоть до раскола страны на два государства. Последствия конфликта вполне могут сказаться и на центральном регионе Африки, куда устремятся беженцы различных верований. В результате на уже имеющиеся этнические и религиозные противоречия наложатся «чужие» проблемы. Серьезной опасностью также является перемещение через «рыхлую» границу боевиков-нелегалов из Южного Судана, которые частично «осели» в ДРК. Это делает конголезское общество крайне уязвимым перед лицом постоянной террористической угрозы.

Другой источник угрозы распространения ислама в ДРК – соседняя ЦАР, где, как уже отмечалось, произошел государственный переворот. По сообщению российских военных наблюдателей МООНСДРК, 5 декабря 2013 г. вблизи населенного пункта Зонго в провинции Экватор (ДРК), граничащего с населенным пунктом Бангун (ЦАР), начались боевые столкновения между мусульманской «Селека» и христианской организацией «Антибалака» с применением огнестрельного оружия. По предположению экспертов, межэтнический конфликт обострился в результате массированных действий французских военнослужащих, развернувших в ЦАР операцию «Сангарис» (в переводе с суахили – «красная бабочка»). Сообщалось также, что на территорию ДРК перешло около 10 военных из оппозиционного правительству ЦАР движения «Селека».

Потоки беженцев из ЦАР пересекали границу и «рассасывались» в лесах ДРК, поскольку оставаться в лагерях беженцев они не желали из-за нестабильной ситуации в регионе. Конголезцы, проживающие в приграничных с ЦАР районах, также незамедлительно отреагировали на доносящиеся до них залпы орудий и обратились в бегство. В целом ситуация осложнилась, поскольку гражданское население ДРК было крайне раздражено пришельцами из соседней страны, которые провоцировали конфликты, а также ухудшили их и без того бедственное положение. Пришельцы не только «теснили» местное население в провинции Экватор, но и приносили с собой исламскую культуру, которая чужда конголезцам-христианам и тем, кто придерживается местных верований. По сведениям УВКБ, в мае 2014 г. в ДРК насчитывалось около 70 тыс. беженцев из ЦАР и 6 тыс. конголезских репатриантов. Помимо беженцев осуществлялся бесконтрольный переход на территорию ДРК царовских боевиков. О рисках миграционных процессов и связанной с ними дестабилизации подробно говорится в аналитических записках российских исследователей К. Боришполеца и А. Бабаджанова, а также В. В. Попова [Боришполец, Бабаджанов 2007; Попов 2014].

Угроза распространения радикального ислама в ДРК и других африканских странах исходит не только с Востока и Магриба. В результате расследований теракта в Найроби 21 сентября 2013 г. (погибли 67 человек), НПО «Красный крест» пришла к выводу о том, что рекрутирование боевиков проводилось и в Европе. Среди них были обнаружены немцы, скандинавы, американцы. По мнению координатора Евросоюза по борьбе с терроризмом Жилия Кершова, необходимо лучше узнать, каким образом туда попадают люди? Существует, например, в Бельгии организация по рекрутированию наемников «Организация шариата для Бельгии» («L'Organisation de la Charia pour la Belgique»). Европейские наемники были замечены в Сирии и Кении [Les Shebabs recrutent-ils... 2014].

Наиболее уязвимыми и подверженными джихадистскому влиянию являются восточные районы ДРК. Большая протяженность и «рыхлость» границ с пограничными государствами (9 стран), геолого-климатические особенности (гористая местность, многоярусный экваториальный лес, сезоны дождей) вкупе с отсутствием дорог и общей неразвитостью дорожной инфраструктуры

обуславливают неэффективность системы пограничной безопасности и служат открытым «окном» не только для транснациональной преступности, но и для исламских фундаменталистов.

Дополнительным фактором риска дестабилизации обстановки является растущая террористическая активность в целом на африканском континенте со стороны бандформирований. На протяжении более десяти лет на востоке ДРК (провинции Северное и Южное Киву, Восточная и на севере Катанги) действуют неконтролируемые центральной властью незаконные вооруженные формирования (НВФ), представители которых исповедуют ислам. В первую очередь это угандийские группировки «Армия сопротивления Господа» (АСГ) и «Объединенные демократические силы» (ОДС). В связи с этим образуются очаги конфликтов, создающие питательную почву для террористических проявлений. Преступная деятельность НВФ связана, как правило, с нелегальной эксплуатацией ценного природного сырья, переправляемого контрабандным путем за границу и бесконтрольным денежным потоком. Лидеры НВФ нередко руководят процессом добычи и реализации на черном рынке ценных минералов и металлов, используя местное население в качестве бесплатной рабочей силы на шахтах и рудниках. Гражданское население отдаленных районов часто становится объектом грабежей, произвола и насилия военных разных мастей. Местные жители подвергаются пыткам и унижениям, нередко их убивают, отнимают скот, сжигают жилища и уничтожают посевы. Распространены случаи похищения людей с целью обращения их в рабство. Одних используют для тылового обслуживания боевиков, других – для непосредственного участия в боевых операциях. «Болевой» точкой остается рекрутирование детей-солдат, лишенных образования и подверженных психологическим травмам. Боевики привлекают к труду несовершеннолетних детей под угрозой физической расправы над ними. Это провоцирует массовое бегство населения в приграничные зоны, где, в свою очередь, создаются новые очаги напряженности.

Серьезную озабоченность у властей вызывают такие действия боевиков, как захват заложников, включая иностранцев, с целью выкупа. Так, в апреле 2010 г. повстанцы НВФ «Эньеле» осуществили ряд захватов иностранных граждан в провинции Экватор для привлечения внимания международной общественности

к своей активности. Тогда же ими были захвачены аэропорт и муниципальные здания провинциального административного центра г. Мбандака.

Ситуация осложняется катастрофическим положением в социальной сфере, крайней бедностью населения, невыплатой денежного пособия военнослужащим национальной армии. Обездоленное население, среди которого много молодежи, наиболее подвержено влиянию исламистов, обещающим им улучшение жизненных условий. Именно эти люди пополняют ряды вооруженных группировок и невольно становятся носителями идей ислама.

В процесс добычи и реализации ценного сырья на внешнем рынке вовлечены практически все приграничные государства. По оценкам экспертов, более 80 % экономики ДРК остается теневой, и выхода из этой драматической ситуации пока никто не видит. Эксперты говорят о наличии в этой сфере мафиозных структур, имеющих непосредственные выходы на международные центры. Генеральная таможенная дирекция ДРК намерена бороться с отмыванием денег, незаконной торговлей и трансграничной преступностью. 21 ноября 2013 г. был подписан Протокол о намерениях с юридической полицией прокуратуры. В рамках этого документа предусмотрена программа по укреплению возможностей персонала таможенной службы для расследований в криминальной сфере. В ст. 2 Протокола говорится, что «юридическая полиция прокуратуры обязуется обеспечить образование таможенникам в установленные сроки; создать с помощью Интерпола базу данных Генеральной дирекции таможни с целью борьбы с хищениями»¹ [Lutte contre la criminalité... 2013].

Правозащитные неправительственные организации, например «Хьюман Райтс Вотч», в своих отчетах, основанных на фактах и расследованиях, акцентируют внимание на связи между доходами, полученными от реализации контрабандных ресурсов на мировом рынке, и трафиком нелегального оружия в восточных районах ДРК. В зоны боевых действий поступают значительные объемы оружия и бесконтрольные денежные потоки. В контексте активности вооруженных объединений возникает проблема нелегального оборота легкого стрелкового оружия (ЛСО), приобретаемого

¹ Здесь и далее перевод наш. – Г. С.

в обмен на так называемые кровавые алмазы (компактная и удобная форма взаиморасчетов). Ужесточение контроля над незаконным оборотом ЛСО, негативно влияющим на отношения между ДРК, Руандой и Угандой, остается одной из чувствительных тем для всего региона.

Боевики НВФ совершают террористические акции не только на суше. Время от времени появляются сообщения о пиратстве на о. Танганьика. По сведениям очевидцев, появление на озере грузового судна после 18 часов (т. е. с наступлением темноты) крайне нежелательно. Так, в ночь с 1 на 2 июля 2014 г. повстанцы май-май «Якутумба» напали на торговое судно в районе г. Увиры (провинция Южное Киву). Пираты вынудили капитана отдать им 2 тыс. долл., слили всё горючее и похитили бортовой инструмент. По поступившей информации, боевики были хорошо вооружены и обучены [Des miliciens Maï-Maï... 2014]. Подобный инцидент имел место и в 2011 г., когда вооруженные комбатанты захватили судно «Мама Винджа» (там находилось около 100 пассажиров и 40 тонн груза), направлявшееся по о. Танганьика из г. Увиры (провинция Южное Киву) в г. Моба (провинция Катанга), и заставили капитана поменять курс следования, практически сделав его заложником [Les Maï-Maï... 2011].

Террористическая деятельность в ДРК подогревается национальными сепаратистами. По оценкам властей, в последнее десятилетие наиболее активным оставалось религиозно-политическое движение «Бунду дия Конго». В переходный период 2003–2005 гг. эта организация контролировала большую часть провинции Нижнее Конго, выступая за ее полную независимость как исторического наследника Великого королевства Конго. Хотя после столкновений сторонников этого объединения с силами правопорядка весной 2008 г. деятельность «Бунду дия Конго» официально была запрещена, она не утратила своих сторонников и продолжает оказывать влияние. Внешне лозунги «Бунду дия Конго» выглядят как вполне демократические. В качестве примера можно привести воззвание от 8 октября 2012 г., в котором представители этой организации призывают к защите народа баконго [Document de l'organisation... 2012].

Всплески сепаратистских настроений, разжигающих национальную рознь, постоянно наблюдаются в провинции Катанга. В середине 2014 г. боевики НВФ «Ката Катанга» заявили о том,

что в годовщину провозглашения Республики Катанга 11 июля, которая просуществовала с 1960 по 1963 гг., но не была признана мировым сообществом, они намереваются захватить ее административный центр – г. Лубумбаши. Цель захвата этого второго по значимости после столицы города – вновь провозгласить независимость Катанги и водрузить свое знамя на стратегических объектах города. Одним из таких точек они назвали памятник Моизу Чомбе – «президенту» Республики Катанга. Несмотря на то, что заявление «Ката Катанги» не было реализовано и лишь напугало пальбой из автоматов мирных жителей, силовые структуры, включая армейские и полицейские подразделения, подготовили для отражения атаки солидный арсенал военной техники [Tensions à Lubumbashi... 2014].

Одним из путей проникновения ислама в ДРК является коммерция с приграничными странами. Доверительные отношения в бизнесе создают благоприятную почву для общения и на религиозные темы. Кроме того, водители-дальнобойщики, например, из Танзании и Замбии, носители исламской культуры также рассматриваются здесь в качестве распространителей ислама в восточной и южной части Конго. Как подчеркнул конголезский дипломат, Национальный комитет по координации борьбы с международным терроризмом сотрудничает с региональными и международными организациями данной направленности, а также использует аналитический потенциал ЦРУ. С его слов, по данным этой Организации, в ДРК замечен след сомалийского радикального движения салафитов «Аш-Шабааб», созданного в 2000 г. (в переводе с арабского языка означает «молодежь»), являющегося составной частью «Аль-Каиды», которая пытается наладить в ДРК устойчивые связи. В ДРК в 2011 г. зафиксированы визиты эмиссаров «Аш-Шабааб», которые пытались установить контакты с исламскими организациями на востоке страны, в первую очередь в провинции Южное Киву, где расквартированы пакистанские подразделения МООНСДРК. Именно исламистская группа «Аш-Шабааб» взяла на себя ответственность за теракт в столице соседней Уганды г. Кампале 11 июля 2010 г. Угандийские власти утверждали, что террористы якобы проникли в страну с конголезской территории. Военное командование Уганды выдвинуло публичные предположения о связи «Аш-Шабааб» с угандийским мятежным

антиправительственным формированием ОДС, базирующимся в восточных районах ДРК.

В рядах «Аш-Шабааб» насчитывается от 7 до 9 тыс. боевиков различных незаконных вооруженных формирований [Kongo 2013]. Перспектива его проникновения в ДРК создает дополнительную серьезную угрозу как национальной безопасности страны, так и оздоровлению климата в Центральном регионе Африки в целом. Конголезский исследователь проблем ислама Валентина Сория в интервью газете «Потансьель» отметила, что «Аш-Шабааб» имеет целью адаптироваться к местным африканским культурам, завоевывая таким образом политическое и экономическое пространство и налаживая устойчивые связи [Tirées de Misna... 2013].

В одном из документов, якобы оставленном в машине некоего Фазула Абдуллаха Мохамеда из «Аш-Шабааб», а затем попавшем в канадскую газету «The Toronto Star», говорится о подготовке спецопераций, осуществленных в Бомбее в 2008 г., в Найроби в 2013 г., в Лондоне в гостинице Риц. В том же документе сказано, что такие страны, как Уганда, Эфиопия и Бурунди рассматриваются как «враги ислама», и что с ними надо непременно бороться. Там же говорится и о вооружении исламистов. Они считают, что автомат Калашникова – «громоздкое оружие», и предпочитают вооружаться пистолетами и охотничьими ножами [там же].

Тема радикального ислама и терроризма постоянно находится в фокусе внимания конголезских властей. Основанием для запрета террористической деятельности в стране служит ст. 52 Конституции. В ней сказано: «Ни какое-либо лицо, ни группа лиц не могут использовать национальную территорию в качестве базы для подрывных или террористических действий против конголезского или любого иного государства» [La Constitution... 2006]. Вопросы антитеррористической и антикриминальной деятельности, а также распространение фундаментализма занимают особое место в работе силовых структур ДРК, поскольку в восточных районах страны постоянно возникают очаги военных конфликтов, создающие питательную среду для серьезных террористических проявлений. Эти проблемы изучает Национальный комитет по координации борьбы с международным терроризмом. Он был утвержден президентским Указом 070/2001 от 26 декабря 2001 г. Данный нормативно-правовой акт является фактически единственным

внутренним документом, регулирующим межведомственную кооперацию в этой сфере.

Деятельность комитета контролирует глава государства, а координацию осуществляет специальный советник президента по вопросам безопасности. В соответствии с Указом в задачи комитета входит принятие исполнительных решений по всем вопросам в области борьбы с терроризмом, координация применения профильных международных конвенций, выработка и реализация национальных мероприятий, осуществление сотрудничества с иностранными государствами и международными организациями. Членами органа являются министры иностранных дел и международного сотрудничества (в настоящее время пост разделен на два), национальной безопасности (пост упразднен), национальной обороны, внутренних дел, юстиции, военный и политико-дипломатический советники президента, а также его специальный советник по вопросам безопасности. Последний исполняет функции постоянного секретаря комитета и руководит работой технического секретариата.

Киншаса является участником комплекса международных и региональных конвенций, включая Афросоюз, в области борьбы с терроризмом, поддерживает созвучные инициативы в рамках субрегиональных организаций. В мае 2008 г. при содействии Африканского исследовательского центра по проблемам терроризма принято решение о выстраивании сотрудничества в этой сфере внутри реанимированного усилиями ДРК Экономического сообщества стран центральной Африки (ЭССЦА).

Как свидетельствует проделанный анализ, перспектива распространения радикального ислама в ДРК создает определенную угрозу как национальной безопасности, так и оздоровлению климата в целом на африканском континенте. Сегодня Конго пока еще не достигло так называемой красной отметки, где полностью господствуют террористы. Однако существует угроза, что завтра гегемонистские амбиции террористов перекинутся и на эту центральноафриканскую страну [Des terrorists menacent... 2012]. Благоприятным условием для распространения терроризма является «вакуум» государственной власти в провинциях страны. Силловые структуры в силу своей слабости пока не могут обеспечить безопасность в этих районах. Конголезские политические деятели

утверждают, что, если территория страны не будет контролироваться властями, армией и республиканской полицией (учитывая геостратегическое положение ДРК на африканском континенте), то ничто не сдержит натиск террористов, которые уже ступили ногой в Ливию, Мали, Нигер, Нигерию, Чад, Сомали, Кению, Судан и Южный Судан. Не исключено, что в африканских странах будут распространяться также и идеи фундаменталистов из объединения «Исламское государство» (ИГИЛ), возникшего в 2014 г. В связи с этим появятся новые очаги конфликтов на религиозной почве, которые в сочетании с «традиционными», например этническими, еще более осложнят военно-политическую ситуацию в ряде африканских государств и приведут к вооруженным конфликтам.

Учитывая важную роль религиозных конфессий в политической жизни и формировании общественного мнения африканских стран, противодействием агрессивному исламу в Африке, как и религиозному экстремизму в целом, может стать распространение православной религии и связанных с ней культурных ценностей. Важную роль в формировании и поддержании православной культуры должны играть греческие общины, которые помимо организации религиозного культа используют церковные институты для решения собственных политико-экономических задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боришполец К., Бабаджанов А.* Миграционные риски стран Центральной Азии. Аналитическая записка. М. : Институт международных исследований (МГИМО). 2007. 32 с.
- Вавилов А. И.* Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран. М. : Библос консалтинг, 2009. 351 с.
- Жерлицына Н. А.* Северная Африка под прицелом терроризма // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 9. С. 6–11.
- Кемаль А.* ИГИЛ. Зловещая тень халифата. М. : Алгоритм, 2015. 224 с.
- Макаренков Е. В., Харичкин И. К.* Политические партии и политические системы: учеб. пособие. М. : МПИ ФСБ России, 2007. 32 с.
- Попов В. В.* Место и роль политического ислама в трансформационных процессах на Ближнем Востоке. Аналитическая записка. М. : Институт междунар. исследований (МГИМО). 2014. 19 с.
- Саватеев А. Д.* Исламская цивилизация в Тропической Африке. М. : Институт Африки РАН, 2006. 304 с.

- Татарина Ю. Н., Харичкин И. К. Политический имидж элиты сквозь призму предпочтений // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 4. С. 89–94.
- Тренин Д. В. Традиционные и новые вызовы безопасности в международных отношениях // Современная наука о международных отношениях за рубежом. Хрестоматия: в 3 т. Т. 2. М.: НП РСМД. 2015. С. 136–141.
- Cheik Ali Mwinyi, un nouveau représentant à la tête de la communauté islamique du Congo // La Référence plus. Kinshasa. 19.03.2014. P. 2.
- La Constitution de la Republique Democratique du Congo. Kinshasa – 18 fevrier 2006. P. 23.
- Document de l'organisation religieuse de la RD Congo «Bundu dia Kongo» – Message du Grand Maître. Le signal fort de la bonne volonté. Kinshasa, le 8 octobre 2012. 4 p.
- Kongo R. Terrorisme : Les Shebab préparaient des attaques à Londres // Le Potentiel. 01.10.2013. P. 12.
- Lutte contre la criminalité transfrontalière : la Police judiciaire des parquets associé au débat // Le Potentiel. Kinshasa. 22.10.2013. P. 10.
- Les Maï-Maï Yakutumba prennent en otage un bateau sur le lac Tanganyika // APA. Kinshasa. 28.09.2011. P.
- Des miliciens Maï-Maï arraisonnent un bateau sur le lac Tanganyika // Le Potentiel. 11.07.2014. P. 9.
- Les musulmans de la RDC ont un nouveau représentant légal // L'Observateur. Kinshasa. 14–16.03.2014. P. 11.
- Les Shebabs recrutent-ils en Europe ? // L'Observateur. 03.10.2013. P. 11.
- Tensions à Lubumbashi pour l'anniversaire de la secession katangaise // Agence Presse Associée. Kinshasa. 14.07.2014. P. 1.
- Des terrorists menacent les Grands Lacs // Le Phare. Kinshasa. 03.07.2012. P. 2.
- Tirées de Misna. Cinq questions à Valentina Soria // Le Potentiel. Kinshasa. 10.10.2013. P. 4.

УДК 338.22.021.1; 327.8

Ю. В. Синчук, В. П. Журавель

Синчук Ю. В., доктор политических наук, профессор; профессор кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: sinchukjv@mail.ru

Журавель В. П., кандидат педагогических наук; ведущий научный сотрудник Института Европы РАН; e-mail: zhvalery@mail.ru

РОССИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА В АРКТИКЕ

В статье приводится анализ модернизации и реконструкции всей системы Северного морского пути как главной широтной транспортной магистрали, связывающей северные районы России и способной осуществлять эффективные межконтинентальные и международные транспортные связи между Европой, Азией и Америкой, который должен стать приоритетным объектом государственной транспортной политики на Севере России. Северный морской путь представляет единственное действенное средство для оживления экономики арктической зоны и увеличения объемов каботажных и региональных перевозок при северном завозе грузов для жизнеобеспечения населения.

Ключевые слова: Россия; Северный морской путь; Арктика; Арктический совет; европейские государства.

Sinchuk Yu. V.

Doctor of Political Science (Dr.habil), professor, professor Department of the Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: sinchukjv@mail.ru

Zhuravel V. P.

candidate of pedagogical Sciences Leading researcher of the Institute of Europe RAS; e-mail: zhvalery@mail.ru

RUSSIA AND EUROPEAN STATES IN THE ARCTIC

In article the analysis of modernization and reconstruction of the entire system of the Northern sea route as the main latitudinal transport route linking the Northern regions of Russia and are able to exercise effective Intercontinental and international transport links between Europe, Asia and America, which must be a priority of the state transport policy in the North of Russia. The Northern sea route is the only effective means to revive the economy of the Arctic zone and increasing the volume of cabotage and regional transport in the Northern delivery of goods for the sustenance of the population.

Key words: Russia; the Northern sea route; the Arctic; Arctic Council; European state.

В сентябре 2016 г. исполнилось 20 лет международной межправительственной региональной организации – Арктический совет (далее – АС)¹. Двадцать лет мы строим систему отношений за Полярным кругом и надо отдать должное дипломатам всех стран-участниц этого непростого процесса – они выстроили достаточно стройную и устойчивую систему добрососедских взаимоотношений. За этот период работы была создана международно-правовая база, обеспечивающая правила и нормы взаимодействия между вовлеченными в развитие Арктики странами.

Тем не менее в 2013–2015 гг. деятельность АС оказалась под влиянием противоречий, возникших между странами-членами организации в иных регионах мира. Так, ухудшение геополитической обстановки на Украине, Сирии и других мировых «точках нестабильности» повлекло осложнение международного диалога в Арктике. Попытки использовать АС как инструмент давления на отдельные арктические страны существенно снизили темпы регионального сотрудничества во многих сферах и фактически приостановили развитие конструктивного диалога [Касюк, Харичкин 2015].

Ситуация изменилась в конце 2015 – начале 2016 гг., когда большинство стран-участниц на официальном или полуофициальном уровне признало необходимость восстановления в этом стратегическом регионе мира всестороннего диалога на принципах взаимоуважения и равноправия. Об этом, в частности, свидетельствуют ключевые положения Единой арктической стратегии Европейского союза (European Union policy for the Arctic), принятой в апреле 2016 г. В ней подчеркнута важность развития сотрудничества с Россией в Арктике в вопросах безопасности судоходства,

¹ Совет учрежден 19 сентября 1996 г. в Оттаве представителями восьми государств: Данией, Исландией, Канадой, Норвегией, Россией, США, Финляндией и Швецией на основании Декларации об учреждении АС. Цели организации – координация деятельности стран-участниц договора в Арктическом регионе, осуществление многосторонних проектов в различных областях, охрана окружающей среды в регионе, культурная и социальная поддержка народов Севера. Постоянными участниками АС являются также Международная ассоциация алеутов, Арктический совет атабасков, Циркумполярная конференция инуитов, Совет саамов, Международный совет гвичинов и Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

экологии и экономики, несмотря на наличие неразрешенных противоречий в иных регионах мира.

Напомним, что непосредственное отношение к Арктике имеют 20 стран, при этом только 5 государств имеют арктическую границу: Россия, США, Канада, Норвегия, Дания (в Гренландии). И роль европейских государств в Арктическом регионе с каждым годом возрастает. Среди государств-участниц АС – это Россия, Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия, Исландия, среди стран-наблюдателей АС – Великобритания, ФРГ, Нидерланды, Польша, Франция, Испания и Италия. Следует отметить значительное повышение активности в освоении Арктики азиатских стран – Китая, Японии, Республики Корея, Индии и Сингапура, которые, получив статус стран-наблюдателей АС, в своей деятельности показывают высокую заинтересованность в проведении комплексных арктических научных исследований, в разработке новых технологий добычи углеводородов, в создании судов для работы в арктических условиях, в сложной ледовой обстановке.

Ведущая роль в Арктике принадлежит России. Приарктические регионы – это масштабная территория, занимающая почти 20 % Российской Федерации. Сегодня запасы Севера обеспечивают около 11 % национального дохода России и почти четверть всего объема общероссийского экспорта. Арктические и Приарктические регионы России – это территория сложной структурной организации с сочетанием объективной диспропорции в территориально-отраслевом и производственно-ресурсном потенциале [Белозёров 2013]. Для каждого региона здесь свои внутренние, межрегиональные, мирохозяйственные и глобальные факторы развития. Это и природные ресурсы, и сама территория Севера России, которые всегда были предметом хозяйственного и геополитического интереса приполярных государств, а также мирохозяйственного и геостратегического интереса стран мирового сообщества.

Следует отметить, что в конце 2000-х гг. со стороны арктических государств начали предприниматься активные шаги, направленные на ограничение доступа России к разработке и освоению арктических месторождений. В этих условиях Россия на рубеже 2009–2010 гг. стала менять арктическую стратегию, сделав разворот в сторону привлечения к освоению месторождений Арктики зарубежных компаний, располагающих необходимыми

технологиями. В частности, были подписаны соглашения с французской компанией «Total», британской компанией «BP», американской компаний «ExxonMobil», итальянской компанией «Eni». Изменения в политике были вызваны отсутствием в России необходимых технологий, особой ледовой техники, финансовых средств на освоение новых шельфовых месторождений [Телегина 2011]. Ключевой идеей всех соглашений было достижение договоренностей о предоставлении зарубежными нефтегазовыми компаниями финансирования и технологий в обмен на доступ к арктическим месторождениям. Однако подобные ожидания не оправдались и были приостановлены в связи с ситуацией на Украине и введением санкций США и Европейского союза против России. Фактически экономика Арктики в настоящее время ориентирована в основном на добычу природных ресурсов. Сегодня мы не вспоминаем о Штокманском газовом месторождении, так как на проектный уровень добычи в 6 млн т нефти на Приразломном месторождении с ледостойкой стационарной платформы «Приразломная» планируется выйти только после 2020 г. На это есть соответствующие причины. Главной их них является отсутствие необходимого современного промышленного и технологического оборудования, прежде всего для глубоководного бурения в сложных климатических условиях и сложностей извлечения углеводородов в условиях постоянно меняющейся ледовой обстановкой в Арктике. При этом, как подчеркивают специалисты, новые прогрессивные технологии должны применяться на всех стадиях освоения месторождений. Без этого шельф превращается в дорогой, малопригодный для использования ресурс. Сейчас понятно, что использование современных западных технологий можно и нужно было сочетать с инновационным развитием национальной производственной и научной базы, что не позволило бы стать уязвимым для внешнего давления и дискриминационных санкций весь экономический комплекс, в том числе отрасли добывающей промышленности, сосредоточенные в основном в северных районах.

Санкции коснулись 90 % российских нефтяных компаний и практически всего газового сектора. Европейским компаниям запретили оказывать в России услуги по бурению, испытанию скважин и геофизическим исследованиям на глубоководных

и сланцевых месторождениях, а также в Арктике [Загашвили 2015]. Санкции США и европейских стран, ограничивают временные сроки реализации стратегических проектов разведки и добычи углеводородов на арктическом шельфе России. Адресность санкций демонстрирует реальность соперничества в этом регионе мира по освоению его ресурсов. Хотя в России более 200 предприятий – производителей нефтегазового оборудования, импортозамещение по большинству категорий станет возможным не ранее 2018–2020 гг., отмечает Минпромторг России. Сегодня из 45 позиций можно будет заместить лишь пять. Сейчас изъявили желание оказать помощь альтернативные зарубежные поставщики из тех стран, которые не вводили санкции против России. Из Китая это CNPC, «China National Logging Corporation», «Shanghai Electric Heavy Industry», «Huawei»; три компании из Южной Кореи «Daewoo», «LHE» и «KwangShin» могли бы выступить поставщиками компрессоров и пластинчатых теплообменников; по одной компании из Индии («Indore Composite» – реагенты), Белоруссии («Нафтан» – присадки) и Сингапура («NuStar» – подводное оборудование). Таким образом, сегодня импортозамещение становится единственно правильной стратегией и в долгосрочной перспективе. При объективной оценке ситуации и расстановке приоритетов вполне возможно выработать план действий, в результате которых в России будут созданы необходимые технологии для добычи нефти на шельфе. Для создания этих технологий есть время, потому что сегодня для сохранения объемов добычи углеводородов России необязательно эксплуатировать арктические шельфовые месторождения – в стране есть сухопутные месторождения, добыча из которых рентабельна и при нынешних ценах на нефть.

Важно отметить, что в настоящее время достаточно эффективно реализуется ряд крупных инновационных проектов. Среди них производство никеля в Норильске, строительство «Ямал СПГ», порт Сабетта, расширение инфраструктуры Варандейского терминала, развитие системы ГЛОНАСС для проведения экологического мониторинга в Арктике, строительство Российской трансарктической кабельной системы РОТАКС, которая позволит подключить к современной системе связи российское Заполярье и Дальний Восток.

Арктика – мегарегион, где, с одной стороны, ярко проявляются территориальная геополитическая и экономическая стратегическая значимость и потенциал России, с другой – можно отметить, это территория, где обнаруживаются наиболее сильные противоречия социально-экономического развития, остро ощущаются проблемы охраны окружающей среды и рационального природопользования. К основным вызовам и угрозам экологического характера в арктической зоне России относятся: расширение зоны загрязнения и деградация компонентов природной среды в условиях усиливающейся антропогенной нагрузки, накопление отходов и поступление загрязняющих веществ в результате трансграничного переноса; высокие риски и затраты при освоении природных ресурсов; высокая степень износа основных производственных фондов; глобальные климатические изменения и их влияние на зону распространения многолетнемерзлых грунтов, развитие опасных гидрометеорологических, ледовых и других природных процессов, увеличение риска и ущерба от этих процессов, техногенных аварий и катастроф.

Партнеры по АС нередко использовали экологические вопросы в качестве инструмента «мягкой силы», для вытеснения России из Арктики. Именно экологическая составляющая позволяет говорить об экологически ответственной модели хозяйствования в Арктике, когда приоритет в управленческих решениях отдается экологическим вопросам, а не только получению прибыли. Продолжая работы по очистке территории Российской Арктики от мусора, важно решать проблемы связанные с многочисленными радиоактивными отходами. Следует отметить, что 24 ноября 2015 г. данный вопрос был рассмотрен на заседании Президиума РАН. В условиях российской стратегии дальнейшего освоения Арктического региона тема экологической, и в частности, радиологической безопасности приобретает особую важность. В настоящее время, по мнению экспертов РАН, актуальной нерешенной проблемой остаются затопленные радиационноопасные объекты.

На наш взгляд, ведущая роль в освоении и развитии Российской Арктики принадлежит Северному морскому пути (СМП). Севморпуть играет роль более геополитическую, чем экономическую. Однако эта транспортно-промышленная магистраль является

и производственной, и социальной, и оборонной инфраструктурой прибрежных территорий всей Российской Арктики. Она есть и защита приоритета российского флота, и укрепление безопасности России в Арктике, укрепление военно-политических и финансово-экономических позиций страны. Являясь связующим звеном между российским Дальним Востоком и западными районами страны, Северный морской путь представляет единственное действенное средство для оживления экономики арктической зоны и увеличения объемов каботажных и региональных перевозок при северном завозе грузов для жизнеобеспечения населения. СМП становится направленным «северным» вектором государственной политики развития, где производственный потенциал в наиболее перспективных центрах формирует очаги социально-экономической эффективности.

Модернизация и реконструкция всей системы СМП как главной широтной транспортной магистрали, связывающей северные районы России и способной осуществлять эффективные межконтинентальные и международные транспортные связи между Европой, Азией и Америкой, должно стать приоритетным объектом государственной транспортной политики на севере России.

Развитие и использование СМП на основе принципов устойчивого развития, возрастания объемов транспортировки грузов и интеграции его в мировую транспортную систему имеет значительные преимущества перед существующими маршрутами через Суэцкий канал и Индийский океан, так как сокращает путь из Гамбурга в Шанхай более чем на 4 тыс. морских миль, экономит неделю пути и в среднем 650 тыс. долл. США расходов на топливо для каждого судна при отсутствии пиратских рисков. Но, с другой стороны, из 50 с лишним портов и портпунктов на трассе СМП в настоящее время действует менее половины. Около 200 населенных пунктов, главным образом в восточной части Арктического побережья России, прекратили свое существование.

В связи со сложившейся ситуацией Правительство и Федеральное собрание РФ уделяет внимание СМП. 18 июля 2012 г. Совет Федерации одобрил новый закон о Севморпути. Комплексный проект развития Северного морского пути был подписан в июне 2015 г. Председателем Правительства Российской Федерации, его модель развития представлена руководству страны во второй половине 2016 г.

Грузопоток СМП растет год от года. По данным Минтранса России, если в 2013 г. было перевезено менее 4 млн т грузов, то в 2015 – около 5,5 млн т. Но при этом следует учитывать, что круглогодичная навигация осуществляется только на направлении Мурманск – Дудинка в целях обеспечения деятельности Норильского горно-обогатительного комбината. На современном этапе он недостаточно востребован для значимых транзитных перевозок из Европы в Азию и обратно.

По мнению ряда ученых, особого внимания заслуживает вопрос создания в рамках морской политики отечественного флота для перевозки сжиженного газа [Манохин, Синчук 2016]. По всей трассе Севморпути необходимо создать устойчивую систему навигации и проводки судов, активно используя при этом возможности космических технологий в северных полярных широтах.

СМП как единая транспортная коммуникация России будет способствовать формированию арктической транспортной инфраструктуры и вовлекать в хозяйственную деятельность прилегающие российские арктические регионы.

Мировые события дают основания полагать, что ключевым вызовом инновационного развития СМП должна быть разработка комплексной арктической геоинформационной системы, где главной составляющей становится модернизация навигационной, в том числе и военно-пограничной инфраструктуры [Синчук Ю., Синчук И. 2012; Синчук 2012; Синчук 2011]. Развитие СМП необходимо рассматривать в тесной увязке с иными видами транспорта, обеспечивающими его насыщение достаточным объемом грузов. В связи с этим необходимо возрождение авиационного парка. К 2030 г. потребуется от 80 до 135 легких многоцелевых воздушных судов пассажироместимостью от 7 до 19 человек. Начало опытно-конструкторских работ запланировано на 2016 г., а начало поставок – к 2020 г. В декабре 2015 г. получил сертификат вертолет Ми-38, который способен эксплуатироваться в условиях Крайнего Севера [Рогозин 2016].

В стране есть понимание и надежда на то, что успешное развитие СМП станет необходимым условием не только освоения Арктики, но и тем «звеном», «точкой роста», которая будет способствовать экономическому подъему России в целом [Журавель 2016; Журавель 2016].

Следует также отметить, что сохранение за Арктическим советом (АС) статуса главной межправительственной переговорной площадки станет стабилизирующим фактором долгосрочного развития Арктики. За 20 лет работы АС сложилась особая арктическая дискурсная политика, выражающая согласованную волю арктических государств по большинству актуализированных вопросов. Баланс интересов соблюдался на принципах договоренности, конвенциональности, сотрудничества. Расширение числа участников международно-правового дискурса, превращение некогда ограниченного региональными интересами арктического диалога в глобальный полигон государств с претензиями на смену многолетних традиций правотворчества и правоосуществления не должно нарушать основное правило симметрии международных отношений – взаимоуважение и соразмерность геополитических амбиций.

Принципы и нормы гармонизации долгосрочных интересов крупнейших северных держав на Крайнем Севере в этих условиях обеспечат устойчивое долгосрочное развитие Арктики и международных отношений в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белозёров В. К.* Особенности геополитической картины современного мира // *Россия и мусульманский мир*. 2013. № 1 (247). С. 11–16.
- Журавель В. П.* Арктический совет: председательство США // *Современная Европа*. 2016. № 2 (68). С. 17–21.
- Журавель В. П.* Россия в Арктике будет ли госкомиссия ее рулевым? // *Арктика и Север*. 2016. № 23. С. 5–16.
- Загашвили В. С.* Западные санкции и российская экономика // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 70.
- Касюк А. Я., Харичкин И. К.* Внешние угрозы национальной безопасности Российской Федерации и перспективы их нейтрализации // *Вестник МГЛУ. Серия 12. Политические науки*. 2015. № 1. С. 25–34.
- Манохин И. В., Синчук Ю. В.* К вопросу об обеспечении военной безопасности // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2016. № 3 (742). С. 152–156.
- Рогозин Д.* Выступление на правительственном часе в Совете Федерации. 26.02.2016. URL: government.ru/news/22167/
- Синчук Ю. В., Синчук И. Ю.* К вопросу безопасности Российского государства // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*. 2012. № 5. С. 141–147.

Синчук Ю. В. Россия и основные геополитические силы в современном мире // Геополитика и безопасность. 2012. № 3 (19). С. 60–65.

Синчук Ю. В. Геополитические вызовы и угрозы современной России // Безопасность Евразии. 2011. № 1. С. 305–314.

Телегина Е. А. Ресурсы Арктического региона: перспективы и проблемы их освоения // Арктика: зона мира и сотрудничества / под ред. А. В. Загорского. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 46–49.

УДК 327

Я. А. Бурляй

Чрезвычайный и Полномочный Посол, профессор кафедры теории и истории международных отношений Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ;

e-mail: embaru@yandex.ru

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

В статье рассматриваются некоторые аспекты соперничества в Латинской Америке антагонистических социальных систем, возникших в результате Великой русской революции. Анализируется деятельность Коминтерна и советской разведки в странах региона.

Ключевые слова: Коминтерн; ИНО НКВД; полпреды; революция 1917; советская разведка.

Burliay Yan

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Professor, Department of Theory and History of International Relations, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty); MSLU;

e-mail: embaru@yandex.ru

THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION AND LATIN AMERICA

The article deals with some aspects of antagonistic social systems which emerged as a result of the Great Russia Revolution. It examines the activities of the Comintern and soviet intelligence in Latin American countries.

Key words: The Comintern; INO NKVD; envoys; the revolution of 1917; soviet intelligence.

Влияние революции 1917 г. на страны Латинской Америки весьма значительно: оно проявилось и в национализации ключевых отраслей промышленности, проводившихся во многих государствах региона, и в уничтожении «эксплуататорских классов», предпринятом в ходе революционных преобразований на Кубе. Мы же ограничимся сегодня рассмотрением лишь двух его аспектов – распространение марксистско-ленинских партий на континенте и попытки использования латиноамериканского потенциала в интересах обеспечения национальной безопасности Советского Союза.

В начале XX в. назрели объективные условия для распространения коммунистической идеологии в Латинской Америке. Экономический подъем способствовал росту численности рабочего класса, его организованности и сплоченности. Этот период был отмечен крупными забастовками в Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло (1905–1907), «Красной неделей» в Сантьяго (1905), стачками рабочих в Мексике (1906) [Латинская Америка... Электронный адрес].

В наиболее развитых странах континента были созданы влиятельные профессиональные организации: Региональная федерация рабочих Аргентины (1901), Региональная федерация рабочих Уругвая (1904), Бразильская рабочая конфедерация (1907), Федерация рабочих Чили (1909) и «Дом рабочих мира» в Мексике (1912) (mylektsii.ru/10-72623.html). Этим процессам способствовали серьезные демократические реформы, которые были проведены в Уругвае в годы правления Хорхе Батлье (1903–1907; 1911–1915), а также в период революции 1910–1917 гг. в Мексике.

Распространение марксистских идей шло через создаваемые представителями интеллигенции социалистические школы и кружки. Во время Первой мировой войны в социалистических партиях стран Латинской Америки стало формироваться марксистское крыло. Процесс нарастания революционной борьбы рабочего класса заметно усилился.

Революция в России оказала огромное влияние на рабочее движение в Латинской Америке. К революционной борьбе стали подключаться крестьянство, сельскохозяйственный пролетариат и студенчество. Под ее воздействием возникли коммунистические партии в Аргентине, Мексике, Бразилии, Уругвае, Чили, в странах Центральной Америки и на Кубе.

Заметное влияние на политические процессы в Латинской Америке стал оказывать Коминтерн, стремившийся играть роль международной партии в целях осуществления мировой революции. III Интернационал принимал непосредственное участие в деле создания латиноамериканских компартий. Их возникновение стало не только результатом развития рабочего движения, но и целенаправленной работы Коминтерна.

Русская революция вызвала эйфорию у латиноамериканских радикалов. В свою очередь III Интернационал опирался на стремящихся к социальным преобразованиям радикалов для решения задач мировой революции.

Вскоре после создания Коминтерна (март 1919 г.) в Мексику отправился его агент Михаил Бородин, который работал «под крышей» консульства РСФСР. По словам российских исследователей В. Л. и Л. С. Хейфецев, он – одна из самых известных и в тоже время самых таинственных фигур революционного движения [Михаил Иосифович Бородин... Электронный ресурс]. Бородин был одним из доверенных лиц Коминтерна, человеком, которому поручались дела чрезвычайно ответственные и конфиденциальные. Руководители III Интернационала собирались сыграть на антиамериканских настроениях, господствовавших в мексиканском правительстве. По всей видимости, эти планы не увенчались успехом, и осенью 1921 г. было принято решение о переносе координационного центра коммунистической деятельности в Аргентину [Коммунистический интернационал... Электронный ресурс].

Удельный вес проблем Латинской Америки в числе тем, обсуждавшихся руководством III Интернационала, был невысок, однако в 1920 г. в составе Секретариата ИККИ была создана Латиноамериканская секция, что свидетельствовало об интересе к региону. На протяжении 1920-х гг. Коминтерн пытался делать ставку на новых союзников, привлекая в сферу своего влияния интеллигенцию и студенчество. Латиноамериканские компартии не были слепым инструментом в руках ИККИ: они требовали сохранения самостоятельности и автономии при максимальном внимании со стороны партий, обладающих серьезным организационно-финансовым потенциалом.

В Москве подчеркивали родственный характер мексиканской и русской революций. В 1924 г. на пост советского полномочного и представителя Коминтерна был назначен видный революционер Станислав Пестковский. По словам В. Л. и Л. С. Хейфецев, координация деятельности революционного движения через полпредство казалась Пестковскому естественным делом, и он открыто пытался вести переговоры с президентом страны о возможностях проведения в Мехико конгресса Всеамериканской антиимпериалистической лиги (ВААИЛ) [Коминтерн в полпредстве... Электронный ресурс].

Через полпредство и Пестковского шло финансирование партийной газеты «Эль-Мачете» и органа ВААИЛ «Эль-Либертадор». Деньги направлялись III Интернационалом через советское дипломатическое представительство и расходовались в соответствии

с указаниями полпреда без какой-либо финансовой отчетности. Будучи единственным полпредством в Западной полушарии, диппредставительство СССР оказалось центром политического влияния, на которое рассчитывали антиимпериалистические силы в Мексике и за ее пределами. Деятельность советского полпредства не могла не вызвать серьезного беспокойства мексиканского правительства и президент Кальес, встретившись с Пестковским, пригрозил объявить его персоной нон-грата. Советское правительство сочло за благо отозвать полпреда в 1926 г., не дожидаясь разрастания конфликта.

В этот период руководство III Интернационала ошибочно оценивало возможности коммунистической партии Аргентины оказывать влияние на коммунистическое движение в масштабах всего континента. Это предопределило характер деятельности Южноамериканского секретариата Коминтерна (ЮАСКИ). Однако кризис в аргентинской компартии привел к коллапсу и ЮАСКИ.

Существенный ущерб делу наносили персоналистские противоречия и интриги. Во всех компартиях региона проявлялись вождизм, теоретическая безграмотность и авантюризм. Кроме того, руководство Коминтерна подталкивало латиноамериканских коммунистов к насильственным формам борьбы и экстремизму. Проводившаяся Коминтерном на протяжении 1920-х гг. политика не позволяла коммунистам создать единый фронт с другими прогрессивными силами. Только после VI Конгресса III Интернационала были сформулированы новые принципы деятельности Коминтерна в Латинской Америке.

В 1929 г. состоялась первая конференция коммунистов Латинской Америки, которая положила начало традиции проведения региональных встреч компартий. В ИККИ констатировали, что за 10 лет не удалось создать Федерацию коммунистических партий Латинской Америки. Выявился серьезный кризис развития коммунистического движения на континенте.

В 1930-е гг. Коминтерн начал работу по объединению антифашистских и антиимпериалистических сил на континенте. В 1935 г. был создан Национально-освободительный альянс Бразилии. Благодаря созданию Народного фронта на Кубе, коммунисты были избраны в Учредительное собрание. Наибольших успехов добился образованный в 1936 г. Народный фронт Чили, кандидат которого Педро Агирре Серда стал президентом в 1938 г.

В большинстве латиноамериканских государств были созданы влиятельные национальные профсоюзные центры. В сентябре 1938 г. на Конгрессе представителей этих центров было образована Конфедерация трудящихся Латинской Америки (КТЛА). Пролетариат Латинской Америки превращался в один из крупнейших отрядов международного рабочего движения. Его численность к 1945 г. составляла 15 млн чел. [Культурология. Искусствоведение... Электронный ресурс]. Возросло влияния КТЛА, объединявшей 4 млн трудящихся [Развитие Латинской Америки... Электронный ресурс].

Остановимся теперь на использовании латиноамериканского потенциала в интересах обеспечения национальной безопасности Советского Союза.

Наиболее ярко это проявилось в деятельности выдающегося советского разведчика Иосифа Ромуальдовича Григулевича. С мая 1938 по июль 1940 г. он находился в Мексике, где участвовал в организации вооруженного нападения на дом Троцкого в г. Койоакан. Как известно, покушение, которое возглавил мексиканский художник Альфаро Сикейрос, закончилось неудачей – Троцкий остался жив. Григулевичу же помог скрыться от мексиканской полиции Пабло Неруда, работавший тогда генеральным консулом Чили в Мехико.

В декабре 1940 г. Григулевич вернулся в Латинскую Америку и обосновался на этот раз в Аргентине. Во время Второй мировой войны, будучи резидентом Иностранного отдела НКВД в Южной Америке, он занимался созданием агентурной сети в Аргентине, Чили, Уругвае и Бразилии, формировал антифашистские диверсионные группы в нейтральной Аргентине. В 1941–1943 гг. Григулевич осуществил ряд успешных диверсий на торговых судах, поставлявших стратегическое сырье в нацистскую Германию (пшеницу, селитру и цветные металлы). В октябре 1944 г. многие участники диверсионной группы были арестованы, а Григулевич выехал в Монтевидео, осуществив переброску архива резидентуры из Аргентины в Уругвай.

В августе 1945 г. он перебрался в Бразилию под именем гражданина Коста-Рики Теодоро Кастро. В 1949 г. Григулевич был перебросен в Европу и обосновался в Риме, где занимался экспортно-импортным бизнесом, устанавливая выгодные для себя связи.

В октябре 1951 г. он был назначен Чрезвычайным и полномочным послом Республики Коста-Рика в Италию и по совместительству в Югославию. К этому времени взаимоотношения между СССР и Югославией, руководство которой пыталось вести независимый от Советского Союза курс в международных делах, были весьма накаленными. Иосифа Тито называли фашистом, агентом империалистических держав и американским шпионом. В феврале 1953 г. было принято решение осуществить террористический акт против Тито. Григулевичу было поручено добиться у югославского руководителя личной аудиенции, во время которой он должен был выпустить из замаскированного в одежде механизма дозу бактерий легочной чумы, что гарантировало бы заражение и смерть Тито. В целях сохранения жизни Григулевичу предполагалось предварительно сделать противочумную прививку. Осуществить операцию не успели, 5 марта 1953 г. Сталин умер, и советское руководство заявило о необходимости улучшения отношений с Югославией. Сам же Григулевич был отозван в СССР [Иосиф Григулевич... Электронный ресурс].

Одна из наиболее известных сотрудниц советской нелегальной разведки Африка де лас Эрас под псевдонимом Патриас 1948 по 1967 гг. работала в Уругвае. Всё это время она успешно выполняла ответственные задания по сбору и передаче в Центр ценной разведывательной информации. Ей удалось первой в данном регионе установить и поддерживать постоянную двустороннюю радиосвязь с Центром. В 1949 г. она вышла замуж за известного уругвайского писателя Фелисберто Эрнандеса. В Монтевидео Патриа открыла дом моделей, который приобрел широкую популярность. У нее одевались жены министров и других государственных деятелей, которые много всего рассказывали. Позже Центр выделил средства на приобретение в фешенебельном районе со вкусом оформленного антикварного салона, чтобы еще больше повысился социальный уровень клиентов – источников информации. Патриа прекрасно разбиралась в живописи, искусстве и очень хорошо рисовала. У нее была богатая библиотека, много произведений известных художников и фотографов.

По мнению уругвайских исследователей, Патриа возглавляла резидентуру советской разведки в Южной Америке и в случае начала войны с США должна была способствовать переправке туда

диверсантов с уругвайскими паспортами [Nombre clave... 2007]. Уругвай был одной из немногих стран Латинской Америки, гражданам которой для посещения США виза не требовалась. Африка де лас Эрас была единственной разведчицей – иностранкой, удостоенной ордена Ленина.

В истории российской разведки трудно припомнить имя негала, носившего звание генерала и ставшего Героем Советского Союза. Речь идет о Михаиле Васенкове, который выполнял задания советской разведки за рубежом под именем Хуана Хосе Ласаро Фуэнтеса. В марте 1976 г. он прибыл в Перу с паспортом гражданина Уругвая. При себе у него было письмо от испанской табачной компании о том, что он направлен в командировку для изучения перуанского рынка. Через два года он предоставил это письмо и копию своего паспорта в Министерство иностранных дел Перу для получения гражданства в этой стране. В 1979 г. его ходатайство было удовлетворено. В 1983 г. Михаил Васенков женился на перуанской журналистке Вике Пелаэс и в 1985 г. переехал с ней в Нью-Йорк. «Он превосходно фотографировал и свой талант превратил в прикрытие для выполнения заданий», – отмечали коллеги разведчика [Коммерсантъ... Электронный ресурс]. Под видом фотографа Михаил Васенков исколесил всю Латинскую Америку в поисках натуры, заводя полезные знакомства и связи среди политиков и бизнесменов. Впоследствии они использовались советскими спецслужбами для получения ценной информации.

В заключение отметим, что Великая русская революция вызвала раскол мира на две соперничающие системы. Некоторые элементы этого соперничества мы попытались показать в этой статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иосиф Григулевич: ученый и убийца. URL: www.vestnik.com/issues/2001/1204/win/cherniavsky.htm
- Коммерсантъ 11.11.2010. № 208(4508). URL: www.kommersant.ru/doc/1536406
- Коммунистический интернационал и Латинская Америка, 1919–1921 гг.: автореф. дис. ... канд ист. наук. URL: cheloveknauka.com/kommunisticheskiy-internatsional-i-latinskaya-amerika-1919-1921-gg#ixzz57BaHX2da
- Культурология. Искусствоведение [AZ]. URL: travel.niv.ru/journey/encyclopedia/latin-america/articles/51/latinskaya-amerika-v-gody.htm

- Латинская Америка в борьбе за подлинное освобождение. URL: www.indiansworld.org/Latin/latin_america_1990_handbook04.html#WayR7hSGmpo
- Михаил Маркович Бородин*. URL: jeifets.narod.ru/mexicanadventure.htm
- Развитие Латинской Америки в 40–50-е годы 20 века. URL: biofile.ru/his/2895.html
- Nombre clave: patria. Una espia del KGB en Uruguay. Montevideo. 2007. Sudamericana 2007. URL: www.worldcat.org/.../nombre-clave-patria-una-espia-del-kgb-en-uruguay/.../758949129

УДК 910.4

Н. А. Жерлицына

кандидат исторических исторических наук; ст. научный сотрудник Института Африки РАН; e-mail: natalia.zerlitsina@inafr.ru

РОССИЙСКИЕ НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПО СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В последнее десятилетие XIX в. в России продолжалось этнографическое и географическое изучение стран Северной Африки. Поездки отдельных энтузиастов-путешественников сменились целенаправленным научным поиском. Русские экспедиции в Африку в начале XX в. организовывались большей частью различными научными учреждениями – университетами, музеями, ботаническими садами и т. д. Предметом их исследования были почвы, полезные ископаемые, растительность, животный мир. Все материалы, собранные русскими учеными и путешественниками, способствовали выяснению и решению ряда важных научных проблем.

Ключевые слова: Россия; Северная Африка; Алжир; Тунис; научные экспедиции; географические исследования; сравнительное изучение; гуманитарные контакты.

Zherlitsina N. A.

Ph.D. (History), senior research fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; e-mail: natalia.zerlitsina@inafr.ru

THE RUSSIAN SCIENTIFIC EXPEDITIONS ACROSS NORTH AFRICA AT THE END OF XIX – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

In the last decade of the 19th century in Russia ethnographic and geographical studying of the countries of North Africa continued. Trips of certain enthusiasts travelers were replaced by purposeful scientific search. The Russian expeditions to Africa at the beginning of the 20th century were organized by mostly various scientific institutions – the universities, the museums, botanical gardens, etc. Soils, minerals, vegetation, fauna were a subject of their research. All materials collected by the Russian scientists and travelers promoted examination and the solution of a number of important scientific problems.

Key words: Russia; North Africa; Algeria; Tunisia; scientific expeditions; geographical researches; comparative studying; humanitarian contacts.

«Африка существовала как земля для путешественников», – заметил когда-то русский писатель К. Г. Паустовский. Действительно, на протяжении нескольких сотен лет в ознакомлении русского общества со странами африканского побережья большую

роль играли записки путешественников и паломников. Интерес к Османской империи, как к одному из основных военных соперников России, привлекал внимание и к связанным с ней арабским странам. Развернувшиеся в Северной Африке события, связанные с началом Французской военной экспедиции в Алжире в 1830 г., вызвали в России большой интерес к этой стране и в целом к Северной Африке. Интерес к живому арабскому Востоку в первой половине XIX в. был очень велик и усиленно поддерживался журналистами и путешественниками. Число путешествий в арабские страны в этот период расло неуклонно. Наряду с путешественниками, продолжавшими старую традицию паломничества, в это время встречались и ученые-естественники, которые уделяли немало внимания изучению этих стран. Российское императорское географическое общество (РГО), основанное в 1845 г. в Петербурге, внесло большой вклад в изучение североафриканских стран, в особенности Египта, Алжира, Туниса. Его создание ознаменовало собой определенный этап в развитии географических исследований в России. С самого начала деятельности РГО его постоянным печатным органом стали «Записки», в которых публиковались труды по географии членов общества, сведения о его деятельности. Позднее решено было издавать географический ежегодник и бюллетень «Географические известия».

К началу XX в. на карте Африки, особенно Северной, почти не осталось белых пятен. Началось детальное изучение отдельных районов, шло развитие специализированных отраслей научного знания в отношении магрибинского региона. В это время в России появляется много географической литературы и периодики, энциклопедий и путевых очерков, посвященных Магрибу и Тунису, в частности. Так, в российском издании 1891 г. перевода энциклопедии «Земля и люди. Всеобщая география» французского географа и социолога Э. Реклю Алжиру и Тунису отведена большая часть одиннадцатого тома и посвящены подробнейшие статьи [Реклю 1891]. Журналы «Естествознание и география», «Вокруг света» публиковали не только разнообразные очерки о различных областях жизни страны, но и многочисленные гравюры и фотографии. Продолжалось этнографическое и географическое изучение менее исследованных южных районов Алжира и Туниса. Пример такого труда – книга врача и миссионера В. Г. Галузеева «Эпизоды из путешествий по Африке» [Галузеев 1902].

Поездки отдельных энтузиастов-путешественников сменились целенаправленным научным поиском. Русские экспедиции в Африку в начале XX в. организовывались большей частью различными научными учреждениями – университетами, музеями, ботаническими садами и т. п. Предметом их исследования были почвы, полезные ископаемые, растительность, животный мир. Все материалы, собранные русскими учеными и путешественниками, способствовали выяснению и решению ряда важных научных проблем. Часто лейтмотивом таких экспедиций был практический интерес: Российская империя, осваивавшая новые земли и рынки на Кавказе и в Средней Азии, нуждалась в практическом опыте ведения дел в новых для себя условиях. Экспедиции в Северную Африку ставили целью сравнить североафриканские реалии со среднеазиатскими.

В этом отношении чрезвычайно интересной представляется книга российского исследователя Средней Азии А. Ф. Губаревича-Радобыльского «Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората». Автор анализирует известные ему колониальные системы, английскую и французскую, и приходит к выводу, что «Россия, по типу ее государственной жизни, может становиться к покоренным странам в отношении лишь в известной мере приближающиеся к колониальным попыткам Франции, а английская система совершенно не соответствует ее государственному строю» [Губаревич-Радобыльский, с. 3]. «Россия, как и Франция, по отношению покоренных туземных племен отличается высокотерпимостью и простым и широким пониманием и признанием отличий чужой культуры и нравов. Поэтому пример Франции мог бы быть для нас в известной мере назидательным» [там же]. Сравнивая французский протекторат над Тунисом и российский над Бухарой (Бухарский эмират – феодальное государство в Средней Азии, с 1868 г. протекторат Российской империи), Губаревич-Радобыльский находит много общего: «Тунис, как и Бухара, страна мусульманского владычества. Бей тунисский сохранил те же функции проводника, как и бухарский эмир, через старую административную систему новых основ государственности». Как положительный момент автор оценивает то, что Франция в Тунисе, как и Россия в Бухаре, не посягнула на основы мусульманского государства. Много общего между двумя

протекторатами можно найти даже в статистических характеристиках: это и численность населения, и то, что обе страны имеют основной сельскохозяйственный продукт (оливковые плантации в Тунисе и хлопок в Бухаре) и мелкокустарный характер промышленности. Власти протекторатов одинаково заботятся о создании современной инфраструктуры в колониях: французы построили в Тунисе железные дороги и порты, Россия планирует строительство железнодорожной ветки от Бухары к Волге, Каспийскому морю, чтобы создать путь Бухара – Нижний Новгород – Москва. Губаревич-Радобыльский отмечает несомненные успехи Франции в Тунисе, которых России в Бухаре еще только предстоит достигнуть, и призывает российское правительство учиться на этом положительном примере: «Россия должна по примеру Франции в Тунисе руководить жизнью варварской азиатской страны для ее блага» [Губаревич-Радобыльский, с. 94].

М. И. Венюков в очерке «Современная Тунисия» рассуждая, какое значение для России может представлять изучение Туниса, находит, по крайней мере, два важных аспекта. Во-первых, политический: французско-итальянские противоречия в Тунисе могут привести к войне в Европе. Во-вторых, сходство «Тунисии» и среднеазиатских владений России: «она имеет немало общего с нашими владениями в Туркестане». «Жители Тунисии – не более 1 400 000 душ, т. е. почти столько же, как Оренбургская губерния, и также разноплеменные, как в Оренбургской губернии. Самые многочисленные, вероятно, берберы, коренные обитатели страны, башкиры Тунисии, подобно им отчасти полуоседлые, занятые и земледелием, и скотоводством» [Венюков 1893, с. 1].

Сравнением стран Северной Африки и среднеазиатских владений России занимался и другой российский ученый – инженер Х. В. Гельман, в 1891–1892 гг. командированный по ходатайству в Алжир и Тунис для исследования форм песков в пустынях Сахары, ознакомления с местной ирригацией и сбора сведений о «борьбе с летучими континентальными песками». «Эти вопросы, – писал он, – имеют большое значение в смысле сравнения и для применения их к нашим среднеазиатским владениям» [Гельман 1893, с. 33]. Гельман также интересовался методами и способами обработки сельскохозяйственных культур, пригодных для Туркестана, опытом эксплуатации земель в условиях недостатка воды.

Свои выводы ученый изложил в работе «Отчет по поездке инженера путей сообщения Х. В. Гельмана в 1891–1892 гг. в Египет, Тунис, Алжир, Италию и Францию», важность которой заключалась в разработке вопроса об ирригации российских степных земель. Гельман рекомендовал устраивать систему баражей (плотин) и артезианских колодцев по примеру североафриканских.

Изучению опыта североафриканских стран по укреплению почв в условиях близости пустыни была посвящена командировка С. Синельникова в 1911 г. Ее результатом стала работа «Лесокультурные работы на неудобных землях во Франции, Бельгии, Швейцарии, Тунисе и Алжире», в которой содержится описание почв, климата, типов земледелия в Северной Африке, а также видов песков Сахары, методов укрепления почв и стоимости этих работ [Синельников 1011].

В 1902 г. Петербургский ботанический сад командировал В. И. Липского, известного ботаника-систематика, в Северную Африку для ознакомления с ботаническими учреждениями и географическими особенностями стран, которые по характеру своей растительности имеют сходство с Кавказом и Средней Азией. 15 мая 1902 г. Липский сошел на тунисский берег, отсюда он предпринял поездку по железной дороге до Бискры, в окрестностях которой ознакомился с отдельными участками африканской пустыни. Он отмечал, что растущие там травы соответствуют травам среднеазиатских пустынь. Поездка Липского дала интересный фактический материал для географического сравнения северной окраины Сахары с пустынями Средней Азии. В работе «Ботанические учреждения и сады Южной Европы и Северной Африки» он описал опытный ботанический сад Туниса, школу садоводства и лабораторию, растения, характерные для данной местности. Восхищение ученого вызвал Бельведерский парк в г. Тунисе [Липский 1903, с. 110].

Сравнительный метод и изучение тунисского опыта были использованы и в работе известного российского минеролога и геолога, преподавателя МГУ, Я. В. Самойлова «Месторождения фосфоритов Алжира и Туниса». Автор посетил тунисские рудники в 1910 г. [Самойлов 1912]. Цель своей работы он сформулировал так: в настоящее время в России исследуются фосфоритные залежи, и поэтому интересно ознакомиться с опытом страны, где

добыча уже ведется. Самойлов описывает процесс поиска ископаемых, классы фосфоритов, качество, строение, генезис месторождений, отмечая, что в Алжире и Тунисе имеются благоприятные условия залегания. В книге рассказывается о перерабатывающих заводах, развитой инфраструктуре, связывающей месторождения с портами североафриканских стран.

Весной 1913 г. по Алжиру и Тунису путешествовал Д. А. Драницын, специалист-почвовед. Целью его поездки в Северную Африку было познакомиться с характером почвообразовательных процессов и сравнить их с подобными в Туркестане. Результаты путешествия изложены им в работе «Поездка в Алжир». Значение этого путешествия не исчерпывается результатами почвенных исследований. Наблюдения Драницына по геоморфологии долин рек Шеллифф и Хаммам, описания вادي и пустынь имеют важное географическое значение. Он собрал большой материал для географического сравнения Северной Африки и Туркестана. В результате исследований в районе Бискры им был сделан вывод об отсутствии лёсса в африканских пустынях.

Маршрут Драницына был частично повторен зоологом и паразитологом Е. Н. Павловским, которого Российское географическое общество командировало летом 1914 г. с целью проведения зоологических исследований. Им был собран обширный материал. Его «Заметка о поездке в Алжирию и Тунисию летом 1914 г.» была опубликована в «Известиях Русского императорского географического общества» за 1916 г. Павловский сообщает, что в Тунисе ему удалось поработать в Пастеровском институте, знаменитый директор которого профессор Ш. Николь помог ему собрать коллекцию скорпионов, которые были главной целью поездки ученого в Тунис [Павловский 1916, с. 249].

Алжир и Тунис представляли интерес для российских ученых не только естественно-научного направления, но и гуманитарного. Знаменитый историк античности и археолог М. И. Ростовцев посетил Тунис весной 1897 г., его интересовали аграрная история страны, римское наследие в архитектуре Туниса, римская мозаика, городская архитектура и планировка, латинская эпиграфика. Ростовцев посетил Музей Бардо, руины Карфагена, римские развалины. Конец XIX в. был золотым веком колониальной политики и французской археологии в Тунисе. Ростовцев, наблюдавший

работу своих французских коллег на римских развалинах Туниса, записал в своем дневнике: «Какая чудная страна и какое поле для штудий и открытий», «хвала французам за их энергичную деятельность» [Литвиненко, Спиченко 2002, с. 154].

Другой знаменитый русский путешественник, врач и антрополог А. В. Елисеев внес вклад не только в географическое освоение Северной Африки, но и в изучение мусульманской цивилизации и религии. В работе 1894 г. «Современный ислам и его задачи» он находит прямую связь между наступлением европейского колониализма на страны ислама и ростом религиозного фанатизма среди мусульман. «Восток, получив жизнь от ислама, в этом последнем и должен искать опоры в тяжелые годы утеснений; старый ислам, в котором уже не предполагали жизни, оказался еще способен пробудить дремавший фанатизм, а руководители его подняли высоко знамя Пророка, приглашая всех последователей Корана соединиться в защиту ислама» [Елисеев 1893, с. 113]. Одним из первых Елисеев указал на роль ислама для будущего нашей страны: «Россия как страна, имеющая многие миллионы мусульманских подданных, должна быть живо заинтересована в том, что творится в тайниках мусульманского мира, и нам еще скорее, чем другим европейцам, придется считаться с каждым новым явлением, которое охватит или даже поколеблет весь ислам» [там же].

Дружественные контакты, налаженные к 1917 г. между Российской империей и «уголком земли, имеющим такую славную историю и большую вероятную будущность», как сказал о Магрибе неоднократно бывавший там М. И. Венюков, заложили хорошую основу взаимопонимания между народами. Гуманитарные связи способствовали поддержанию положительного отношения двух народов друг к другу, что, в свою очередь, помогало развитию политических, экономических и культурных контактов, создало прочную основу для их последующего развития в XX и XXI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Венюков М. И.* Современная Тунисия // Русская мысль. 1893. № 4–5. С. 1–36.
- Галузеев В. Г.* Эпизоды из путешествий по Африке // На земле и под землей. СПб. : П. В. Луковников, 1902. 239 с.

- Гельман Х. В.* Отчет по поездке инженера путей сообщения Х. В. Гельмана в 1891–1892 гг. в Египет, Тунис, Алжир, Италию и Францию. СПб.: Изд-во Зап. Имп. Рус. техн. о-ва, 1893. 96 с.
- Губаревич-Радобыльский А. Ф.* Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1905. 205 с.
- Елисеев А. В.* Современный ислам и его задачи // Русское обозрение. 1893. № 7. С. 95–114.
- Липский В. И.* Ботанические учреждения и сады Южной Европы и Северной Африки. СПб.: Типо-литография «Герольд», 1903. 128 с.
- Литвиненко Ю. Н., Спиченко Н. К.* Первое африканское путешествие М. И. Ростовцева // Вестник древней истории. 2002. № 4. С. 156–171.
- Павловский Е. Н.* Заметка о поездке в Алжирию и Тунисию летом 1914 г. // Известия Императорского Русского географического общества. 1916. Т. 52. С. 238–245.
- Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география. Т. 11. СПб.: Издание картографического заведения А. Ильина, 1891. 742 с.
- Самойлов Я. В.* Месторождения фосфоритов Алжира и Туниса. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1912. 54 с.
- Синельников С.* Лесокультурные работы на неудобных землях во Франции, Бельгии, Швейцарии, Тунисе и Алжире. Отчет по заграничной командировке. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1911. 158 с.

УДК 321

Е. В. Мартынов

кандидат филологических наук, доцент кафедры социальной работы, факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ); martynov@mirmolodezhi.ru

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СССР

В статье, исходя из современных представлений о социальной политике и социальной рекламе, исследуется советский плакат, выполнявший функции социальной рекламы в СССР. Автор подчеркивает, что партийно-государственный характер рекламы определял не только ценностные установки советской элиты, но и ценности советского социума. Исследование разных жанров плакатного искусства показало, что в советской социальной рекламе ярко проявлялась дихотомия благовидного или неблагоприятного поступка. Что, в свою очередь, определяло повелительное наклонение в обращении к населению. Но, по мнению автора, именно побудительный характер советской социальной рекламы, в совокупности с отражением в ней важнейших направлений социальной политики государства, делал ее эффективной.

Ключевые слова: государство; КПСС; социальная политика; социальная реклама; плакат

Martynov E. V.

PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Social Work of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University (Moscow); martynov@mirmolodezhi.ru

SOCIAL ADVERTISING AS THE DIRECTION OF STATE POLICY IN THE USSR

In the article, based on modern ideas about social policy and social advertising, the Soviet poster performing the functions of social advertising in the USSR is under research. The author emphasizes that the party-state character of advertising is determined not only by the values of the Soviet elite, but also by the values of the Soviet society. The research of different genres of poster art has shown the dichotomy of a plausible or unseemly act in the Soviet social advertising. That, in turn, defined an imperative mood in the address to the population. But, according to the author, the incentive nature of the Soviet social advertising with the reflection in it the most important directions of the social policy of the state made it effective.

Key words: state; CPSU; social policy; social advertising; poster.

Оценивая опыт Советского Союза в области социальной рекламы, следует предварительно сделать ряд уточнений. С одной стороны, говорить о социальной рекламе в широком смысле этого понятия в контексте советской действительности можно лишь условно, учитывая ее перегруженность идеологическими конструктами и очевидный агитационно-пропагандистский характер. Но, с другой стороны, любое государство в большей или меньшей степени стремится использовать социальную рекламу в качестве инструмента политической пропаганды. Ведь она представляет собой автономную область информационной деятельности, направленной на включение населения в решение социально значимых проблем.

Осложняет анализ и то обстоятельство, что в современной теории рекламы отсутствует консенсус относительно сущности социальной рекламы. Тем более что понятие «социальная реклама» используется только в России, а в большинстве зарубежных стран употребляются термины «некоммерческая реклама» и «общественная реклама», подчеркивая ее предоставление на некоммерческой основе [Бове, Арэнс 1995; Уэллс, Бернет, Мориарти 2008]. Кроме того, современными российскими исследователями было введено в научный оборот понятие государственной рекламы как рекламы государственных институтов и продвижения их интересов. При таком подходе под собственно социальной рекламой понимается особый вид коммуникации, ориентированной на привлечение внимания к актуальным проблемам и нравственным ценностям общества и преследующей цель создания новых социальных ценностей и изменения господствующих поведенческих моделей [Николайшвили 2008]. Вообще, отечественная социальная реклама всегда была инструментальной, описывая или предписывая действие, которое необходимо совершить.

Тем не менее есть одно важное обстоятельство, позволяющее гибко подходить к определению социальной рекламы вообще и к ее опыту в СССР, в частности. В современной научной литературе под социальной рекламой понимается: *во-первых*, довольно расширительное по своему содержанию понятие «социальное в рекламе», позволяющее увидеть в любой (даже коммерческой) рекламе актуализацию общественно значимых проблем; *во-вторых*, синонимичная слову «социальное» категория «общественное», что сводит социальную рекламу к механизму

воздействия на социум с целью изменения социальных статусов, ролей, стереотипов и ценностей; *в-третьих*, инструментальное понимание социального как относящегося к социальной политике государства [Дейян 2002; Савельева 2006; Федотова 2002].

В российской традиции именно обеспечение интересов государства было и остается приоритетным направлением социальной рекламы, что имеет свои минусы (например, нередкая имитация общественно полезных целей) и свои плюсы. Следует признать, что именно государство выступает ведущим игроком на поле социальной рекламы, устанавливая законы, регулирующие последнюю от создания до продвижения в общество. Социальная реклама предлагает обществу общественно значимые идеи и ценности, формирует общественное мнение, является инструментом стабилизации и механизмом саморегулирования политической системы и тем самым способствует ее «живучести». Кроме того, она служит инструментом диагностики и коррекции социальных проблем, стимулирует действия по их разрешению. И, наконец, социальная реклама формирует позитивное отношение к государственным институтам и способствует изменению поведенческих моделей в обществе.

В силу российской традиции, как уже указывалось, социальная реклама чаще всего рассматривается исследователями как инструмент управления социальными процессами со стороны государства [Гершун 2007; Крупнов 2006] или, иными словами, как направление государственной политики. И понятно, что в СССР социальная реклама, являясь порождением советской системы, старалась отражать культивируемые партийно-государственным аппаратом ценности. В условиях советской модернизации субъектами социальной рекламы в СССР были государство, «сращенное» с правящей коммунистической партией, и общественные организации, игравшие роль «приводных ремней» советской системы. Но при этом, если анализировать технологию и техники социальной рекламы в СССР, то в ней обнаруживается очень многое от дореволюционного «назидательного лубка», формировавшего негативное отношение к общественно неодобряемым свойствам поступкам или, наоборот, дававшего примеры «правильного поведения» [Савельева 2004]. Главные рубрики выпускавшегося с 1926 г. ежемесячного журнала «Социальное обеспечение» напоминали основные разделы дореволюционных изданий «Вестника благотворительности» и «Трудовой помощи».

С самого начала советская власть установила жесткий контроль над монополизированной рекламной деятельностью: одним из первых распоряжений новой власти стал Декрет «О введении государственной монополии на объявления» (ноябрь 1917 г.). В апреле 1918 г. Совнарком принимает Декрет «Об организации управления почтово-телеграфным делом Советской республики», предусматривавший прием объявлений для помещения в советских печатных изданиях. В этих условиях директивы большевистской партии фактически становились социальной рекламой.

Конечно, бум социальной рекламы после революции 1917 г. был во многом связан с ее использованием в качестве инструмента коммунистической пропаганды. Однако важной частью этой пропаганды был портрет «светлого будущего», в котором не оставалось места язвам «проклятого прошлого». И здесь, вне зависимости от идеологических заклинаний, поднимался ряд важнейших вопросов социальной политики, вполне вписывающихся в современное понимание сущности социальной рекламы. Но при этом социальная реклама должна была быть доступной и понятной прежде всего для трудящихся масс. Именно ориентацией на эту целевую аудиторию объясняется примитивизм и трафаретность рекламы первых лет советской государственности. Не удивительно, что средством социальной рекламы в СССР был плакат, изобиловавший побудительными и вопросительными предложениями, восклицательными знаками и яркими слоганами типа «Совесьть – лучший контролер»; «Не отдыхай на рельсах!» или «Долой кухонное рабство!». Впрочем, переход к нэпу повысил художественное исполнение рекламы. Не случайно в 1925 г. на Международной художественно-промышленной выставке в Париже цикл плакатов В. Маяковского и А. Родченко был удостоен серебряной медали.

Кроме того, анализ советских плакатов показывает, что даже в сталинский период большинство из них были посвящены не откровенной партийно-идеологической тематике, а тому, что сегодня именуется социальной рекламой. Перед новой властью стоял широкий круг задач, связанных с формированием «нового человека» и нового образа жизни, значимыми маркерами которого выступала принципы социальной справедливости и равенства. Кроме того, кампании по ликвидации неграмотности, борьбы за культурность, против религиозности, алкоголизма и курения диктовали

необходимость разнообразных направлений социального просвещения населения.

Все вышеперечисленные темы существовали не отдельно друг от друга: часто в одной рекламе объединялось сразу несколько тем. Тем не менее всю социальную рекламу советского периода можно разделить на две большие группы: условно говоря, негативную (критику социальных болезней) и позитивную (формирование образа нового человека в новом обществе). Далее будут рассмотрены основные сюжеты социальной рекламы в СССР в разные периоды советской государственности.

Борьба с пережитками прошлого

Например, антитабачный «постер» 1930 г. апеллировал к тому, что никотин является ядом. Расчеты автора плаката, что человек выкуривает за 30 лет 200 тыс. папирос (160 кг табака, в котором содержится 800 г никотина) поддерживались заявлением, что «одна капля никотина убивает мелкое животное». Еще один плакат 1930 г. утверждал, что курение табака является дорогим и вредным делом не только для здоровья, но и для народного хозяйства в целом. В СССР, по утверждению авторов плаката, ежегодно прокуривались («выпускались в воздух») сотни миллионов рублей, а на перекуры тратилось 14 % рабочего времени. Венцом антитабачной кампании 1930 г. можно считать плакат «Наш ультиматум взрослым», на котором пионеры выдвигали к взрослым три требования: «не отравлять табачным дымом воздух»; не подавать «сосанием папирос» дурного примера детям и бросить курить, прежде чем призывать к этому других. Ультимативно звучала фраза о потере курильщиками права на уважение со стороны детей в случае невыполнения указанных требований [Дальнейшая эволюция...; Реклама в Советском Союзе; Реклама в СССР; Жизнь в СССР; Советская социальная реклама].

Даже после отмены в 1924 г. «сухого закона» рекламная кампания *против пьянства* не прекращалась. На плакате 1929 г. пионер использует игру слов, меняя в слове «спирт» букву «и» на «о». Лозунг ясен и понятен: «С буквой о – сила, с буквой и – могила». На плакате Н. Дени этого же года рабочий бьет по бутылке с алкоголем молотом с надписью «культурная революция». А расположенные под рисунком стихи Д. Бедного призывают «не давать передышки

врагу», олицетворением которого выступает пьянство. Наглядный характер носил плакат 1930 г. «Что можно купить детям на стоимость 1 литра водки», где изображение продуктов и школьных принадлежностей заменяло собой текст. Заметным явлением стала серия сатирических листов Кукрыниксов «Горячая промывка» (1933). Особенно выразителен плакат «Катастрофический машинист», на котором на зрителя несется паровоз, из окна которого выглядывает пьяный машинист со стаканом «горячительного напитка». Здесь тема алкоголя тесно соприкасается с проблематикой травматизма и общественной безопасности. Снискал широкую популярность плакат 1960-х гг. с его лаконичным призывом «Скажи “нет” алкоголю!».

Не замалчивалась и такая острая социальная проблема, как проституция, которая, как и многие другие социальные проблемы, считалась наследием эксплуататорского общества. На плакате 1929 г. женщина-труженица останавливает вульгарно накрашенную и неприлично (по меркам трудового класса) одетую женщину. Рисунок усилен стихами Д. Бедного «Ночная панель»:

«Вот чему должна быть крышка,
Вот вести с чем надо бой:
Строя старого отрыжка
На панели пред тобой».

Позитивные модели поведения

В этом случае социальная реклама обращала внимание, в первую очередь, на *здоровый образ жизни*. Эта реклама после Гражданской войны стала одной из важных тем и особенно пропаганда чистоты («Работница, борись за чистую столовую, за здоровую пищу!»), гигиены и профилактики инфекционных заболеваний («Граждане! Делайте себе противохолерные прививки!»). Образцом социальной рекламы стала серия из 35 плакатов Санпросвета (1929) с подписями Владимира Маяковского: «Зубы чисть дважды / Каждое утро и вечер каждый», «Товарищи, мылом и водой мойте руки перед едой» / Убирайте комнату, чтоб она блестела. В чистой комнате чистое тело» и т. п. [Савельева 2006, № 2, № 3]. Эта тема продолжилась в 1930-е гг.: плакат 1931 г. «Мой руки после работы и перед едой» и 1932 г. «Иди в баню после работы».

Огромное внимание в СССР уделялось пропаганде *физкультуры и спорта*. Из всех репродукторов страны по утрам звучала песня: «Чтобы тело и душа были молоды / Ты не бойся ни жары и ни холода / Закаляйся как сталь!». Настоятельная рекомендация И. Шервинской: «Начинай и кончай день гимнастикой» и ставшая хрестоматийной работа А. Дейнеки «Физкультурница» в послевоенные годы получают свое развитие: «Работать, строить и не ныть! Нам к новой жизни путь указан. Атлетом можешь ты не быть, но физкультурником – обязан» (А. Дейнека, 1933 г.). В этом ряду – плакат 1947 г. работы Л. Голованова «Молодежь – на стадионы!» и плакат 1951 г. В. Корецкого «Тренируйся». В первые послевоенные годы появляется и социальная реклама массового туризма – «В выходной день – на туристскую прогулку» (1947) и «Будь туристом» (1949) с призывом – «Путешествуй по родной стране!».

Одной из задач советского режима была *эмансипация* женщины, превращение ее в активного строителя нового общества. На довоенных плакатах постоянно присутствует тема освобождения женщины от «кухонного рабства», обучения грамоте и вовлечения ее в производство и общественную работу. Тема равноправия мужчин и женщин в советском обществе всегда играла важную роль [Женщины в русском плакате... 2001]. Целые серии плакатов призывали женщин активно участвовать в хозяйственной («Женщины, идите в кооперацию!») и общественной («Раскрепощенная женщина – строй социализм!») жизни. Они пропагандировали образ женщины, не связанной бытовыми заботами и активно вовлеченной в социалистическое (позже коммунистическое) строительство. На плакате С. Лодыгина (1933), адресованном женской аудитории страны слоган вполне конкретен: «К учебе, к станку, к общественной жизни». Только в послевоенные годы в социальную рекламу постепенно возвращается образ привлекательной женщины.

Особым направлением социальной рекламы в сталинском СССР были плакаты, призывающие молодежь осваивать новую технику и новые престижные профессии. Самой престижной в это время была, конечно, авиация («Молодежь на самолеты», Г. Ключис, 1934 г.). Характерен в этом отношении плакат М. Подольского и И. Ткаченко (1936), где на фоне летящих самолетов изображение экипажа летчиков-полярников дополняется еще одной хрестоматийной фразой: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Социальная реклама первых послевоенных пятилеток морально поощряла людей наиболее трудных и благородных профессий: «Честь и слава сельским врачам» (1948) или «Честь и слава советскому учителю» (В. Корецкий, 1949 г.).

Огромная работа по воплощению в жизнь задач «культурной революции» нашла свое отражение в плакатах 1920–1940-х гг. В «самой читающей стране в мире» весьма важную роль играла реклама просвещения, ставшая в предвоенные годы мощным агитатором в борьбе за *ликвидацию неграмотности*. Хорошо известен плакат периода нэпа с призывом:

«Кооператор,

Торгуй книгой!

Свет и знание в деревню двигай!».

Реклама призывала умевших читать и писать обучать неграмотных («Ты помогаешь ликвидировать неграмотность?»), а последних – овладеть грамотой («Женщина, учись грамоте!», Е. Кругликова) [Книга в русском плакате... 2004]. Масса рекламных плакатов агитировала в пользу чтения: «Все в библиотеку» (1929) с призывом «Каждый батрак, бедняк, колхозник должен стать читателем библиотеки»; «Хорошую библиотеку – каждому Советскому селу» (1935), где мужчина читает томик М. Шолохова, а женщина – книгу «Сталин о Ленине». И, конечно, обязательный «лозунг дня»: «Книга – наш верный помощник на большевистском пути к культурной, зажиточной колхозной жизни».

Пропагандировались высокая *культура обслуживания* (плакат 1948 г. «Обслужим культурно каждого посетителя») и социальная активность («Вступайте в добровольную пожарную дружину предприятия», 1952 г.). А после отказа от курса на разрушение семейных ценностей и объявления семьи «ячейкой социалистического общества», развернулась пропаганда таких ценностей, как, например, честь семьи («Честью семьи дорожи!», В. Говорков, 1949 г.) с упором на преемственность поколений.

Важным направлением рекламной деятельности в послевоенные годы стало преодоление демографического урона. Поэтому в плакатном творчестве на первый план выдвигается тема *детства*. Так, художник-фронтовик Н. Жуков, в 1947–1950 гг. создавший галерею веселых и трогательных зарисовок детей, в плакате в 1947 г. «Окружим сирот материнской лаской и любовью!» обращается

к теме детей-сирот. В детском приюте над детской кроваткой с ребенком склонилась воспитательница. Жест ее поднятой руки как бы отклоняет угрозу, а завершает композицию висящий на стене известный плакат, изображающий И. В. Сталина с девочкой на руках. Тему здоровья новорожденных поднимает работа Н. Валерианова «Кормите ребенка грудью» (1957).

Отдельным комплексом социальной рекламы стала *помощь голодающим* Поволжья и других регионов Советской России в начале 1920-х гг. Здесь объектом социальной рекламы становились, прежде всего, те граждане, кто мог оказать реальную помощь («Помни о голодающих!», И. Симаков, 1921 г.), и профсоюзы («Профсоюзы, организуя производство, победят разруху и голод!»). На первом плакате на фоне толпы голодающих изображен кусок хлеба с водой – некий символ надежды для сотен тысяч голодающих страны. Сами голодные нарисованы в черно-серых тонах, но при этом у них есть надежда на помощь. Именно эту надежду символизирует указывающая на толпу голодающих трудовая жилистая рука, без слов напоминая о гражданском долге каждого честного человека. Близок к этому по смыслу и плакат А. Сапожникова времен военного коммунизма, на котором крестьянин, почесывающий свой затылок, наконец дошел до очевидной мысли: «Чтобы вспахать землю, нужно иметь соху, а соху нужно сделать, а я об этом забыл. Надо бы подкормить рабочих». Здесь идея гражданского долга тесно «переплетена» со здравым смыслом.

Главной задачей социальной рекламы первых послевоенных лет была *ликвидация последствий войны* («Восстановим!», В. Корецкий) и достижение довоенного уровня жизни. На плакате М. Соловьева (1947) колхозница с пышной хлебной краюхой озвучивает довольно банальную истину: «Хорошо трудиться – Хлеб уродится». Тогда как В. Говорков более изобретателен (см., например, его плакат «В пору рабочую пашут и ночью», 1947 г.). При этом правительство, как и в годы Великой Отечественной войны, обращается к историческому прошлому страны. К примеру, на плакате, созданном в 1947 г. В. Ивановым, изображен молодой инженер, за спиной которого стоит русский богатырь. Весьма характерна и надпись на плакате: «Слава русскому народу – народу-богатырю, народу – созидателю!». Переселение населения на неосвоенные земли в послевоенное стимулировалось плакатами типа «Соберем

с целины богатый урожай!», на котором румяная деревенская девушка на фоне рассыпающегося молотого зерна олицетворяет веру в правильность выбранного партией и народом пути.

С 1960-х гг. свое место в социальной рекламе заняла тема *охраны окружающей среды*. Для сравнения: в годы первых пятилеток был актуален слоган «Дым труб – дыхание советской России».

Из всего вышесказанного можно сделать ряд выводов.

Во-первых, как было показано, для плакатного искусства советской эпохи вполне применимо понятие «социальная реклама». *Во-вторых*, социальная реклама в советский период, учитывая ее государственный характер, отражала ценности, которые культивировала советская элита. Но среди этих ценностных установок было немало того, что в период «перестройки» номинировалось как «общечеловеческие ценности». Пример тому – плакат с логотипом «Морального кодекса строителя коммунизма, содержащий призыв к гуманным отношениям и взаимному уважению между людьми: «Человек человеку – друг, товарищ и брат!». *В-третьих*, в советской социальной рекламе весьма ярко проявлялась дихотомия благовидного или неблаговидного поступка. В силу этого обращение к населению осуществлялось преимущественно в повелительном наклонении и звучало как призыв к действию. Именно этот побудительный характер советской социальной рекламы, в совокупности с отражением в ней важнейших направлений социальной политики государства, делал ее достаточно эффективной, особенно в условиях общественной мобилизации. *В-четвертых*, социальная реклама была ориентирована на весь советский народ, апеллируя к коллективистским устоям общества и, прежде всего, моральным ценностям.

Повышению эффективности социальной рекламы в СССР способствовала ее институционализация, связанная с ростом потребностей советского народа и, прежде всего, в качественных товарах и услугах. Еще в 1936 г. (заметим, в этом году принятия сталинской Конституции, декларировавшей право всех граждан на социальное обеспечение по старости, болезни и утрате трудоспособности) были учреждены ряд рекламных предприятий: Торгреклама при Наркомате внутренней торговли СССР, Союзпищепромреклама при Наркомате пищевой промышленности и Рекламное бюро при Госторгиздате. В 1960-е гг. создаются специализированные

рекламные организации: Союзторгреклама, Главкоопторгреклама, рекламные организации Аэрофлота, Министерства культуры и др. С 1970-х гг. начинают выходить журналы «Реклама», «Коммерческий вестник», «Новые товары» и пр.

Если коммуникативная функция социальной рекламы в СССР была выражена слабо (в силу почти полного отсутствия механизма обратной связи), то информационная, имиджевая (образ заботящегося о своих гражданах государства), воспитательная (чувство гордости за свою страну) и социализирующая функция выполнялись в полной мере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бове К. Л., Аренс У. Ф.* Современная реклама. Тольятти : Издат. Дом Довгань, 1995. 704 с.
- Гершун М. В.* Социальная реклама как коммуникативный инструмент государственного управления: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 27 с.
- Дальнейшая эволюция социальной рекламы в СССР / Я студент. URL: yastudent.com/marketing/dalnejshaya-evolyuciya-socialnoj-reklamy-v-sssr.html
- Дейян А.* Реклама / пер. с фр. М. : Сирин, 2002. 144 с.
- Женщины в русском плакате: [Альбом] / авт. текста: Н. Бабурина, С. Артамонова. М. : Контакт-Культура, 2001. 143 с.*
- Книга в русском плакате: Тематическая папка / сост. Н. И. Бабурина и др. ; авт. текста Н. И. Бабурина, С. Н. Артамонова. М. : Контакт-культура, 2004. 176 с.*
- Крупнов Р. В.* Социальная реклама как инструмент управления социальными процессами: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2006. 28 с.
- Николайшвили Г. Г.* Социальная реклама: Теория и практика. 2-е изд., М. : Аспект Пресс, 2008. 191 с.
- Реклама в Советском Союзе // Semsocial. URL: semsocial.ru/reklama-v-sovetskom-soyuze-10062014
- Реклама в СССР / Аэрофлот. URL: yvision.kz/post/353546
- Савельева О. О.* Введение в социальную рекламу. М. : РИП-холдинг, 2006. 168 с.
- Савельева О. О.* Живая история российской рекламы. М. : Гелла-принт, 2004. 272 с.
- Савельева О. О.* Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // Человек. 2006. № 2. С. 58–69.

- Савельева О. О.* Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // Человек. 2006. № 3. С. 140–147.
- Советская реклама // Жизнь в СССР. URL: ussrlife.blogspot.ru/2012/09/blog-post_5212.html
- Советская социальная реклама // Назад в СССР. URL: back-in-ussr.com/2013/07/sovetskaya-socialnaya-reklama.html
- Уэллс У., Бернет Д., Мориарты С.* Реклама: Принципы и практика. 7-е изд. СПб. : Питер, 2008. 738 с.
- Федотова Л. Н.* Социология рекламной деятельности. М.: Гардарики, 2002. 272 с.

УДК 321.013

Е. М. Минин

кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры теории регионоведения Института международных отношений и социально-политических наук (факультет); МГЛУ; e-mail: mininem47@list.ru

КРУШЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ: КАК ЭТО БЫЛО

В статье рассматривается история падения Берлинской стены. Анализируются причины, обусловившие возведение пограничных укреплений на границе между Восточным и Западным Берлином и явившиеся следствием жесткого противостояния между мировыми системами капитализма и социализма во времена «холодной войны». Дается оценка позиций участников процесса решения «германского вопроса». Показана роль ряда политических деятелей, сыгравших ключевую роль в открытии межгерманских границ и объединении Германии.

Ключевые слова: Берлинская стена; Федеративная Республика Германии; Германская Демократическая Республика; оккупационные зоны; «германская проблема»; Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину; Г. Коль; М. С. Горбачев; Э. Кренц; объединение Германии.

Minin E. M.

PhD (History), Associate Professor, Professor, Department of International Regional Studies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), MSLU; e-mail: mininem47@list.ru

THE FALL OF THE BERLIN WALL: HOW IT WAS

The article deals with the history of the Fall of the Berlin Wall. It gives a detailed analysis of the reasons that caused the construction of border strongholds between East and West Berlin due to the tough confrontation between the capitalist and socialist world systems during the Cold War. Positions of the participants in the process of the solution of the German Question are estimated. The role of a number of political figures, who have played a key role in the opening of the inner German borders and in the unification of Germany, is shown.

Key words: The Berlin Wall; the Federal Republic of Germany; the German Democratic Republic; occupation zones; the German Question; Four Power Agreement on Berlin; Helmut Kohl; Mikhail Gorbachev; Egon Krenz; the unification of Germany.

Дата 9 ноября 1989 г. занимает в Новейшей истории Европы особое место. В этот день произошло событие, во многом предопределившее решение «германской проблемы», изменение

соотношения сил на европейском континенте, положившее начало серьезным переменам в сложившейся после Второй мировой войны системе мироустройства. «Рухнула» Берлинская стена, более четверти века разделявшая Берлин на восточную и западную части, разделяя Германию на Западную – Федеративную Республику Германии (ФРГ) и Восточную – Германскую Демократическую Республику (ГДР). В определенной мере Берлинская стена служила своеобразным символом раскола Европы и всего земного шара на мир капитализма и мир социализма [Белоусов, Смирнов, Строганов 2003].

Для многих участников тех событий и в первую очередь самих немцев, как восточных, так и западных, это произошло достаточно неожиданно. Для правильного понимания подлинных причин строительства и «падения» Берлинской стены целесообразно кратко рассмотреть ее историю. В этой связи необходимо отметить, что ее возведение в ночь с 12 на 13 августа 1961 г. было обусловлено объективными обстоятельствами, сложившимися в ГДР в начале 1960-х гг. и явилось вынужденной мерой, предпринятой восточногерманским правительством. Дело в том, что в послевоенное время, с самого начала своего существования (осень 1949 г.) оба германских государства – ФРГ и ГДР – развивались в совершенно разных условиях. Западная Германия, созданная на территории трех западных оккупационных зон, в меньшей степени пострадавших в ходе Второй мировой войны, опиралась на мощь всего Запада, прежде всего США с их планом Маршала – помощи западным странам. ГДР, которая была образована на территории советской оккупационной зоны, напротив, лежала в руинах, не в последнюю очередь из-за тактики «выжженной земли», применявшейся вермахтом при отступлении. Она могла рассчитывать только на свои силы и помощь Советского Союза, который сам испытывал серьезные трудности, восстанавливая в одиночку разрушенную войной страну. Поэтому создавая и развивая свое государство – первое социалистическое государство на немецкой земле – восточногерманское руководство вынуждено было постоянно решать возникающие серьезные проблемы в различных областях жизни своей страны [История Германии... 2005]. Так, в 1960–1961 гг. в ГДР такие проблемы начались в социально-экономической сфере, что проявилось в резком увеличении потока беженцев на Запад. Массовый исход граждан ГДР в Западную

Германию (при этом подавляющее большинство восточных немцев бежали на Запад через Западный Берлин) обострил обстановку вокруг этого города. Но одновременно с этим на повестке дня встал вопрос и об обеспечении безопасности всего социалистического содружества, форпостом которого была ГДР. И когда в одном только июле 1961 г. число беглецов превысило 30 тыс. чел., руководство ГДР приняло решение срочно принять контрмеры, согласовав их со своими союзниками по Варшавскому договору.

12 августа 1961 г. Совет министров ГДР принял решение закрыть границу вокруг Западного Берлина, который полностью находился (как и по сей день находится) на территории Восточной Германии. В ночь с 12 на 13 августа 1961 г. подразделения Национальной народной армии и Народной полиции возвели на границе с Западным Берлином стену, ставшую почти на три десятилетия символом раскола Германии и Европы. Вдоль демаркационной линии была протянута колючая проволока и установлены заграждения. 14 августа были закрыты Бранденбургские ворота. Одновременно был ужесточен пограничный режим по всей границе с ФРГ (с 1949 по 1961 г. число беженцев в ФРГ через Западный Берлин составило в общей сложности 3 млн чел.). Наряду с ужесточением пограничного режима руководством страны были предприняты энергичные усилия по интенсивному развитию экономики [Павлов 2006].

Берлинская стена поставила реальный заслон на пути бегства в Западный Берлин и ФРГ квалифицированной рабочей силы из Восточной Германии. Одновременно прекратились и провокации (в том числе и диверсии) со стороны западных спецслужб в отношении ГДР и восточной части Берлина. А их было немало. Как рассказывали автору этих строк активисты западноберлинских организаций «Союз антифашистов» и «Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме», были случаи, когда в метро (а оно имело единую сеть в западной и восточной частях города) с западной стороны на восточную пускались вагонетки, начиненные взрывчаткой, с целью их подрыва в Восточном Берлине [Schröder 1986].

Стена стала важной предпосылкой для экономического подъема и повышения жизненного уровня в стране. Общеэкономический рост в 1960-е гг. демонстрировал явную положительную динамику: с 1960 по 1969 гг. ВВП увеличивался примерно на 5 % ежегодно [Патрушев 2007].

В дальнейшем экономика ГДР развивалась достаточно успешно. Недаром Восточную Германию называли «витриной социализма». Эта страна на протяжении 1960–1980 гг. демонстрировала самые высокие темпы экономического роста и уровень жизни среди всех стран мировой системы социализма [Краткая история Германии... 2008].

Ситуация в политической и социально-экономической сферах ГДР обострилась во второй половине 1980-х гг. с началом перестройки в СССР и усугубилась серией «бархатных революций» в социалистических странах Восточной Европы в конце десятилетия. Данная статья не ставит своей целью глубокий анализ причин крушения социализма в Восточной Германии. Это тема для более обстоятельного рассмотрения.

Как было сказано выше, падение Берлинской стены, давшее «старт» объединению двух германских государств, произошло достаточно неожиданно для подавляющего большинства простых граждан, да и для многих государственных чиновников среднего и высокого звена обеих Германий. Но вместе с тем некоторые работники советского генконсульства в Западном Берлине и Посольства СССР в ГДР отчетливо видели приближение этого момента и в меру своих возможностей информировали руководство страны о явном сближении обоих немецких государств. Но их информация, как правило, оставалась без внимания, полностью игнорировалась, поскольку она противоречила политике горбачевского руководства, «зацикленного» на строительстве «общеевропейского дома», даже за счет интересов советского государства. Нежелание воспринимать такую «неудобную» информацию мотивировалось тем, что якобы «кое-кто пытается нас рассорить с ГДР».

Сдача наших позиций по «германской проблеме» началось еще раньше. Так, в ходе Совещания Политического консультативного комитета Организации Варшавского договора, состоявшегося 29–30 мая 1987 г., в Берлине, по инициативе М. С. Горбачёва, было принято политически сомнительное решение: впредь переводить на русский язык название ФРГ как «Федеративная Республика Германия». Ранее у нас в стране и других социалистических странах ее переводили как «Федеративная Республика Германии», подчеркивая тем самым реальное существование еще одного суверенного германского государства – Германской Демократической Республики.

Взаимное сближение германских государств происходило де-факто, даже во многом вопреки желанию восточногерманского руководства, которое не было способно осознать в полной мере всю опасность такого дрейфа ГДР в сторону Западной Германии.

Дело в том, западногерманское руководство всячески стремилось исподволь «привязать» ГДР, прежде всего ее экономику, к ФРГ. Особенно эта тенденция усилилась после прихода в 1982 г. к власти в Бонне христианско-либеральной коалиции во главе Гельмутом Колем. С этого момента стабильно наращивались межгерманские торгово-экономические связи. В середине 1980-х гг. 27% внешнеторгового оборота ГДР с капиталистическими странами приходилось на ФРГ и Западный Берлин. Что же касается ФРГ, то, в отличие от ГДР, ни ее экономика, ни ее политика не испытывали в такой степени зависимости от межгерманского товарообмена. На долю торговли с восточным соседом приходилось всего 1,5% товарооборота ФРГ, а среди ее торговых партнеров ГДР занимала всего лишь 15-е место. Как и раньше, боннское правительство во многом строило свои расчеты – и не без успеха – на использовании экономических отношений с ГДР как средства вмешательства в дела республики, постепенного подтачивания там основ существующего строя.

Преимущества, вытекающие для ГДР из реализации этого положения, были очевидны. Прежде всего это было отсутствие таможенных пошлин, что, по самым скромным подсчетам, позволяло сэкономить ГДР около 8,8 млрд западногерманских марок. Помимо этого ГДР имела возможность получать дополнительную прибыль от поставок в ФРГ сельскохозяйственной продукции по более высоким в сравнении с мировыми закупочными ценами Общего рынка. Восточногерманские товары по законодательству ФРГ облагались льготным налогом с дополнительной прибыли, а скидка на налог с оборота составляла 11 %. Это, в свою очередь, вело к удешевлению товаров ГДР и повышению их конкурентоспособности. Неслучайно о ГДР говорили как о фактически «ассоциированном члене ЕЭС, не имевшем статуса ассоциированного члена». ГДР получала также значительные суммы в твердой валюте за право пользования транзитным сообщением, утилизацию мусора и бытовых отходов из Западного Берлина и очистку его сточных вод.

Руководство ГДР недооценивало, какие опасности таила в себе большая финансовая зависимость от ФРГ. А западногерманская сторона делала всё возможное, чтобы перекупить у других зарубежных партнеров Восточной Германии долговые векселя и расписки ГДР, и сконцентрировала таким образом в одних руках всю внешнюю задолженность ГДР [Бонвеч, Галактионов 2008].

Руководство Западной Германии никогда не оказывалось от своего твердого намерения объединить Германию, причем на своих условиях. Об этом говорит множество, казалось бы, второстепенных фактов. Например, в вестибюле городской ратуши Западного Берлина (ее функции выполняла ратуша Шёнеберга – центрального района города) висела большая картина городской ратуши Восточного Берлина, и западноберлинское руководство всегда подчеркивало, что рано или поздно она опять станет ратушей всего Берлина. В центральном зале шёнебергской ратуши были вывешены приспущенные на половину флаги восточногерманских земель якобы «временно находящихся под оккупацией». А правовой статус Берлина между тем регулировался Четырехсторонним соглашением по Западному Берлину, подписанным четырьмя великими державами (США, Великобританией, Францией и Светским Союзом) и определявшим его как особую территориальную единицу, неподвластную ФРГ и невходящую в ее юрисдикцию. События тем временем приближались к своей кульминации. И, наконец, наступил «день икс» – 9 ноября 1989 г.

Следует заметить, что этот момент общая политическая обстановка в ГДР в целом и в ее столице – Берлине, в частности, была очень беспокойной. Как стало известно позднее, как раз в этот день вечером шло заседание политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии (правящей партии ГДР), возглавляемой Эгоном Кренцем, решавшее вопрос упрощения процедуры посещения Западной Германии и Западного Берлина гражданами ГДР.

Что же произошло, в эти часы и минуты на границы Восточного и Западного Берлина? Ранее достаточно просто на Запад могли выезжать только пенсионеры и члены официальных делегаций. Теперь уже любой житель Восточной Германии, даже не достигший пенсионного возраста и не входящий в состав делегации, мог получить разрешение на поездку на Запад в течение одной недели с момента подачи документов на выезд.

Но события опережали действительность и вышли из-под контроля руководства ГДР. Эгону Кренцу, проводившему заседание политбюро, доложили, что на многих КПП в районе Берлинской стены собрались многотысячные жители столицы ГДР. И опасаясь серьезных беспорядков, которые могли бы привести к столкновениям с органами правопорядка и человеческим жертвам, политбюро приняло, видимо, единственно правильное в этой ситуации решение – открыть границу с Западным Берлином и пропускать на Запад всех желающих с одним условием – чтобы они имели при себе удостоверение личности ГДР (аусвайс).

Впрочем, есть версии, по которым всё произошло несколько иначе. Вечером 9 ноября, выступая на пресс-конференции, которая транслировалась по телевидению, член политбюро ЦК СЕПГ ГДР Гюнтер Шабовски огласил новые правила въезда и выезда из страны. Согласно принятым решениям, граждане ГДР якобы могли получить визы для *немедленного* посещения Западного Берлина и ФРГ. При этом считают, что он оговорился. Была ли это оговорка или намеренное искажение принятого политбюро решения о недельном сроке оформления разрешения сейчас трудно установить. Но так или иначе, сотни тысяч восточных немцев, не дожидаясь назначенного срока, устремились поздно вечером 9 ноября к Берлинской стене. Пограничники вынуждены были открыть границу: 9 ноября стал днем падения Берлинской стены.

Тысячи граждан ГДР желали попасть в Западную Германию. Встречать гостей с Востока вышли тысячи жителей Западного Берлина. Происходящее напоминало народный праздник. Ощущение счастья и братства смыло все государственные барьеры и преграды. Западноберлинцы, в свою очередь, также находясь в состоянии эйфории, стали переходить границу, прорываясь в восточную часть города.

Открытие границы фактически означало падение Берлинской стены, которая более четверти века разделяла немецкую нацию, Европу и весь мир на два противоборствующих лагеря.

В первые же дни после этого события десятки тысяч восточноберлинцев посетили Западный Берлин, причем абсолютное большинство – из чистого любопытства. В целом за два оставшихся до конца года месяца в ФРГ и западной части Берлина побывало 14 млн граждан ГДР [Павлов 2012].

Интересно, что в Западном Берлине и в других западногерманских городах в первые же дни выстроились большие очереди в местные отделения банков, где восточные немцы получали «гостевые деньги» (30 марок ФРГ), на которые они имели право, как немцы, которые согласно западногерманскому Основному закону все считались гражданами ФРГ.

Значение этого события для будущего обоих германских государств было огромным. Миллионы жителей ГДР, посетив Запад и вернувшись домой, смогли убедиться, насколько велика, как им казалась в тот момент, разница в уровне жизни восточных и западных немцев. А ФРГ получила в руки новый прямой мощный канал воздействия на общественное сознание жителей ГДР, правительство которой с этого момента уже не могло не идти на максимальное расширение контактов, причем теперь уже исключительно на условиях ФРГ. Таким образом, крушение Берлинской стены и открытие границы значительно ускорили процесс объединения Германии в единое государство.

В октябре 1990 г. последовало вступление земель бывшей ГДР в ФРГ. Германия стала единым государством. Берлинская стена была за несколько месяцев снесена. Лишь малые части ее решено было сохранить как памятник для последующих поколений.

Какую оценку можно дать этому событию? Как оно было воспринято в обоих германских государствах, в Европе, в мире, в нашей стране? Конечно, в целом оно оценивается как положительное явление. Но существует и другое мнение, особенно что касается того, на какой основе осуществилось объединение Германии и какую роль оно сыграло, в частности, для нашей страны.

Автор этих строк в этот период выполнял обязанности вице-консула Генерального консульства СССР в Западном Берлине. Как и многие наши дипломатические и консульские работники испытывал двойственное чувство: с одной стороны, было ясное осознание того, что произошло то, что рано или поздно должно было произойти: раскол немецкой нации и немецкого народа должен был преодолен. С другой – была неудовлетворенность тем, каким образом это случилось. Мы не могли не учитывать серьезных опасений своих немецких друзей по поводу характера и темпов объединения, которое проходило и, в конечном итоге, было осуществлено исключительно на западногерманских условиях, на основе

Конституции ФРГ. По сути, состоялось не объединение двух суверенных немецких государств, а поглощение восточногерманского государства Западной Германией. Действие Основного закона ФРГ было распространено и на территорию ГДР. В результате население восточных земель было «вброшено» в условия рыночной экономики и лишилось многих социальных гарантий, обеспечиваемых ранее социалистической ГДР. Это социально-экономическое неравенство сохраняется в определенной мере и до сих пор. Многие государственные, политические и партийные деятели ГДР, работники спецслужб, военные были подвергнуты уголовному преследованию, получили тюремные сроки.

Трагически сложилась и судьба бывшего многолетнего лидера ГДР Эриха Хонеккера. Сначала он выехал в СССР, который через некоторое время по настоянию нашего руководства был вынужден покинуть, будучи неизлечимо больным. Его приняло руководство Чили, где проживала дочь Хонеккера и где он вскоре скончался.

Но главное заключалось в том, что наша страна не выиграла, а многое потеряла от этого объединения: мы потеряли наших искренних друзей в Восточной Германии и получили вблизи своих границ военные базы НАТО. А ведь стоило нашему руководству в лице Горбачева и Шеварднадзе настоять на наших условиях объединения (а Западная Германия была готова их принять, об этом есть свидетельства участников советско-западногерманских переговоров), то мы смогли бы надежно обеспечить безопасность своих западных границ. Но амбиции нашего тогдашнего политического руководства, озабоченного строительством «общеевропейского дома», возобладали над соображениями относительно судьбы советского государства [Максимычев 2002].

Так закончилось одно из крупнейших исторических событий, во многом предопределившее дальнейший ход развития ситуации на европейском континенте, затронувшее судьбы ряда стран и народов Европы. В мире пока еще существуют разделенные государства и народы. Рано или поздно они преодолеют раскол и воссоединятся. Об этом говорят положительные примеры Вьетнама и Германии. Но хочется верить, что народы разделенных государств смогут избежать ошибок и просчетов процессов объединения своих предшественников, и он пройдет безболезненно для всех его участников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- История Новейшего времени стран Европы и Америки. 1945–2000 / Л. С. Белоусов [и др.]. М.: Простор, 2003. 877 с.
- История Германии: в 3 т. / А. М. Бетмакаев [и др.]. От создания Германской империи до начала XXI века. Т. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. 569 с.
- Бонвеч Б., Галактионов Ю. В. История Германии: в 3 т. От создания Германской империи до начала XXI века. Т. 2. М.: КДУ, 2008. 645 с.
- Краткая история Германии / У. Дирльмайер [и др.] ; пер. с нем. К. В. Тимофеевой. СПб.: Евразия, 2008. 542 с.
- Максимычев И. Ф. Народ нам не простит... Последние месяцы ГДР. Дневник советника-посланника Посольства СССР в Берлине. М.: 2002. 438 с.
- Павлов Н. В. История современной Германии. 1945–2005. М.: Астрель, 2006. 510 с.
- Павлов Н. В. История внешней политики Германии. М.: Международные отношения, 2012. 800 с.
- Патрушев А. И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издат. дом Международного университета в Москве, 2007. 704 с.
- 9 ноября – день падения Берлинской стены. Вопросы и ответы. URL: www.de-online.ru/mauerfall
- Schröder Heinz. “Olle Icke” erzählt. Über Widerstand, Strafdivision u. Wiederaufbau. Berlin (West) : Elefanten Press, 1986. 198 S.

УДК 9.94

Е. А. Обернихин, А. Н. Трякин

Обернихин Е.А., доцент, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доцент кафедры, Московское высшее общевойсковое командное училище, e-mail: obernikhin2013@yandex.ru

Трякин А.Н., заместитель руководителя Представительства Минобороны России по организации и ведению военно-мемориальной деятельности в Чешской Республике; Третий секретарь Посольства РФ в Чехии. Управление Министерства обороны Российской Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества. e-mail: bard_alex@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА СОЗДАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ЧЕХИИ

Более 70 лет прошло с того времени, как закончилась самая кровопролитная в истории человечества война. Советский Союз ценой неимоверных усилий и жертв отстоял свое право на существование. В памяти нашего народа навечно останется подвиг воинов Красной армии, которые отдали свою жизнь в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Более четырех миллионов советских солдат и офицеров погибли вдали от Родины. В странах Восточной Европы расположено более 11 тыс. воинских захоронений, на которых увековечена память о них.

Одной из ярких страниц военной истории Второй мировой войны, без сомнения, является освобождение Чехословакии от немецкого нацизма воинами Красной армии. Мемориальные комплексы и обелиски на воинских кладбищах в различных местах сегодняшней Чехии наглядно напоминают европейским народам о подвиге советских воинов-освободителей. Их строительство проходило в тяжелое, в первую очередь для Советского Союза, послевоенное время, хотя состояние экономики Чехии не было столь плачевно.

Анализ архивных источников выявил ряд проблем в организации учета и захоронения советских воинов. В частности, многие воины Красной армии не были погребены в соответствии с требованиями приказов НКО СССР. Для создания воинских кладбищ органы военного управления в Центральной группе войск (ЦГВ) разработали нормативные документы, связанные не только с укрупнением существующих одиночных и братских могил, но и с компактным расположением в дальнейшем таких кладбищ. Однако на местах поисковые команды и команды погребения столкнулись с рядом проблем, исходя из которых возникли сложности с определением персональных данных захороненных воинов. В результате проведенных работ численность Неизвестных Солдат только возросла.

Для создания воинских кладбищ командование ЦГВ привлекало строительные команды воинских частей и подразделения инженерно-строительного профиля. Тем не менее ряд объективных и субъективных факторов, в том числе слабое финансирование, помешали командованию

не только качественно провести работы по созданию и укрупнению воинских кладбищ, но и в полном объеме сохранить биографические данные захороненных советских воинов. В результате многие одиночные и братские могилы так и не были перенесены на крупные воинские кладбища.

После завершения строительных работ представители командования ЦГВ передавали кладбище по актам для обустройства и сохранения местным органам власти в Чехословакии. Акт оставался единственным правовым документом о передаче конкретного воинского захоронения органам местного самоуправления для ухода и содержания. Он сохранил свою силу и актуальность вплоть до 27 июня 1990 г., когда была утверждена МО СССР форма паспорта воинского кладбища.

Необходимо подчеркнуть, что население Чехословакии не было равнодушно к судьбам погибших советских воинов. В архивных документах отражены факты о внимательном отношении к обнаруженным останкам павших советских воинов и воинским захоронениям. И в настоящее время на средства чешских граждан проводятся мероприятия капитального ремонта воинских захоронений бойцов Красной армии.

Процесс по установлению судеб и увековечению памяти погибших советских воинов требует серьезного планирования и ответственного подхода к делу исполнителей, в котором не должно быть места спешке и назначению крайних дат в выполнении поставленных задач. Только такая работа позволит вернуть из небытия имена погибших и создать легитимную базу для возвращения достоверных данных о погибших воинах на могильные плиты.

Ключевые слова: Вторая мировая война; воинские мемориалы и кладбища; советские воинские захоронения в Чехии.

Obernikhin Y. A.

Associate professor, department of the humanities and socio-economical subjects, Moscow Higher Combined Arms Command School,
e-mail: obernikhin2013@yandex.ru, cell phone 8-915-251-3699

Tryakin A. N.

Deputy head of the Russian Defence Ministry Commemoration Office in the Czech Republic. Third secretary of the Embassy of the Russian Federation in the Czech Republic. Russian Defence Ministry Fallen Military Personnel Commemoration Department, e-mail: bard_alex@mail.ru

PROBLEMS OF CREATING AND PRESERVING SOVIET MILITARY BURIALS IN CZECH REPUBLIC

Over 70 years have passed since the end of mankind's bloodiest war. The Soviet Union defended its right to exist at the cost of incredible efforts and human losses. Our people will for ever remember the feat of Red Army warriors who laid down their lives fighting the Nazi invaders.

More than 4 million Soviet military personnel died abroad. In Eastern Europe, there are over 11,000 military burial sites commemorating them.

A most vivid page in military history of the Second World War is certainly Czechoslovakia's liberation from German Nazism by the Red Army. Memorial centres and obelisks scattered throughout today's Czech Republic are a graphic reminder for European peoples about the feat of the Soviet liberators. They were built during the hard times after the war, which were especially hard for the Soviet Union, though Czechoslovakia's economy was not in such a sorry plight.

Analysis of archives has revealed a number of problems in registering and burying Soviet soldiers. In particular, many of the Red Army's dead were not buried in accordance with the procedures set by the People's Commissariat of Defence of the Soviet Union. In order to create cemeteries, the headquarters of the Central Group of Forces worked out normative documents implying not only the consolidation of individual and mass graves, but the making of such cemeteries compact enough. However, search and burial teams operating in the field encountered several problems, which caused difficulties with identifying the fallen. The work done only increased the number of unknown soldiers.

To create military cemeteries, the Central Group of Forces used construction teams furnished by units and combat engineer units as well. Nonetheless, several objective and subjective factors and poor financing prevented the quality work on creating and consolidating military cemeteries and the proper registration of the buried soldiers. For this reason, many individual and mass graves were not moved to large military cemeteries.

Having built a cemetery, the Central Group of Forces would hand it over to Czechoslovak local authorities for beautification and preservation and a handover certificate would be signed. The handover certificate was the only legal document on the handover of a particular military cemetery to local authorities for care and upkeep. The certificates had been in effect and relevant before 27 June 1990, when the Soviet Defence Ministry approved a military cemetery passport.

Mention should be made that the local population in Czechoslovakia did not remain aloof to the Soviet fallen. Archives contained numerous examples of their advertence to the remains of Soviet soldiers found and to military cemeteries. Major repairs of Red Army cemeteries keep on being conducted at the expense of Czech citizens.

The identification and commemoration of the Soviet fallen necessitates good planning and responsible approach to work – without undue haste and unnecessary deadlines. Only this approach will allow the names of the fallen to be recovered from oblivion and a legitimate basis to be created in order to get the reliable information about the fallen to gravestones.

Key words: Second World War; military memorials and cemeteries; Soviet military burial sites in Czech Republic.

Человек умирает два раза – первый раз физически, второй раз, когда о нем забывают
Арон Вигушин

Память – именно она подлежит увековечению. Это понятие лежит в основе Федерального закона № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» от 14 января 1993 г. Память о людях, отдавших жизнь за свободу и независимость своего государства и народов Европы в самой страшной войне XX столетия, память об их подвиге и самопожертвовании во имя победы над фашизмом не имеет срока давности.

В последнее время отношение к России в некоторых странах Европы меняется, и не всегда в лучшую сторону. Русофобские настроения и демонизация России поставлены в ранг государственной политики во многих европейских странах, однако чешскому и словацкому народам в целом удалось вырваться за рамки дихотомии «великая свободная Америка – агрессивная тоталитарная Россия», сумев правильно дать оценки разным историческим периодам. Так, президент Чехии Милош Земан, который, в отличие от своих коллег по Евросоюзу, выступая против переписывания истории Второй мировой войны, заявил о вкладе 150 тыс. советских воинов павших за освобождение Чехословакии [«RT» – телеканал]. Этим выступлением президент Чехии лишний раз подчеркнул отношение чешских властей на самом высоком уровне к исторической миссии Советской армии в разгроме фашистской Германии.

В условиях острой идеологической борьбы актуальность изучения истории создания и обустройства советских воинских кладбищ в Чехословакии (в настоящее время Чешская и Словацкая Республики) очевидна. Она обусловлена существованием целого ряда проблем в этой области:

1) после проведения перезахоронений в 1945–1946 гг. для укрупнения воинских кладбищ, число безымянных могил не уменьшилось, а увеличилось. Несмотря на то, что подавляющая часть потерь личного состава при освобождении Чехословакии связана с наступательными военными операциями;

2) неудовлетворительное состояние многих воинских захоронений обусловлено сжатыми сроками и значительным числом перезахоронений, дефицита и (или) невысокого качества использовавшихся строительных материалов;

3) недостаточный объем финансирования для выполнения работ по строительству и оборудованию воинских кладбищ;

4) отсутствие оформленных паспортов воинских захоронений¹;

5) ошибки при указании первичных персональных биографических данных о погибших воинах при создании мемориальных надписей на кладбищах, в ходе проведения работ по перезахоронению.

В данной статье авторы проанализировали проблемы увековечения, которые касаются советских воинских захоронений на территории Чехии. Однако можно с большой долей уверенности предположить, что они являются типичными и для других восточноевропейских стран, и поэтому безусловно в определенной мере могут представлять интерес для исследователей, занимающихся аналогичной проблематикой.

По информации начальника Управления Минобороны России по увековечению памяти погибших при защите Отечества В. В. Попова, в странах Восточной Европы расположено четыре тысячи памятников и воинских мемориалов, паспортизовано 11 842 захоронения, на которых покоятся более четырех миллионов советских солдат и офицеров, погибших в годы Великой Отечественной войны [Международный коллоквиум... 2015]. Только на территории Чехии в 672 воинских захоронениях похоронено 53 142 наших соотечественника [Их подвиг бессмертен... 2008].

Для более объективного анализа проблематики советских (российских) воинских захоронений и памятных мест на территории Чехии необходимо обратиться к истории этого вопроса и проследить хронологию развития событий.

Нередко захоронение погибших проводилось с отступлением от требований приказов и распоряжений командиров и начальников. В своих письмах и воспоминаниях фронтовики сетовали на то, что не смогли достойно похоронить товарища или друга. Так, в частности, офицер запаса Д. И. Доценко вспоминал, что «тысячи

¹ Паспорт воинского захоронения – это один из важнейших вопросов учета объекта в виде одиночного или братского захоронения, представляющий собой правовой документ, в котором подписями и печатями закреплена ответственность должностных лиц принимающей стороны по сохранению и содержанию данного объекта.

людей похоронены как Неизвестные Солдаты, и сегодня 20 лет спустя после Победы, многие семьи так и не знают, где покоится прах их отца, мужа, брата, хорошего друга» [ГА РФ. Ф.Р-9541. Оп.1. Д.993. Л.5].

Организации учета личного состава в Красной армии уделялось должное внимание. Достаточно сказать, что с 1941 по 1945 год органами военного управления СССР были разработаны нормативные документы, в которых была установлена система персонального учета личного состава в подразделениях и отдельных воинских частях и учета безвозвратных потерь в Красной армии¹. Ее наличие, особенно в последние месяцы войны, позволяло, на первый взгляд, сохранить на фронтах личные данные о каждом погибшем и захороненном в Европе советском солдате и офицере. Однако, несмотря на наличие нормативной базы, жестких требований командования к организации учета личного состава и потерь в войсках, а также к захоронению погибших в боях воинов, численность неизвестных солдат на братских могилах и воинских кладбищах не снижалась. Подтверждением тому служат приводимые далее в статье примеры.

Анализ архивных источников свидетельствует о том, что имели место не только халатные действия команд погребения и поисковых команд, но и определенные просчеты командования в организации работ по укрупнению воинских кладбищ после войны. Так, были «нередки случаи, когда по пути боевых действий воинских частей встречаются плохо оформленные отдельные могилы, вместо пирамиды или памятника воткнут простой неуклюжий кол и надпись сделана на куске картона или фанеры простым карандашом» [ЦА МО РФ. Ф.233. Оп.2376. Д.31. Л.173]. Кроме того, нахождение погибшего военнослужащего в могиле без документов²

¹ Приказ НКО № 138 от 15.3.1941 г. вводил в действие «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной армии в военное время»; Приказ НКО № 023 от 04.02.1944 г. вводил в действие «Наставление по учету личного состава Красной армии в военное время».

² Введенная Приказом НКО № 330 от 11.10.1941 г. для удостоверения личности, красноармейская книжка, изымалась у погибшего воина командами погребения при захоронении или поисковыми командами и сдавалась в штаб воинской части.

или иных средств¹, позволяющих его идентифицировать, а также невысокая ответственность должностных лиц в частях, по учету погибших, сделали невозможным во многих случаях опознание останков погибшего при укрупнении воинских кладбищ.

После окончания войны, чтобы убрать с полей, придорожных территорий и частных владений одиночные и хаотично расположенные могилы, в штабах групп войск и объединений были разработаны указания войскам о проведении сплошной проверки территорий и мест боев Красной армии. К ней были привлечены крупные соединения армии. Например, территория Чехословакии была разбита на 10 районов, по одному району на дивизию [ЦА МО РФ: Ф.275; Оп.213384с.; Д.2.; Л.595]. Командование дивизий направляло поисковые команды (средства транспорта и от 8 до 15 чел. во главе с офицером) по местам ведения боевых действий. Перед участниками поисковых команд ставились следующие задачи:

- поиск незахороненных погибших однополчан;
- поиск, согласно имевшейся в подразделениях и частях информации, одиночных и братских могил погибших однополчан, расположенных на боевом пути части;
- перезахоронение останков погибших на кладбища, указанные старшим начальником;
- составление схем захоронений и письменный доклад о результатах работы [ЦА МО РФ: Ф.315; Оп.4477; Д.4.; Л.185].

Во время проведения работ по формализованному документальному учету, например, на территории Центральной группы войск (ЦГВ) подлежали:

- воинские кладбища, одиночные и братские могилы воинов Красной армии;
- отдельные памятники павшим героям;
- кладбища и одиночные могилы погибших советских военнопленных и советских граждан [ЦА МО РФ: Ф.315.; Оп.4477.; Д.1.; Л.68].

¹ Военнослужащему выдавался медальон, состоящий из эбонитового пенала, в который помещали два вкладыша из пергаментной бумаги с указанием краткой информации о нем, что позволяло установить его личность. Однако Приказом НКО № 376 от 17.11.1942 г. медальоны были упразднены.

По итогам проверки констатировалось, что сотни воинов Красной армии погребены неподобающим образом. Воинские кладбища почти отсутствуют, одиночные и братские могилы разбросаны и не оформлены [ЦА МО РФ: Ф.275.; Оп.213384с.; Д.2.; Л.597]. По состоянию на 5 ноября 1945 г. было учтено только 7 055 советских военнослужащих, похороненных в 492 населенных пунктах [там же, Л.594]. Командование предполагало, что приведенные выше цифры, можно рассматривать как ориентировочные.

Следует признать, что из-за несогласованности действий в процессе поиска тел погибших воинов и их перезахоронения, численность обезличенных останков после начальных поисковых мероприятий только возрастала. Поисковые команды частей и соединений начали проведение работ по поиску погибших однополчан на огромных территориях и в разное время. Отсутствие общего руководства и взаимодействия между поисковыми командами привело к тому, что границы ответственности при осуществлении поисковых мероприятий произвольно нарушались. Поисковые команды часто не находили своих погибших однополчан на созданных ранее первичных воинских захоронениях, так как останки уже были изъяты поисковыми командами других частей [ЦА МО РФ: Ф.315.; Оп.4477.; Д.4.; Л.214].

Такая ситуация была характерна для всей территории восточно-европейских стран. Например, на кладбище «Трептов», Кирхольцштрассе, микрорайон Баумшюленвег в Берлине (Германия): захоронена 1 тыс. погибших, опознано – 72; в г. Щитно (Польша) ул. Остроленка: захоронено 1 008 погибших, опознано – 29; в с. Виска (Чехия): захоронено 143 погибших, опознанных нет; в г. Турда (Румыния) городское кладбище: захоронено 343 погибших, опознано – 2 [Каталог учтенных захоронений..., с. 79, 140, 159, 179]. В списках военнослужащих Красной армии захороненных в г. Ниски (Германия) на военном кладбище района Вайсвассер указывается, что «в одиночных могилах № 36-106 биографические данные установить не возможно» [ГА РФ: Ф. Р-7317 сч.; Оп.21.; Д.6.; Л.306]. Называется только предполагаемый период гибели – 18.4 – 25.4.1945 г.

Для проведения работ по строительству и первичному обустройству воинских кладбищ в соединениях создавались команды

из офицеров и солдат, имевших определенные навыки в строительстве, которые укомплектовывались инженерным инструментом, средствами связи и автомашинами. Для иллюстрации докладов о результатах проделанной работы в состав команд включали фотографов. Разрешалось привлекать для оборудования кладбищ и проведения строительных работ «граждан СССР, находящихся в лагерях и сборно-пересыльных пунктах» [ЦА МО РФ: Ф.315.; Оп.4477.; Д.2.; Л.57].

Для выполнения сложных в техническом плане задач по созданию воинских кладбищ командованием назначались части инженерно-строительного профиля. Например, для сооружения гарнизонных кладбищ в Чехословацкой Республике был привлечен 16-й Отдельный дорожно-строительный батальон. Силами и средствами которого в короткие сроки (с 1.12.1945 по 15.4.1946) было перезахоронено 57 928 погибших советских воинов и оборудовано 21 кладбище. Общая стоимость выполненных батальоном работ составила 39 млн 830,5 тыс. крон [ЦА МО РФ: Ф.275.; Оп.422333.; Д.51.; Л.5].

В дальнейшем представители воинских частей передавали по актам, находящиеся под их контролем, гарнизонные и армейские воинские кладбища военным комендантам городов для выполнения задач по их сохранности [ЦА МО РФ: Ф.275.; Оп.213384с.; Д.2.; Л.336] и дальнейшему благоустройству или напрямую, также по актам, местным органам власти. Органы военного управления ЦГВ строили свою работу таким образом, чтобы финансирование работ по укрупнению воинских кладбищ, а также уходу и содержанию за ними проводилось за счет бюджетов местных народных и земских выборов¹ и правительства Чехословакии [ЦА МО РФ: Ф.275.; Оп.312464с.; Д.3.; Л.23]. Данный порядок действий был характерен для всех стран Восточной Европы [ГА РФ; Ф. Р-9526.; Оп.6.; Д.491.; Л.261].

Содержание актов о передаче не было формализовано для всех групп войск, в тоже время это был единственный правовой документ о передаче конкретного воинского захоронения органам местного самоуправления для ухода и содержания, который сохранил свою силу и актуальность, вплоть до 27 июня 1990 г., когда

¹ Местные органы власти.

Директивой Минобороны СССР¹ была утверждена форма учетной карточки (паспорта) воинского кладбища. При этом необходимо подчеркнуть, что на одиночные могилы акт не составлялся, что впоследствии могло помешать созданию паспорта воинского захоронения, и как результат, одиночная могила могла быть не учтена.

Следует признать, что ряд объективных и субъективных факторов помешали командованию соединений и частей качественно провести работы по созданию и укрупнению воинских кладбищ не только в Чехословакии, но и в других странах Восточной Европы. Изучение архивных документов показывает, что к таким факторам можно отнести:

- запоздалые решения отдельных органов военного управления об осуществлении поиска и перезахоронения погибших воинов с первичных воинских захоронений на постоянные кладбища [ЦА МО РФ: Ф.275.; Оп.213384с.; Д.2.; Л.585];

- огромные пространства и территории, на которых осуществлялись мероприятия по поиску одиночных и братских боевых захоронений;

- сжатые сроки выполнения работ для поисковых команд, определенные командованием [там же, Л.572];

- форсирование графиков выполнения работ строительными командами и, как следствие, их не высокое качество [ЦА МО РФ: Ф.275.; Оп.295844.; Д.6.; Л.46];

- формальный подход (во многих случаях) команд погребения к учету захороненных воинов [ЦА МО РФ: Ф.275.; Оп.295844.; Д.11.; Л.43];

- смена мест дислокации соединений и частей, в том числе их вывод на территорию СССР или расформирование;

- трудности в приобретении строительных материалов воинскими частями [ЦА МО РФ: Ф.315.; Оп.4477.; Д.4.; Л.214].

Понимая сложность и специфику предстоящих работ, связанных со строительством воинских кладбищ, а также то, что среди подчиненного личного состава не достаточно специалистов инженерного профиля, командование частей заключало договора с местными

¹ Директива МО СССР № Д-35 от 27.6.1990 г. «О проведении паспортизации воинских захоронений и улучшении контроля за их состоянием». – *Прим. авторов.*

организациями и фирмами [ЦА МО РФ; Ф.275.; Оп.295844.; Д.6.; Л.8]. Воинская часть, как правило, разрабатывала проект, отправляла солдат на подсобные работы и транспорт для доставки строительных материалов. К договору прилагалась смета, в которой подробно указывали объем работ и стоимость их выполнения [там же, Л.9.; 10].

Кроме того, отсутствие системности со стороны Министерства обороны СССР в финансировании работ по укрупнению и обустройству воинских кладбищ, существенно тормозило ход выполнения задач, определяемых командованием ЦГВ и других групп войск. Нехватка денежных средств на выполнение строительных работ не позволяла воинским частям своевременно завершить начатые работы [ЦА МО РФ; Ф.275.; Оп.213384с.; Д.2.; Л.542]. Привлекавшиеся к их выполнению местные фирмы также не имели возможности работать в долг [ЦА МО РФ; Ф.275.; Оп.295844.; Д.6.; Л. 55].

При проведении работ по укрупнению воинских кладбищ силами местных органов власти производилось обновление учетной базы данных советских военнослужащих, покоящихся на обустроенном кладбище. Составляя новые списки захороненных воинов Красной армии, сотрудники строительных организаций и похоронных фирм могли неверно трактовать информацию с первоначальных списков или с табличек на могилах, изменяя тем самым данные о погибшем. Например, биографические данные военнопленных подвергались неоднократным переводам с русского на немецкий, с немецкого на чешский, а затем снова на русский язык. В результате фамилии и имена нередко искажались.

Например: Базин Макар Николаевич 1905 г. р. в единой чешской базе числится как Басиус Макар [Министерство обороны ЧР]. В паспорте Минобороны России от 2010 г. он увековечен, как Басиус Макар [Российский обобщенный банк данных...]. Кроме того, существуют учетные записи в ОБД «Мемориал» о пропавшем без вести и погибшем в плену Базине Макаре Николаевиче [Портал МО РФ]. Таким образом, призван Базин – увековечен Басиус. К сожалению, подобные искажения биографических данных характерны не только для Чехии, но и для других стран Центральной и Восточной Европы [Обернихин 2015].

Необходимо принять во внимание и тот факт, что уточнение списков погибших производили солдаты с различным уровнем

грамотности, что также влияло на точность переноса персональных данных погибших, и в том числе на могильных плитах и кладбищенских пилонах. Кроме того, надписи на могильных табличках к моменту эксгумации солдатских останков часто с трудом поддавались прочтению (солнце и осадки разрушали нестойкие надписи). При этом воинские части, личный состав которых производил захоронения и организовал первичный учет погибших воинов, сменили места дислокации или были расформированы. Поэтому часть объективных данных о первичных воинских захоронениях утрачивалась, а их уточнение серьезно осложнялось.

Порядок работ, связанный с проведением перезахоронения погибших на новые воинские кладбища, не позволял объективно и в полном объеме сохранить биографические данные захороненных в одиночных и братских могилах советских воинов. И многие, вновь образованные, братские могилы стали безымянными. По мнению ряда исследователей, в Чехословакии после выполнения таких работ из 84 600 погибших воинов, известных по донесениям воинских частей, увековеченными на памятниках остались имена только 16 760 [цит. по: Садовников 2017].

При осуществлении перезахоронения в июне 1946 г. останков погибших советских офицеров с кладбища в г. Новы-Замки (Чехословакия) на новое кладбище в г. Паркань, все работы выполняла команда из местных жителей под руководством представителя местного народного выбора М. Гайдушек. Отсутствие представителя Красной армии при проведении работ, незнание рабочими русского языка и спешка при выполнении работ привели к тому, что останки 15 офицеров перевезли на новое кладбище обезличенными и захоронили в безымянных индивидуальных могилах [ЦА МО РФ: Ф.275.; Оп.295844.; Д.11.; Л.34].

Тем не менее в Чехословакии местное население не было равнодушно к судьбам погибших советских воинов. В архивных документах имеется достаточное количество информации о внимательном отношении к обнаруженным останкам павших советских воинов и воинским захоронениям. Так, жителями деревни Комаров района Брно (Чехия) 24 января 1955 г., были обнаружены обломки советского самолета и не захороненные останки погибшего летчика. Документы летчика не сохранились. По запросу Советского посольства в Центральный архив МО СССР, а также

рассказов сослуживцев, было установлено, что «в район Брно, на самолете Як-9т в 14.45 21 апреля 1945 г. вылетал на боевое задание лейтенант Дмитриев Григорий Ефимович, 1918 г. р., уроженец Воронежской области, с. Горенские Выселки» [АВП РФ: Ф.138.; Оп.36.; П.104.; Д.3.; Л.3]. С задания летчик на свой аэродром не вернулся. Сотрудники Советского посольства известили мать лейтенанта Дмитриева о том, что ее сын похоронен с воинскими почестями на Центральном кладбище советских солдат и офицеров в г. Брно.

Данный пример далеко не единичный случай проявления благодарности к памяти погибших советского народа-победителя [АВП РФ: Ф.138.; Оп.39.; П.116.; Д.26.; Л.6]. Не только местное население, но и общественные организации Чехословакии проводили работу по сохранению мест памяти о солдатах Советской армии. В частности, Союз чехословацко-советской дружбы приглашал граждан СССР посетить могилы их погибших родственников, причем все материальные расходы и решение административных вопросов брала на себя эта общественная организация [АВП РФ: Ф.138.; Оп.40.; П.120.; Д.16.; Л.1]. Кроме того, чехословацкая сторона предоставляла в Посольство СССР альбомы с фотографиями мест захоронения для родственников, погибших воинов [АВП РФ: Ф.138.; Оп.38.; П.113.; Д.31.; Л.44].

И в настоящее время на средства чешских граждан проводится капитальный ремонт воинских захоронений бойцов Красной армии. В качестве иллюстрации такой деятельности достаточно привести пример с Еленой Вичановой и Радимом Литтербахом, которые провели комплекс работ на пяти мемориалах за свои личные средства [Официальная страница Посольства... Электронный ресурс]. Наряду с участием в восстановлении памятников и воинских захоронений чешскими гражданами, выделяются денежные средства из городского бюджета Праги и других населенных пунктов. Стоит отметить, что в последние годы каждое мероприятие, связанное с открытием восстановленных воинских захоронений и мест памяти, не проходит без участия представителей ветеранской организации «Чешский союз борцов за свободу» в лице руководителя Ярослава Водичка и его заместителя полковника Эмиля Кулфанека. В своих выступлениях руководители организации отмечают важность сохранения памяти о советских

воинах и недопустимости искажения истории Второй мировой войны.

Таким образом, проведя анализ исторических аспектов создания и сохранения советских воинских кладбищ в Чехии, можно сделать следующие выводы:

1) в ходе Великой Отечественной войны военнослужащие Красной армии не имели при себе надежного средства (опознавательного медальона или жетона), с помощью которого можно было бы определить личность погибшего при отсутствии у него документов¹;

2) количество безымянных погибших советских солдат, в силу ряда причин, после проведения эксгумации и перезахоронения существенно возросло;

3) сжатые сроки, нехватка качественных материалов и непродуманность в технологии оборудования воинских кладбищ, а также сбои в финансировании работ, обусловило их последующее разрушение в течение непродолжительного времени;

4) на сегодняшний день паспортизация российских воинских захоронений в Центральной и Восточной Европе полностью не завершена. В таких странах, как ФРГ, Польша, Венгрия, Словакия паспорта воинских захоронений подписываются представителем Минобороны России и уполномоченным органом страны нахождения воинского захоронения. В Чешской Республике процесс оформления паспортов² начался лишь в 2017 г. Воинские захоронения находятся в единой чешской базе, однако это лишь часть вопроса учета. Отсутствие подписанного паспорта ставит вопрос сохранности воинского захоронения в зависимости от многих факторов, в том числе и от политической конъюнктуры. Процесс оформления паспортов положительно повлияет на взаимодействие между ответственными органами Чешской Республики и Российской Федерации в области взаимного содержания воинских захоронений.

¹ Под *надежностью* авторы в первую очередь подразумевают долговечность материала, на котором указываются личные данные о военнослужащем, и сохраняемость его в различных погодных и климатических условиях.

² Под *оформленностью паспортов* авторы в первую очередь подразумевают подписание паспорта (учетной карточки) соответствующими органами Минобороны Чехии и России.

Принимая во внимание доклад межведомственной рабочей группы под руководством МИД России¹, а также учитывая исключительную важность вопроса паспортизации, целесообразно проработать вопрос добавления в Соглашение о взаимном содержании военных захоронений нового термина «паспорт воинского захоронения» как неотъемлемую часть учета. Завершение работ по паспортизации воинских захоронений в Чехии позволит не только систематизировать имеющиеся учетные данные в Российской Федерации, но и закрепить ответственность Чехии за сохранностью и содержанием могил и мест памяти о воинах Красной армии, погибших в годы Второй мировой войны.

В настоящее время в работе по установлению судеб и увековечению памяти погибших не должно быть места спешке и назначению крайних или окончательных сроков выполнения поставленных задач «к круглым или знаменательным датам». Только комплексный подход к этому вопросу и кропотливый труд специалистов в данной области позволит сократить число безымянных воинских могил, вернуть из небытия имена погибших и создать легитимную базу для возвращения достоверных данных о погибших воинах на могильные плиты. Участие же широких слоев населения, общественных организаций и официальных инстанций Чехии в сохранении, содержании и реставрации могил советских воинов, равно как и в дальнейшем поиске информации о погибших военнослужащих Второй мировой войны будет служить укреплению мира и добрососедства между народами и государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 138. «Референтура по Чехословакии».
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-7317 сч. Советская военная администрация в Германии – Документы,

¹ Доклад от 20.04.2017 г. межведомственной рабочей группы под руководством МИД России во исполнение решения 37-го заседания Российского организационного комитета «Победа» «О развитии гуманитарного сотрудничества с зарубежными странами на государственном и общественном уровнях в целях продвижения объективной исторической и актуальной информации о Российской Федерации, в том числе о ее роли в победе над нацизмом».

- регламентирующие содержание и уход за советскими воинскими кладбищами и мемориальными памятниками в Германии.
- ГА РФ. Ф. Р-9526. Документы Управления уполномоченного совета министров СССР по делам репатриации, период 1944–1953 гг.
- ГА РФ. Ф. Р-9541. Советский комитет ветеранов войны (СКВВ).
- Их подвиг бессмертен. М. : Лесар-Арт, 2008. 174 с.
- Каталог учтенных захоронений советских воинов, военнопленных и гражданских лиц, погибших на территории зарубежных государств в годы Второй мировой войны. Минск : Беларусь, 2005. 219 с.
- Международный colloquium «Память о погибших: советские воинские захоронения периода 1941–1945 гг. в России и Германии». М. : Центральный музей ВС РФ. 26 ноября 2015 г.
- Обернихин Е. А. Проблемные аспекты поиска информации о воинских захоронениях мемориала в Тиргартене // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3 (26). С. 110–113.
- Официальная страница Посольства России в Чехии на фейсбуке. URL: www.facebook.com/AmbRusCZ/posts/1744547725765933
- Портал Министерства обороны Российской Федерации «Память народа». URL: pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_doneni58031437
- «RT» – телеканал // Президент Чехии Милош Земан: Игнорировать 9 мая в Москве – значит, оскорбить память советских воинов. URL: russian.rt.com/article/78412
- Российский обобщенный банк данных (электронный архив) «ОБД-Мемориал». URL: www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=84128486
- Садовников С. И. «Война участвует во мне...». Комплексные поисковые исследования как основа реконструкции биографий участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Золотой теленок, 2017. 320 с.
- Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Ф.233. Полевое управление 1-го Белорусского фронта.
- ЦА МО РФ. Ф.275. Управление Центральной группы войск.
- ЦА МО РФ. Ф.315. Полевое управление 3 Гвардейской танковой армии.
- Электронный реестр воинских захоронений Министерства обороны Чешской Республики. URL: www.evidencevh.army.cz/Evidence/vysledky-hledani-v-cr?pfil=True&srn=basius&st=1

кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московского высшего общевойскового командного училища; e-mail: al-sokl@yandex.ru

КАЗАКИ В ВЕЛИКОЙ СМУТЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ¹

В начале XX в. Россия столкнулась с внешними и внутренними угрозами своей безопасности. Казачество было участником всех драматических событий этого периода. Казачий фактор учитывали все противоборствующие силы. В настоящее время эти события расцениваются неоднозначно, поэтому их изучение представляется актуальным. Казачество имело сословные и этнокультурные черты. Развитие капиталистических отношений и развитие вооружения угрожало стабильности казачьих формирований.

Казачьи части приняли участие в подавлении Боксерского восстания в Китае и Русско-японской войне 1904–1905 гг. Они участвовали и в подавлении революционных волнений в России. Во время Первой русской революции 1905–1907 гг. часть казаков выступила в поддержку революции. Так началось размежевание казачества по политическим мотивам. Сторонники революции старались сформировать негативный образ казачества и одновременно разделить его по имущественному положению и привлечь беднейшую его часть на свою сторону. Казачество участвовало и в начавшейся в 1914 г. Первой мировой войне. Укомплектованные казаками воинские части отличались высокой боеспособностью. Австро-Венгрия стремилась использовать казачьи традиции Малороссии в своих целях. Началось формирование легиона украинских сечевых стрельцов.

В охране членов правящей династии Романовых были задействованы лейб-гвардейские казачьи части и камер-казаки. В 1917 г. казачьи части продолжали использоваться для усмирения волнений в столице и других районах страны. При этом процесс размежевания российского казачества по политическим мотивам активизировался. В противовес Союзу казачьих войск в составе учрежденного в Петрограде Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов была образована Отдельная казачья секция. Отношения между Временным правительством и лидерами казачьих войск существенно осложнились после Московского совещания летом 1917 г.

Во время Гражданской войны в России погибло значительное число военнослужащих, связанных с историей казачества. Некоторая часть священнослужителей, происходящих из казачьего звания, примкнула

¹ По материалам выступления автора на Второй международной научно-практической конференции «Казачье зарубежье. 1917–2017 гг.: уроки столетия» в Русском духовно-культурном центре в Париже 18.02.2017. – *Прим. авт.*

к раскольникам. Политическое размежевание казаков на противников и сторонников революции повлияло на создание украинского казачества и привело к церковным расколам.

Начавшаяся в России Гражданская война охватила и казачьи регионы. Большинство казаков оказалось вовлечено в боевые действия. Они стали опорой противников советской власти. Между лидерами белых сил имело место соперничество и политические разногласия. Белые атаманы нередко стремились к обособлению казачьих территорий и воинских частей, автономии и даже независимости своих регионов. Они также стремились устранить противоречия между казаками и другими слоями местного населения. После разгрома контрреволюции значительное число казаков оказалось в эмиграции.

Учитывая отношение населения Малороссии к идеалам казачества, большевики сформировали части так называемого красного казачества. Аналогичные части были сформированы и из примкнувших к революции российских казаков. Одновременно большевики оказывали жесткое давление на непокорную им часть казачества. Под репрессии попали и некоторые командиры революционных казачьих частей. Из всех казачьих формирований добиться полной победы над революционными силами удалось только Персидской казачьей бригаде.

Казаки приняли активное участие во всех важных событиях российской истории первой четверти XX в. Казачество привлекало внимание противоборствующих сторон, что стало одной из причин его раскола по политическим мотивам.

Ключевые слова: история; исторические условия; казаки; война; вооруженные формирования; революция.

Soklakov A. Yu.

PhD (History), Associate Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Moscow Higher Combined-Arms Command School. Head of the Department; e-mail: al-sokl@yandex.ru

COSSACKS IN THE GREAT DISTEMPER OF THE 20TH CENTURY FIRST QUARTER

At the beginning of the 20th century Russia's security faced with external and internal threats. The Cossacks were a party to all the dramatic events of this period. The factor of Cossacks had to be taken into consideration by all opposing forces. Currently, the events above mentioned are portrayed as ambiguous. Therefore, the paper's subject proves being relevant. The Cossacks were characterized by class and ethno-cultural features. The development of capitalist relations coupled with the development of weapons jeopardized the stability of Cossack formations.

Cossack units took part in the suppression of the Boxer uprising in China and the Russo-Japanese War of 1904-1905. They also participated in

suppressing revolutionary unrest in Russia. During the first Russian Revolution of 1905–1907 some of the Cossacks proved supportive of the revolutionary forces. This marked the Cossacks' demarcation for political reasons. The revolution followers attempted to portray the Cossacks in a negative way and at the same time tried to split them based on the property status and gain loyalty of the poorest layers of the Cossacks. Military units manned with the Cossacks participated in World War I that broke in 1914. Cossacks-manned military units were distinguished by high combat efficiency. Austria-Hungary sought to use the Cossack traditions of Little Russia for their own purposes. The formation of the Ukrainian Sich Riflemen Legion took place.

Life Guards Cossack units were involved in the protection of members of the ruling Romanov dynasty. In 1917, Cossack units were still used for pacifying unrests in the capital or elsewhere. At the same time, the process of demarcation of the Russian Cossacks for political reasons intensified. To oppose the Cossack Forces Union, a separate Cossack section was set up at Soviet of Soldiers', Workers' and Peasants' Deputies based in Petrograd. Relations between the Interim Government and the leaders of the Cossack armies became much more complicated after the Moscow meeting in the summer of 1917.

During the Russian Civil War, a significant number of servicemen associated with the history of the Cossacks were killed. Some of the clergymen of Cossack roots joined the Old Believers. The political division of the Cossacks into opponents and supporters of the revolution was supplemented both by the establishment of the Ukrainian Cossacks movement and by church schisms.

The civil war that began in Russia engulfed regions inhabited by the Cossacks. The majority of the Cossacks were involved in the hostilities becoming the mainstay of the Soviet power opponents. Leaders of the White forces were divided by competition and political disagreements. White atamans often sought to isolate the Cossack territories and military forces, strived for autonomy and even the independence of their regions. They also sought to eliminate the contradictions between the Cossacks and other segments of the local population. After the defeat of the counter-revolution, a considerable number of Cossacks found themselves in emigration.

Given the attitude of the population of Little Russia to the Cossacks' ideals, the Bolsheviks formed parts of the so-called Red Army Cossacks. Similar parts were established from the Russian Cossacks who joined the revolution. At the same time, the Bolsheviks exerted a stiff pressure on the part of the Cossacks who were rebellious to them. Some commanders of the revolutionary Cossack units also fell under the repressions. Of all the Cossack formations, the Persian Cossack Brigade was only that managed to achieve a complete victory over the revolutionary forces.

The Cossacks took an active part in all significant events of the Russian history of the 20th century first quarter. The Cossacks draw attention of the opposing sides, which became one of the reasons for its politically motivated division.

Key words: history; historical conditions; Cossacks; war; armed formations; revolution.

В первые десятилетия XX столетия Россия столкнулась с многочисленными внешними и внутренними угрозами своей безопасности. Казачье население страны стало участником всех драматических событий тех лет. Казачьи подразделения принимались во внимание практически всеми противоборствующими силами. Нарастание кризисных явлений в государстве в конечном итоге привело к падению монархии. Былая социальная и экономическая стабильность российского казачества нарушилась, его представители стали активными участниками военных и политических столкновений тех лет. И ныне в среде их потомков трактовка тех или иных событий вековой давности остается поводом для разногласий. Вот почему Совет атаманов общероссийской общественной организации «Союз казаков» в конце 1990 г. принял Декларацию казачества России, в которой указывалось: «Считать Гражданскую войну законченной, с тем чтобы не делить казаков на белых и красных, тем самым исключая повод для антиказачьих настроений» [Батырев, Изюмов, Матвеев 2000, с. 12].

Несмотря на это, конкурирующие с этой организацией структуры стремятся представить ее как некий ренессанс «красного казачества». Одновременно в обществе продолжается дискуссия на тему перспектив и целесообразности организации служебной деятельности казаков и ее возможной эффективности. Поэтому осмысление роли казаков в событиях первых десятилетий XX в. представляется автору достаточно актуальным.

Казачество – сложнейшее многогранное явление в российской и мировой истории. Оно имело сословные и этнокультурные черты и вобрало в себя представителей различных народов. К 1917 г. в Российской империи имелось одиннадцать казачьих войск: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское с развитой системой комплектования, а также воспитания и подготовки к службе казачьей молодежи [Волков, Соклаков 2013; Соклаков 2012]. Кроме того, существовали и иные казачьи формирования, части и сообщества (иркутский, енисейский, лейб-гвардейские полки, а также якутские, камчатские, малороссийские и другие казачьи объединения).

На рубеже XIX–XX вв. развитие капиталистических отношений и имущественное расслоение казачества, неравенство земельных

наделов казаков и иногородних ставили под сомнение неизменность служебной организации и экономики казачества. Появление автоматического оружия и военной техники в обозримом будущем также сулило неизбежное падение роли кавалерии на поле боя. Появление же в ряде казачьих войск разряда «войсковых граждан», рассказывания прошлых лет, подпитываемый за рубежом сепаратизм и идеологическое противостояние отечественного «малороссийства» с прозападным «украинофильством» также влияло на умы населения Малороссии и других регионов Российской империи.

Тем не менее в начале XX в. казаки формирования представляли собой весьма эффективную воинскую силу, и потому нередко являлись объектом деструктивного воздействия различных сил. Так, из посвященного пропаганде среди амурских казаков секретного доклада № 4086 от 1 декабря 1916 г. Епископа Приамурского и Благовещенского свм. Евгения (Зернова) генерал-губернатору Н. Л. Гондатти известно, что основные положения отрицательной стороны баптистского учения сводятся к «отрицанию присяги ... войны, военной службы... признанию несправедливым современного строя... осуждению всего существующего государственного порядка... противоборству православию» [Российский государственный исторический...: Ф.702.; Оп.3.; Д.425.; Л.136–142].

Первыми в череде драматических событий в истории России и казачества начала XX в. стали Ихэтуаньское (Боксерское) восстание в Китае и вскоре последовавшая за ним Русско-японская война 1904–1905 гг. В историю казачества начала этого века вошла массовая гибель православных албазинцев¹ во время так называемой *Варфоломеевской ночи в Пекине* [Поздняев 1998; Кадырбаев 2016].

В настоящее время число публикаций об участии казаков в подавление восставших отрядов ихэтуаней невелико [Бобров, Худобородов 2014; Туружанова 2015]. Напротив, изучению событий Русско-японской войны уделяется большее внимание. Об участии в ней казачьих формирований сохранилось достаточно много архивных документов и опубликовано немало исследовательских

¹ Потомки героически защищавших острог Албазин казаков, зачисленных в гвардию китайского императора.

работ [Российский государственный военно-исторический...: Ф.487; Мартынов 2015]. События этой войны в той или иной степени были проанализированы и в ряде диссертационных исследований [Махниборода 1978; Игнатьев 1997; Быков 1999; Киреев 2002]. Приобретенный в ходе Русско-японской войны боевой опыт стал отправной точкой для дальнейшего совершенствования тактики использования казачьих частей и их последующего реформирования.

В 1905–1907 гг. внутривойсковая ситуация в России значительно осложнилась. Примечательно, что в эти годы революционные процессы нарастали и на территории казачьих войск [Луцик 1953]. Казаки массово привлекались к подавлению беспорядков. В частности, в 1905 г. более 100 тыс. казаков состояло на действительной службе и использовалось преимущественно в качестве полицейской силы [Столетие Военного... 1907]. В это время многие губернаторы по достоинству оценили лояльность казачьих подразделений властям и их эффективность в наведении порядка на вверенной территории [Государственный архив...: Ф.90.; Оп.6.; Д.54.; Л.6]. Тем не менее, опасаясь распространения среди личного состава нездоровых настроений, командование осуществляло их постоянную ротацию [Государственный архив...: Ф.90.; Оп.6.; Д.54.; Л.97–100, 112–128.; Оп.6.; Д.32.; Оп.6/1.; Л.1–17.; Д.328.; Л.28–32]. Памятником жертвам террора и Первой русской революции стал построенный в 1907–1909 гг. на Ходынском поле полковой храм 1-го Донского им. генералиссимуса кн. А.В.Суворова казачьего полка и 1-й гренадерской артиллерийской бригады графа Брюса. Он был освящен в честь иконы Божией Матери «Отрада и Утешение».

Вместе с тем во время Первой русской революции 1905–1907 гг. появились и факты перехода некоторой части казаков на сторону революционеров. По вполне понятным причинам в СССР их описанию и изучению уделялось повышенное внимание [Перепеченко 1946; Стефкин 1952]. Примечательно, что так называемое Кровавое воскресенье было спровоцировано священником Григорием Гапоном, согласно семейным преданиям происходившего из рода запорожских казаков.

Таким образом, в ходе Революции 1905–1907 гг. было положено начало размежеванию казачества по политическим убеждениям. Разумеется, заслуги казаков в подавлении революционных выступлений не были оставлены без внимания идеологами и вождями

противников российской монархии. Отныне сторонники революции, *во-первых*, старались навесить на казаков ярлыки «сатрапов царизма» и «нагаечников»; *во-вторых*, расколоть войсковых обывателей по имущественному и социальному положению и таким способом привлечь на свою сторону беднейших казаков.

Российское казачество приняло активное участие в начавшейся в 1914 г. Первой мировой войне. Вскоре ее позиционный характер существенно ограничил возможности боевого применения кавалерии. Тем не менее многие казаки зарекомендовали себя в бою как отважные и умелые бойцы. Более того, во время нарастания революционных брожений в армии, как правило, именно казачьи части отличались лояльностью к официальной власти и высокой боеспособностью [Поляков... Электронный ресурс]. О генералах А. М. Каледине и Л. Г. Корнилове, уроженцах Дона, К. Ф. Крюкове и сотнике В. И. Прянишникове, глубоких рейдах казачьих партизанских отрядов в те годы знали многие.

В связи с разворачивающимся военным противоборством в Европе председатель Украинской грекокатолической церкви А. Шептицкий направил австрийскому императору Францу-Иосифу аналитическую записку «О мерах по отторжению Русской Украины». Надеясь на то, что австрийская армия оккупирует значительную часть Малороссии, он писал, что военную «организацию следовало бы построить на традициях запорожских казаков ... цель: возможно полнее отделить украинскую церковь от русской ... выдающийся полководец нашей армии мог бы ... быть назначенным по повелению нашего императора “Гетманом Украины”» [Тайный документ Шептицкого... Электронный ресурс].

С этого момента австро-венгерские власти активизировали усилия по замене православных идеалов галичан и практическому формированию антироссийского по убеждениям украинского козацтва [Соклаков 2015]. Эти устремления были положены в основу формирования легиона украинских сечевых стрельцов [Ріпецький 1956]. Таким образом, политическое размежевание казачества дополнилось развитием антироссийской грекокатолической идеологии украинского казачества и появлением в Австро-Венгерской империи частей сечевиков.

Стоит отметить, что к началу XX в. российские казаки привлекались к защите многих членов императорской фамилии. Помимо

лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка, лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, лейб-гвардии Сводно-казачьего полка и лейб-гвардии 6-й Донской казачьей Его Величества батареи, во дворцах династии несли службу ныне малоизвестные камер-казаки [Мартынов 2015]. В число последних входил и телохранитель императора Николая II Тимофей Ксенофонович Ящик. С 1916 г. он был назначен вторым личным телохранителем вдовствующей императрицы Марии Федоровны. В 1918 г. он сумел организовать эвакуацию ее и семьи великой княгини Ольги Александровны за рубеж¹.

С февраля 1917 г. процесс размежевания российского казачества по политическим мотивам активизировался. Вторая революция, речи агитаторов и пропагандистов, решения Временного правительства, а также использование казачьих частей для выполнения полицейских задач существенно повлияли на настроение казачьих масс. В итоге казаки предъявили Временному правительству требование о прекращении несения их дальнейшей полицейской службы [Краснов 1921].

Весной 1917 г. в Петрограде прошел общеказачий съезд, и был создан Союз казачьих войск. Предполагалось, что это решение сплотит российское казачество и повысит эффективность защиты исконных прав и привилегий казачьего населения. Кроме того, депутаты-казаки стремились сохранить при Ставке штаб атамана. Тем временем неприязнь военных чиновников к казачеству постепенно росла. Практически одновременно в составе учрежденного в столице Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов была образована отдельная казачья секция.

25 февраля казаки неоднократно уклонялись от выполнения приказов и не поддерживали действия полиции, а в двух случаях даже содействовали демонстрантам [Лейберов 1979]. Тем не менее в своей массе казачьи части оставались наиболее лояльными официальным властям, что и подтвердили июльские события 1917 г. в Петрограде [Родимый край... 1967]. Однако уже вскоре отношения между Временным правительством и лидерами казачьих войск существенно осложнились.

¹Примечательно, что вторым мужем Ольги Александровны стал дворянин Н. А. Куликовский, родословная которого восходит к слободским казакам.

На Московском государственном совещании Л. Г. Корнилов обрушился с критикой на проводимый А. Ф. Керенским курс. Его позиция была поддержана атаманами А. М. Калединым, М. А. Карауловым и А. И. Дутовым. Арест мятежного Л. Г. Корнилова и официальные обвинения М. А. Каледина в государственной измене дополнительно накалили обстановку в стране. Тем не менее после низложения Временного правительства на Киевском конгрессе фронтового казачества был осужден захват власти большевиками, а генерал П. Н. Краснов, выполняя приказ А. Ф. Керенского, возглавил поход 3-го конного казачьего корпуса на Петроград [Краснов 1922].

За проведение в занятом казаками П. Н. Краснова Царском Селе Крестного хода о прекращении междоусобной брани был убит священник Иоанн Кочуров, ставший первым новомученником Русской православной церкви. Помимо него было прославлено немало иных лиц, имевших непосредственную связь с историей российского казачества и погибших в это тяжелейшее время¹. Кроме того, на проходившем в августе 1917 г. – сентябре 1918 г. Всероссийском поместном соборе Российской Православной Церкви был канонизирован потомок посполитых казаков епископ Софроний (Кристалевский).

Однако и среди церковнослужителей из числа казачества также не было единства. В первые десятилетия XX в. некоторая часть происходящих из казачьего звания священнослужителей ушла в раскол (например: Л. Т. Яценко, И. И. Филевский). Объявивший же себя патриархом С. М. Труфанов основал новую секту и стал сотрудничать с ЧК. Грезивший идеей создания нового украинского казачества украинофил и революционер С. В. Петлюра поддержал церковный раскол на территории Малороссии и учреждение Неканонической украинской автокефальной православной церкви. Таким образом, политическое размежевание казаков на противников и сторонников революции дополнилось не только усилиями националистов и их покровителей на создание украинского козацтва, но также и церковными расколами.

¹ Например: имевший опыт службы при штабе 1-й Донской казачьей бригады архимандрит Макарий (Телегин); священник станицы Подгорненской Василий (Колмыков), церковный староста Зосима Фунтиков и другие убиенные православные казаки; потомственные казаки иерей Николай (Попов) и Николай (Кандауров) из кубанских казаков и др.

Начавшаяся в России Гражданская война сразу охватила казачьи регионы. Большинство казаков было стремительно вовлечено в боевые действия и стало массовой опорой противников советской власти. Характерной чертой действовавших в Гражданской войне белых сил (включая и белоказачьих) стали неутихающее соперничество и внутренние противоречия, в том числе между А. И. Деникиным и Л. Ф. Бичераховым, П. Н. Красновым, членами Кубанской краевой рады, лидерами казачьего восстания на Тамани и др.

В решениях многих вождей белого казачества было стремление к обособлению казачьих территорий и воинских сил, автономии и даже независимости. Вместе с тем атаманы А. М. Каледин, М. А. Караулов и другие искренне старались устранить застарелые противоречия между казаками, иногородними и инородцами. Одним из следствий поражения «белых сил» стал уход части казаков в разрозненные «зеленые» отряды. После же окончательного разгрома сил контрреволюции значительное число казаков оказалось в эмиграции¹.

Эмигрантами стала и часть сторонников С. В. Петлюры, П. П. Скоропадского и иных сторонников украинской самостийности, стремившихся использовать и трансформировать популярность казачьих идеалов среди населения Малороссии в своих целях². В большей или меньшей степени казачью атрибутику и ауру на территории Галичины, Малороссии и Новороссии использовали командиры многих самочинных вооруженных отрядов. Ответом сторонников революции на масштабное показачивание населения Малороссии (вольное казачество), квазигосударственные казачьи образования (например, Холоднаярская республика) и др. стало формирование частей так называемого червонного казачества [Червонное казачество... 1923].

Добившись некоторого успеха в привлечении беднейших слоев казачества на стону революции, советская власть не имела целью долговременное сохранение особых казачьих формирований. Напротив, как в ходе Гражданской войны, так и в первые годы после ее окончания в отношении сопротивляющейся советской власти многочисленной части населения казачьих регионов активно

¹ Обратно на родину реэмигрировала лишь малая часть казаков.

² В том числе и стремление расширить территорию Украины путем присоединения Кубани (план десанта украинской дивизии З. Натиева).

реализовывалась программа красного террора и геноцида. Во время братоубийственной войны на казачьих территориях большевикам удалось использовать в своих целях межнациональную и межсословную вражду. Примечательно, что опала и репрессии активно применялись и в отношении командного состава червонных и красных казачьих частей [Мартынов 2015].

Примечательно, что успешно противостоять революционным силам удалось лишь самому молодому казачьему формированию. В 1920–1921 гг. Персидская казачья дивизия успешно пресекла экспорт российской революции и отличилась в разгроме армии Гилянкой советской республики [Полонский... Электронный ресурс]. В первые годы после окончания войны на перешедшей под управление советской власти территории курс на расказачивание продолжался. Казачье население испытало на себе принудительное переселение и коллективизацию, «черные доски» и др.

Таким образом, можно констатировать, что длительное игнорирование властями застарелых и новых казачьих проблем и трудностей оказало существенное влияние на поведение казаков в первые десятилетия XX в. Являясь опорой российской государственности, казачество:

- приняло участие во всех знаковых событиях первой четверти XX в.;
- привлекало внимание сторонников различных политических сил, что способствовало его расколу по политическим мотивам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батырев В. Д., Изюмов А. И., Матвеев О. В.* Союз казаков России: 1990 – 2000. М., 2000. 192 с.
- Бобров Е. С., Худобородов А. Л.* Подавление Россией Боксерского восстания в Китае и участие в нем казачества // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия. Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14. № 4. С. 15–17.
- Быков В. В.* Оренбургское казачье войско в период Русско-японской войны и подъема политической активности в России: 1904–1907 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Челябинск, 1999. 185 с.
- Волков А. П., Соклаков А. Ю.* Подготовка казачьей молодежи к воинской службе в XX – начале XXI вв. в научных оценках // Вестник Екатеринбургского института. 2013. № 2 (22). С. 90–96.

- Государственный архив Тульской области. Ф. 90 «Канцелярия Тульского губернатора», оп. 6, д. 32, д. 54, л. 6, 97–100, 112–128, оп. 6/1, л. 1–17, д. 328, л. 28–32.
- Игнатъев Б. Б.* Развитие системы управления казачьих войск России (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. истор. наук. М., 1997. 239 с.
- Кадырбаев А. Ш.* Албазинцы, или диаспора поневоле: русские на службе иноземным правителям Китая в эпоху Цин // Российская диаспора в странах Востока: тезисы и докл. 7-й Науч. межинститут. конф. М. : Институт Востоковедения РАН, 2016. С. 30–41.
- Киреев А. А.* Уссурийское казачество в политическом процессе на дальнем Востоке России: дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2002. 329 с.
- Краснов П. Н.* Казачья самостийность. Берлин: Двуглавый орел, 1921. 9 с.
- Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив Русской революции. Берлин: Двуглавый орел, 1922. Т. 1. 314 с.
- Лейберов И. П.* На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М. : Мысль, 1979. 267 с.
- Луцик Г. А.* Революция 1905–1907 гг. на Кубани: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1953. 297 с.
- Мартынов А. Г.* Энциклопедия Казачество. М. : URSS, 2015. 756 с.
- Махниборода Т. В.* Дальневосточное казачество в период с 1900 по 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 224 с.
- Перепеченко П. К.* Революционное движение в частях Кубанского войска в 1905–1907 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Днепрпетровск, 1946. 216 с.
- Поздняев Дионисий, свящ.* Православие в Китае (1900–1997). М. : Издв-во Свято-Владимирского Братства, 1998. 112 с.
- Полонский Илья.* Красная Персия. Ч. 2. Разгром Гилянкой республики. // Военное обозрение. URL: topwar.ru/85003-krasnaya-persiya-chast-2-razgrom-gilyanskoy-respubliki.html?utm_campaign=transit&utm_source=mirtesen&utm_medium=news&from=mirtesen
- Поляков И. А.* Донские казаки в борьбе с большевиками: в 5 ч. Ч. 1. URL: lib.ru/MEMUARY/POLYAKOWIA/kazaki.txt
- Родимый край. Париж // Ежемесячный казачий журнал. 1967. № 71. 48 с.
- Российский государственный военно-исторический архив РФ: Ф.487 «Русско-японская война 1904–1905 гг. (коллекция 1901–1906 гг.)». URL: rgvia.rpf...rgvia-russko-yaponskaya-voina...1905.shtml
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 702 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора». URL: www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/5168/
- Стефкин Д. С.* Большевики Кубани в Первой русской революции и восстание 2-го Урупского полка: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. 16 с.

- Соклаков А. Ю.* Забытая система комплектования военной организации Российской империи // *Армия и общество*. 2012. № 2 (32). С. 130–134.
- Соклаков А. Ю.* Казачество в контексте преобразований, политической и вооруженной борьбы на Украине в XVI–XIV вв. // *Пространство и время*. 2015. № 1–2 (19–20). С. 389–397.
- Соклаков А. Ю., Колбаса-Ревин В. А.* Камер-казаки // Региональная общественная организация «Казачья Энциклопедия». 2015.
- Соклаков А. Ю.* Комплектование казачьих формирований и порядок службы казаков Российской империи в XIX – начале XX вв. : дис. канд. ... ист. наук. М., 2004. 270 с.
- Стефкин Д. С.* Большевики Кубани в Первой русской революции и восстание 2-го Урупского полка: дис. ... канд. ист. наук. М., 1955, 197 с.
- Столетие Военного министерства. СПб., 1907. Т. XI. Ч. 3. 437 с.
- Тайный документ Шептицкого. URL: rd.rusk.ru/99/rd11/home11_25.htm
- Туружанова Ш. Д.* Боксерское восстание в зеркале советской историографии (1945–1991) // *Science Time*. 2015. № 3 (15). 3 с.
- Червоное казачество, 1918–1923: сб. материалов по истории червоного казачества. Харьков: Пути просвещения: Молодой рабочий, 1923. 304 с.
- Ріпецький С.* Українське січове стрілецьтво визвольна ідея і збройний чин. New York, 1956. URL: exlibris.org.ua/uss/index.html

УДК 94

С. И. Репко

доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры романо-германских языков МГГЭУ, e-mail: Ra11114@mail.ru

ГРАНДСТРАТЕГИЯ США (2008–2017)

В статье рассматривается содержание грандстратегии Соединенных Штатов. Автор показывает, что в 2008 г. американская администрация разработала секретный документ о стратегии США на двадцать лет, в котором показала главного противника – Россию, назвала цель гегемонии США, задачи доминирования на море, в воздушном пространстве и космосе.

Ключевые слова: США; международный порядок; грандстратегия; гегемония; сдерживание; главный противник; Россия.

Репко С. И.

Doctor of History (Dr.habil.), Professor, Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Moscow State University of Humanities and Economics; e-mail: Ra11114@mail.ru

AMERICAN GRAND STRATEGY (2008–2017)

The article discusses the USA grand strategy content. The author gives a substantiation that in 2008, the US administration worked out the 20-year US strategy secret document. It shows the main enemy – Russia. It's aim is the American hegemony and the American sea, air and cosmic dominance.

Key words: USA; International Order; Grand Strategy; Hegemony; Containment; Main Enemy; Russia.

Актуальность исследования грандстратегии США – закрытого от публики плана на несколько десятилетий заключается в том, что знание намерений американской элиты позволяет понимать будущие действия Вашингтона на мировой арене. Целью статьи является исследование информации об истории и современной внешней политике США для определения содержания грандстратегии Америки, задачи которой выполняют президенты и администрации США, сменяющие друг друга.

Документ грандстратегии имеет уровень секретности выше, чем «совершенно секретно». Американцы маскируют его дезинформацией в СМИ так же, как скрывают секретный текст ежегодной стратегии национальной безопасности (СНБ) США. Согласно закону США 50 U.S. Code 2017 г. (ч. 44, § 3043, разд. «с»), ежегодно

конгрессу посылают секретный текст стратегии нацбезопасности [Annual national security... Электронный ресурс]. Одновременно для введения в заблуждение публикуют дезинформирующий текст стратегии национальной безопасности.

Цель грандстратегии была названа в 1877 г. в тексте первого политического завещания олигарха Сесила Родса: «Распространение власти Британии на весь мир ... превращение США в составную часть Британской империи ... и в конце создание сверхдержавы... для ее использования в лучших интересах человечества» [Quigley 1981, с. 28–29]. Американский эксперт геополитики в монографии 2014 г. сделал вывод, что «Америка сознательно осуществляет “империалистическую, гегемонистскую грандстратегию” – долговременный план внешней политики на много десятилетий» [Hooker 2014, с. 18]. Грандстратегия описывает задачи управления всеми потенциалами (all forms of power) американской империи, не ограничивается потенциалами США, только военными стратегиями и применением лишь вооруженных сил. Для реализации грандстратегии используются потенциалы более 60 стран-вассалов США, потенциалы ЦРУ и подчиненных ему иностранных спецслужб; возможности сотрудников дипломатического корпуса США, финансовый потенциал банков, корпораций и компаний. Также используются силы частных военных компаний, иностранных агентов влияния, полувоенных формирований наемников, зарубежных агентурных сетей, зарубежных некоммерческих и общественных организаций, средств массовой информации, информационных служб Интернета, компьютерных фирм и хакеров. Содержание секретных стратегий национальной безопасности США (National Security Strategies) не полностью соответствует грандстратегии, но тесно связано с ней [там же].

В 1998 г. исследователь К. Лэйн рассмотрел варианты целей грандстратегии США в XXI в.: 1) сохранить мировую гегемонию; 2) поддерживать мощь Америки в соответствии с уровнем мощи других мировых держав [Layne 1998].

Давая в 2017 г. интервью о грандстратегии Америки, директор программ безопасности Массачусетского технологического института Б. Поусен обозначил гегемонию США двумя понятиями – «либеральная гегемония» (Liberal Hegemony) и «гегемония без либерализма» (hegemony without liberalism) [Pollmann... Электронный

ресурс]. Элита США перенесла в американскую грандстратегию положение трех грандстратегий Британской империи 1860, 1904, 1930 гг. о захвате мировой гегемонии за счет уничтожения России – «континентального гегемона». В 2017 г. эксперт геополитики Б. Поусен повторил этот постулат, обозначив цель грандстратегии США, как «предотвращение подъема континентального гегемона» (to ensure against the rise of a continental hegemon). Б. Поусен перечислил три основные задачи грандстратегии Америки – доминировать над Россией на море, в воздушном пространстве и в космосе [там же]. Другой американский исследователь в открытой публикации обозначил цель грандстратегии Америки по сохранению гегемонии и сдерживанию развития России, называя ее кодом «конкурирующая страна»: «The goal of American balance-of-power efforts should be to prevent any of the rival states from acquiring enough power to threaten the existence of the United States, its allies or the liberal world order [Miller 2016, с. 3–29]. *(Цель усилий США по сохранению баланса сил – предотвратить, чтобы любая конкурирующая страна получила достаточную силу, чтобы угрожать существованию Соединенных Штатов, их союзников или либеральному мировому порядку.)*¹

Идеология американской грандстратегии на период 2008–2027 гг. основана на двух основных постулатах.

Во-первых, это – высший статус Америки («первый мир»), дающий ей право решать о существовании стран «третьего мира». 24 сентября 2013 г. в ООН Президент США заявил об «исключительности Америки» (America is exceptional), повторив преподаваемый в американских школах постулат, что Америка является центром мира, а всё за ее пределами – это периферия мира, «остальной мир» (the rest of the world) [Bacevich 2010, с. 7; Wachington Rules: American's 2010].

Во-вторых, грандстратегия имеет постулат, что Америка – это добро (Good), а СССР / Россия – это зло (Evil). Американская идеология повторяет использованный высшими кругами элиты Британии в 1914–1918 гг. постулат об истории, как о «долгой борьбе сил зла с силами добра» [Quigley 1981, с. 193].

¹ Зд. и далее перевод наш. – С. Р.

Президент Дж. Кеннеди в берлинской речи 26 июня 1963 г. назвал СССР «системой зла» (evil system). Президент Р. Рейган 8 марта 1983 г. назвал СССР «империей зла» (Evil Empire). Слова «ось зла» (axes of Evil) повторяли постулат грандстратегии на период 1988–2007 г., который 29 января 2002 г. публично озвучил президент Дж. Буш. Президент Д. Трамп 6 июля 2017 г. во время выступления в Варшаве назвал Россию злом, выражая благодарность Польше за разрешение разместить на ее территории американские войска, и заявил, что «The triumph of the Polish spirit over centuries of hardship gives us all hope for a future in which good conquers evil» [Here's the Full Text... Электронный ресурс]. (*Веками триумф польского духа над трудностями, дает всем нам надежду на будущее, в котором добро завоюет зло.*) Д. Трамп, выступая 19 сентября 2017 г. в ООН, назвал США «The greatest forces for good in the history of the world» [Full text: Trump's... Электронный ресурс]. (*величайшей силой добра в мировой истории*).

В грандстратегии США есть постулат о главном враге, которого надо уничтожить. В 2016 г. эксперт геополитики П. Миллер описал три этапа попытки академических теоретиков США изменить понятие «главный враг» в американской грандстратегии. На первом этапе (1992–2000) американские идеологи безуспешно искали нового главного врага, которым Америке можно было бы заменить бывшего врага – СССР. На втором этапе (2001–2007) США нашли себе реальных врагов (actual foe) – силы антиамериканского сопротивления в Ираке и Афганистане. В этот период академические эксперты геополитики безуспешно предлагали сократить срок американской грандстратегии с 20 лет до 8 или 4 лет из-за быстрого появления новых противников Америки. На третьем этапе (2008–2016) после победы России в войне 8–12 августа 2008 г. с Грузией, армию которой вооружила и подготовила Америка, академические эксперты геополитики достигли научного консенсуса, что главным врагом США является Россия. В 2008 г. в Конгрессе прошли слушания о новой грандстратегии на 20 лет, о которой сделал доклад председатель Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) Айк Склтон [Miller 2016].

Хотя в 1992–1998 гг. члены академического сообщества США не достигли научного консенсуса: какой стране дать роль главного врага США, однако в совершенно секретной программе амери-

канской Школы спецопераций по обучению слушателей в звании подполковник – полковник не было сомнений о главном враге, поскольку каталог тематических планов 1996–1997 г. в одном предложении назвал Россию в перечне с такими врагами Америки, как Ирак и КНДР [USAF Special Operations... 1996]. Поскольку потенциал России намного превосходил иракский и северокорейский, ей неизбежно должны были дать статус главного врага. Через 19 лет эту прежде закрытую для публики информацию сделали открытой, когда 8 июля 2015 г. председатель ОКНШ во время выступления в сенате назвал Россию «величайшей угрозой США» (*greatest threat to the USA*) [Lamothe 2015], а затем § 5 Коммюнике саммита лидеров стран НАТО в Варшаве 9 июля 2016 г. публично объявил Россию главным вызовом Североатлантическому альянсу (*fundamentally challenge the Alliance*) [Warsaw Summit Communique... 2016]. Лидеры стран НАТО и председатель ОКНШ сочетаниями слов о «величайшей угрозе» и «главном вызове» политически корректно обозначили постулат грандстратегии США 2008 г. о главном противнике – России. Подписанный президентом США 2 августа 2017 г. Закон о санкциях в отношении противников США (H. R. 3364 – *Countering American Adversaries Through Sanctions Act*) де-факто включил Россию в «ось зла», перечислив врагов Америки в следующей последовательности: Иран – Россия – КНДР.

Американские эксперты в грандстратегии 1988 г. назвали мировую систему государств «американским порядком» (*New World Order*). Они использовали сочетание слов «новый свет» (*New World*), которым обозначали Америку в отличие от «старого света» – Европы. США в грандстратегии 2008 г. назвали систему государств мира «международным порядком» (*International Order*) [Pollman 2017] – категорией, обозначающей «хаотичный мир» (*chaotic nature of the world*), в котором три мировые державы – Американская империя, Россия и Китай реализуют собственные интересы.

СМИ США и Британии в 2017 г. обозначали врагов кодом, который называли «конструкций 4+1» [там же] или «матрицей 4+1» (*four plus one matrix*) [Ullman ... Электронный ресурс]. В этом коде цифра «4» обозначала «ревизионистские региональные державы» – Россию, Китай и «негодяйские страны» (*rouge states*) Иран и КНДР. Авторы статей в коде обозначали цифрой «1» Исламское

государство (ИГИЛ), запрещенное в России. Код «4+1» в 2017 г. блокировал сведения о других врагах Америки – Сирии и афганском движении «Талибан», против которых войска США вели боевые действия. Также не упоминались враги США в Йемене, Пакистане и Ливии, по которым американские беспилотные летательные аппараты осуществляли пуски ракет. Кроме того, цифровой код не упоминал Филиппины, куда Вашингтон 15 июня 2017 г. без просьбы правительства страны направил подразделения спецопераций США в город Марави на остров Минданао, прикрыв эту агрессию легендой о «борьбе с исламистами» [*'Dirty Duterte'...* Электронный ресурс].

Эксперт геополитики Р. Хукер в коде «4+1» на первое место среди врагов США поставил Россию, заявив, что в отношении нее проводилась политика устрашения войной (*deterrence*). Он указал причиной наделения статусом «главного врага» то, что Россия «оккупирует часть Украины, аннексировала Крым и поддерживает режим Башара Асада в Сирии» [Ullman 2017]. Бывший аналитик ЦРУ П. Миллер в монографии определил статус России как главного врага США, назвав первым «европейским фронтом» войны США, за которым он расположил «азиатский фронт» [Miller 2016]. П. Миллер назвал Россию «авторитарным, националистическим режимом, замешанным на империализме», целью которого является «восстановление гегемонии в его ближайшей географической периферии» [там же, с. 3–29]. Эксперт геополитики Б. Полусен также назвал Россию «главным врагом» Америки, заявив, что КНР может стать главной угрозой США лишь в будущем [Pollmann 2017].

Реальная, а не декларируемая политика США в отношении КНР заключалась в том, что Китай был превращен в третьего по значению торгового партнера Соединенных Штатов, которые предполагали дать Китаю статус потенциального противника (*potential adversary*) только в отдаленном будущем [Hooker 2014]. В 2015 г. американцы импортировали китайских товаров на 410,8 млрд долл., в 2016 г. экспортировали в КНР продукции на 115,8 млрд долл., не запретили своим союзникам вкладывать прямые инвестиции в КНР, в результате чего в 2016 г. Китай получил 1 260,01 млрд долл. инвестиций [China Imports By... Country Электронный ресурс]. Американская геополитика имела цель

конвергенции Китая в Запад. Это повторяло принцип английской геополитики, которая требует «To ally with the second strongest continental power in order to destroy the strongest continental power» [History as Tragedy... Электронный ресурс]. *(вступать в союз со второй по силе континентальной державой, чтобы уничтожить сильнейшую державу континента).*

Зимой 1997 г. Б. Поусен начал в открытых СМИ полемику относительно изменения содержания грандстратегии Америки [Posen 1996/1997], которую в 1998 г. продолжил К. Лейн [Layne 1998], и затем несколько авторов в 2011–2016 гг. издали монографии. Эксперты геополитики предлагали не ограничиваться в грандстратегии в отношении России только английским методом окружения врагами (containment) и угрозой войны (deterrence), а добавить такие методы, как неоизоляционизм (neo-isolationism), общая безопасность (cooperative security), превосходство (primacy), давление военно-морским флотом (offshore balancing), переносимость (sustainment), избирательное ведение войн (selective engagement), сдержанная грандстратегия (restrained grand strategy) [Miller 2016]. Эксперты предлагали ограничить число войн против других противников Америки. Однако в 2008–2017 гг. число войн, которые вели США, не уменьшилось, поскольку американская элита решала проблему вывода страны из кризиса увеличением военных расходов и числа зарубежных войн, панической скупки людьми «валюты убежища» – доллара.

История показывает, содержанием внешней политики американцев является уничтожение других народов. Американцы уничтожили более 17 млн коренных жителей-индейцев и захватили их земли (было 18 млн индейцев, а в 1890 г. осталось 248 тыс. чел.) [Dobyns 1983]. В 1950–1953 г. американцы убили более 1 млн жителей КНДР, в 1964–1973 г. уничтожили 3,5 млн жителей Вьетнама. История Америки 2001–2017 г. – это непрерывное уничтожение людей войнами в Афганистане и Ираке; целевое убийство (targeted killing) людей в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке пусками ракет десятками беспилотных летательных аппаратов, постоянно барражирующих небо [Dower... Электронный ресурс]. Людей третьего мира убивали также организацией гражданских войн, финансовых кризисов; экспортом лекарств и ГМО-овощей, подрывающих иммунитет; тайными поставками в рестораны стран

противника японских продуктов с радионуклидами для провоцирования рака. Элита США вела политику уничтожения других народов сознательно, что подтверждает содержание заповедей, выгравированных на 119-тонных гранитных «Скрижалях Джорджии», установленных 22 марта 1980 г. в 145 км северо-восточнее г. Атланта, первая заповедь которых ставит задачу «Maintain humanity under 500 000 000» (*удержать человечество на уровне менее 500 млн чел.*). Это означает уничтожение 7 млрд «некачественных» людей [Gold 2010]. Реализацию элитой США стратегии уничтожения населения Земли также подтверждает сообщение газеты «Санди таймс» 24 мая 2009 г., что представители высшего круга американской элиты Д.Рокфеллер, У.Баффет, Дж.Сорос, Б.Гейтс, М.Блумберг договорились финансировать политику сокращения численности населения планеты [Sinister Sites: The Georgia... Электронный ресурс].

Американская элита, реализуя долгосрочную грандстратегию, превратила Америку в самое агрессивное государство Земли, которое войнами раскалывало государства на части (Германия 1945, Сербия 1999, Сирия де-факто 2017); в XXI в. непрерывно вело войны, оккупировало ряд стран Западной Европы, Японию, Южную Корею; имело около 800 постоянных и временных военных баз в 42 странах, разместило американские силы спецопераций примерно в 150 странах, в 2017 г. содержало на балансе Министерства обороны США 4 855 военных баз и объектов [Dower... Электронный ресурс]. США в 1949–2013 гг. имели планы ядерной войны против СССР / России, начиная с плана «Дропшот». Американцы в 1945–1991 г. изготовили для войны более 31 тыс. ядерных зарядов бомб, ракет и снарядов; на складах в Италии, на острове Диего Гарсия, в Южной Корее, Японии, Катаре, Кувейте хранили ядерные и обычных боеприпасы для ведения «чрезвычайных операций» (contingency operations) [Hooker 2014]. Америка в 1945–2016 гг. навязывала иностранным государствам реализацию политики в своих интересах операциями «смены режима» – Иран (1953), Чили (1973), Ирак (2003), Ливия (2011); «цветными» революциями приводила к власти проамериканские правительства, внедряла в зарубежные государства доллары, на 1 августа 2016 г. довела объем долларового долга стран мира до астрономической суммы 217 трлн долл. США [Durden... Электронный ресурс].

Американский эксперт геополитики полагал, что США реализует грандстратегию такими основными методами, как ведение войн чужими руками (*balancing*), финансовая и информационная война, блокада и санкции, война обычными средствами [Miller 2016]. В 2013 г. президент США в военной академии Вест Поинт заявил, что «Соединенные Штаты в одностороннем порядке будут применять свои вооруженные силы, если этого потребуют их основные интересы...» [Hooker 2014, с. 33]. Сочетание слов «в одностороннем порядке» обозначало ведение военных операций США без санкции Совбеза ООН и без поддержки союзников, примером чего была высадка 15 июня 2017 г. подразделений спецопераций США на филиппинский остров.

Таким образом, на основании изложенных фактов можно сделать вывод: грандстратегия США 2008 г. – это документ высокого уровня секретности о долгосрочном плане Америки на несколько десятилетий, в котором названа цель мировой гегемонии США, указан главный враг для уничтожения – Россия, перечислены потенциальные враги Иран, КНДР, а также реальные противники Америки; названы задачи системной войны США для обеспечения синергии подрывного воздействия на главного врага. Перечисленные факты показывают, что история реализации внешней политики США являлась паразитизмом на других странах методами хищничества и нахлебничества. Содержание грандстратегии Америки аналогично содержанию действий паразита-хищника, который полностью уничтожает свои жертвы в ограниченном пространстве, где недостаточно ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Видео. Картинки. URL: www.usatoday.com/story/news/world/2013/09/24/obama-america-exceptionalism-putin-un/2861129/
- Annual national security strategy report / US Law / LII/Legal Information Institute... URL: www.law/cornell.edu 50 U.S. Code, 3043.
- Bacevich A.* American Empire: The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy. London: Harvard University Press, 2002. 280 p.
- China Imports By Country. URL: tradingeconomics.com/china/imports-by-country
- Dobyns H. F., Swagerty W. R.* Their Number Become Thinned: Native American Population Dynamics in Eastern North America: University of Tennessee Press, 1983. 378 p.

- Dower J.* American Century of Carnage: Measuring Violence in a Single Superpower World. URL: www.salon.com/2017/04/01/an-american-century-of-carnage-measuring-violence-in-a-single-superpower-world_partner/
- Durden T.* Global Debt Hits 325 % Of World GDP, Rises to Record \$217 Trillion. URL: www.zerohedge.com/news/2017-01-04/global-debt-hits-325-world-gdp-rises-record-217-trillion
- 'Dirty Duterte' on the ropes as ISIS, US Special Forces crash the Philippines
URL: www.rt.com/op-edge/392669-dirty-duterte-isis-us-special-forces/
Full text: Trump's 2017 U.N. speech transcript. URL: www.politico.com/story/2017/09/19/trump-un-speech-2017-full-text-transcript-242879
- Here's the Full Text of Donald Trump's Speech in Poland. URL: www.nbcnews.com/politics/donald-trump/here-s-full-text-donald-trump-s-speech-poland-n780046
- History As Tragedy: How Edward VII Started World War 1. URL: www.youtube.com/
- Hooker R. D.* The Grand Strategy of the United States. Washington : National Defense University Press, 2014. 35 p. URL: inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/Books/grand-strategy-us.pdf
- Gold C. M.* Georgian Guidestones. URL: www.campellmgold.com/georgian_guidestones
- Lamothe D.* Russia is greatest threat to the U.S., says Joint Chiefs chairman nominee Gen. Joseph Dunford // The Washington Post, July 9, 2015. URL: www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2015/07/09/russia-is-greatest-threat-to-the-u-s-says-joint-chiefs-chairman-nominee-gen-joseph-dunford/
- Layne C.* Rethinking American Grand Strategy: Hegemony or Balance of Power in the 21st Century // World Policy Journal, November 1998. Vol. 15. № 2. P. 8–26.
- Miller P. D.* American Power and Liberal Order: A Conservative Internationalist Grand Strategy. Washington : Georgetown University Press, 2016. 326 p.
- Pollmann M.* A Discussion on Grand Strategy and International Order with Barry Posen. URL: cimsec.org/barry-posen-draft/30281
- Posen B. R., Ross A. L.* Competing Visions for U.S. Grand Strategy // International Security, Winter 1996 / 1997. Vol. 21. № 3. P. 5–53.
- Quigley C.* The Anglo-American Establishment. NY. : Books in Focus. 1981. 285 p.
- Ullman H.* Preventing World War III Means Deterring Russia and China. URL: observer.com/2017/06/preventing-world-war-iii-russia-china/
- Sinister Sites: The Georgia Guidestones. URL: vigilantcitizen.com/sinistersites/sinister-sites-the-georgia-guidestones/
- USAF Special Operations School Catalog for Fiscal Year 97. Washington : Government printing office, 1996. 46 p.

Warsaw Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016. URL: www.voltairenet.org/article192794.html
Washington Rules: American's Path to Permanent War. NY. : Metropolitan Books, 2010. 318 p.

УДК 316.454.3

И. М. Лоскутова, М. В. Синяев

Лоскутова И. М., доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и специальной социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ); e-mail loskutova07@yandex.ru

Синяев М. В., кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета (МПГУ); e-mail: sinyaeymax1@rambler.ru.

РИСКИ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются особые взаимоотношения между социальной структурой российского общества и образовательными траекториями молодежи, которые приводят к трудностям преобразования образовательного капитала в социальный, а также к воспроизводству социального статуса через систему образования без широких возможностей социальной мобильности в этом социальном институте.

Ключевые слова: социальная структура общества; образовательные траектории; образовательный капитал; социальный капитал; социальный статус; социальный лифт.

Loskutova I. M.

Doctor of Sociology (Dr.habil.), Associate Professor, Professor of Department of Theoretical and Special Sociology, Institute of Social-humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University (MSPU);
e-mail loskutova07@yandex.ru

Sinyaev M. V.

PhD (Political Science), Associate Professor of Department of Theoretical and Special Sociology, Institute of Social-humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University (MSPU); e-mail sinyaeymax1@rambler.ru.

THE RISKS OF FORMATION OF SOCIAL STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY, THE EDUCATIONAL TRAJECTORY OF YOUTH

In this article the authors examine the special relationship between the social structure of Russian society and the educational trajectories of young people, which lead to the difficulty of converting the educational capital in the social, as well as to the reproduction of social status through the education system without opportunities for social mobility in this social institution.

Key words: social structure; educational trajectory; educational capital; social capital; social status; social mobility.

Современная система российского образования представляет собой специфический феномен, в котором тесно переплетен ряд противоречивых тенденций современной российской действительности. Так, РФ со статистической точки зрения является одним из мировых лидеров по подготовке специалистов высшей квалификации, получивших высшее образование в бакалавриате и магистратуре, а последнее время в связи с трансформацией аспирантуры в дополнительную третью ступень образования, также и в аспирантуре. В то же время ни для кого не является секретом, что большую часть технологий или даже готовых изделий, связанных со сферой высоких технологий, страна закупает за рубежом. Несмотря на очевидное желание родителей дать своим детям высшее образование, численность студентов высших учебных заведений составила 700 человек на 100 тыс. населения в настоящее время, тогда как в 1989 г. она насчитывала только 180 человек [Образование... 2016]. Абсолютно типичной является ситуация, когда большая часть выпускников не только не проработала по выбранной специальности ни одного дня, но даже и не планировала это делать.

Подобная ситуация ставит ряд вопросов относительно специфики эволюции как самого российского общества, так и эволюции института образования. Образование как особый социальный институт выполняет ряд функций, например:

- 1) обеспечивает экономику высокопрофессиональной рабочей силой, и таким образом способствует экономическому и технологическому прогрессу общества на социетальном уровне;

- 2) на микроуровне социальной действительности выступает своего рода социальным лифтом, благодаря которому наиболее

способные выходцы из низов могут улучшить свое социальное положение приемлемым и полезным для общества образом.

Следует признать очевидное в условиях российского общества: большая часть моделей, конвертирующих полученные знания в социальный и экономический статусы, либо не работает, либо работает с серьезными искажениями, что и обуславливает для РФ статус «углеводородной сверхдержавы» с соответствующим уровнем жизни основной массы населения и вполне очевидными эволюционными перспективами всей социальной системы [Розов 2011].

Подобная ситуация связана как с особенностями самой системы российского образования, так и со спецификой российского общества, в первую очередь с особенностями отечественной социальной структуры. Высшие слои этой структуры, представленные олигархами и чиновниками, мало заинтересованы в повышении образовательного уровня населения и освоении высоких технологий. Верхний и средний слой чиновничества (руководители инспекций: люди, занятые распределением бюджетных средств, каких-то дефицитных ресурсов и услуг; силовые структуры) также не заинтересованы в этом. Это связано с тем, что положение чиновника в существующей социальной системе не гарантировано и носит временный характер. Постольку поскольку бизнес тесно связан с существующей системой власти, перестановки в высших этажах власти, как правило, влекут за собой и новое ранжирование компаний по мнению тех или иных государственных проектов. Ни для кого не является секретом, что размеры платежеспособного спроса со стороны населения не очень велики, да и испытывает это население потребность вовсе не в суперкомпьютерах. Для большей части этих компаний включение в список особо приближенных к власти намного важнее, чем развитие новых технологий, освоение большей части из которых вряд ли окупится на ограниченном российском рынке, а выход на международные рынки осложнен в силу целого ряда труднопреодолимых обстоятельств. Отсюда наиболее очевидной стратегией минимизации рисков является эксплуатация имеющихся ресурсов и планомерное отступление на заранее подготовленные позиции в странах ЕС. Расположенные социальным слоем ниже наемные работники и бюджетники также не склонны к технологическим прорывам. Наемные работники

подвергаются эксплуатации, так как слабость системы профсоюзов и незавидное положение бюджетников позволяет российскому бизнесу год за годом осуществлять экономию в основном за счет оплаты труда персонала.

Бюджетники получают от государства стабильную, но маленькую зарплату и не имеют заметного доступа к финансовым потокам. В целом их экономическое и социальное положение по сравнению с советской эпохой заметно ухудшилось в первую очередь потому, что проблемой является воспроизводство статуса. Если в советское время квартира и образование для детей были бесплатны или условно бесплатны, то ныне за эти блага предложено выплачивать их рыночную стоимость, что ведет либо к экономической депривации, либо к социальной нисходящей мобильности. Можно передать детям либо незавидную в экономическом смысле, но приемлемую в социальном смысле позицию в бюджетном секторе, либо можно «вытолкнуть» детей в сферу малого бизнеса, правила поведения, в котором малопонятны, а имеющиеся навыки «руководства библиотекой» скорее мешают, чем помогают достигнуть экономического успеха. Так как бюджетный сектор в основном выполняет задания государства и по возможности с использованием минимальных ресурсов, никакие вложения в собственное образование и освоение новых компетенций в большинстве случаев не дают заметного материального эффекта. Следовательно, как бюджетники, так и работники наемного труда мало заинтересованы в получении реальных знаний, для сохранения своих позиций бюджетники иногда вынуждены отправляться на различные курсы и тренинги, но цель этих мероприятий, как правило, связана не с реальным ростом подготовки, а с получением символических подтверждений компетенций, нужных прежде всего для бесперебойного обеспечения бумагооборота.

Еще ниже на социальной лестнице расположены пенсионеры, студенты и прочие категории малообеспеченных граждан, которые в основном получают от государства пособия по самому факту своего существования, что автоматически снимает целый ряд вопросов об их трудовом вкладе и росте профессиональных компетенций [Тихонова 2014].

Сложившаяся социальная структура слабо связана с поощрением образовательных компетенций и ростом научного

и технологического потенциала страны. По логике в ней образование должно было бы владеть жалкое существование, но в реальности это не так. В связи с тем, что значительная часть населения продолжает считать доступ к образованию залогом как минимум воспроизведения социального статуса бюджетника, то спрос на образовательные услуги не снижается. Наряду с государственной системой вузов сложилась и достаточно эффективно действует система негосударственных вузов – конечно, ее эффективность последнее время поставлена под вопрос тем, что в бюджетных организациях обязательен стал именно диплом государственного образца, что снижает ее привлекательность для тех, кто готов рассматривать диплом как гарантию трудоустройства в бюджетной сфере. Но в то же время эта система имеет неплохие шансы взять на себя функции адаптации многочисленных мигрантов к условиям существования в российской реальности. Увы, большая часть бюджетников в силу имеющегося уровня доходов склонна ограничивать число детей в семье, да и не идут их дети на те виды работ, на которые соглашаются мигранты – так что без мигрантов российской экономике, и шире, российскому обществу не обойтись. Конечно же, сложившаяся система далеко не идеальна – огромная армия бюджетников повышает налоговую нагрузку на экономику, стремление бизнесменов экономить на заработной плате ведет к тому, что наемные работники оказываются склонны к рестрикционизму и саботируют освоение новых технологий и компетенций, ибо их же в первую очередь и сократят после освоения этих самых новых технологий, сокращение коренного населения ведет к росту миграции, образовательный и культурный уровень мигрантов препятствует освоению новых технологий. Иными словами, выбранные различными социальными слоями стратегии минимизации рисков, с одной стороны, оказываются наиболее эффективными по критерию «стоимость – эффективность». С другой стороны, порождают серьезные социальные проблемы, ставящие под вопрос перспективы существования системы в целом.

Весьма интересно в этом аспекте отслеживать изменения в поведении социальных слоев, в их стратегиях, связанных с определением возможных траекторий будущего развития [Бек 2000],

в частности образовательных стратегий: выходцы из каких социальных слоев какое образование пытаются получить и почему?

Последние два года в МПГУ при ИСГО действует Центр социологических исследований, который стал центром компетенций для кафедры теоретической и специальной социологии. В ходе работы Социологического центра был накоплен бесценный практический материал, связанный с проведением социологических исследований абитуриентов, поступающих в МПГУ.

Так, последние два опроса проводились: первый – в ноябре и марте 2016 г. «Абитуриент – 2016», второй – в ноябре 2016 г. «Абитуриент – 2017». Опрос проводился на Днях открытых дверей МПГУ методом формализованного анкетирования по случайной выборке. Нас в этом исследовании интересовал ряд аспектов, в первую очередь социальное положение абитуриентов.

Как и следовало ожидать, большая часть абитуриентов происходит из средних по своему материальному положению слоев населения. В ходе опроса большая часть абитуриентов оценивала свое материальное положение как среднее. Только одна пятая часть опрошенных оценивала свое материальное положение выше среднего. Те, кто характеризовал свое положение ниже среднего, тоже были в меньшинстве. С одной стороны, это конечно связано с особенностью используемого социологического инструментария, с другой – с отражением реальных тенденций социального расслоения, когда дети элиты получают образование в привилегированных вузах или за рубежом, а дети наиболее необеспеченных слоев населения изначально ориентируются на раннее начало трудовой карьеры, минуя ступень высшего образования. Данные исследований 2016 и 2017 гг. не позволяют говорить о заметной динамике, связанной с трансформацией социальной структуры.

В то же время необходимо отметить, что в ходе исследования изучался вопрос о возможности платного обучения на основе договора с вузом. И тут уже очевидно заметно ухудшение материального положения средних слоев населения: если в 2016 г. только 28 % респондентов отвергали возможность договорного обучения, то в исследовании 2017 г. таких стало уже 39%, что наглядно показывает влияние экономического кризиса на средние слои населения, связанные в первую очередь с бюджетным сектором.

Если обратить внимание на мотив выбора образовательной траектории, то на первом месте, конечно же, это уверенность в трудоустройстве, на втором – получение диплома, что для многих абитуриентов является гарантией трудоустройства в бюджетном секторе. Аутсайдерами в оценочном ряду по состоянию на март 2016 г. выступают позиции: «возможность заниматься наукой» (1,8%), «удовлетворенность родителей» (2,8%), «возможность получения второй специальности» (2,5%).

Надо заметить, что экономический кризис и вполне очевидное сжатие рынка труда повлияло на уверенность поступающих в возможности найти работу по специальности после окончания вуза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция, 2000. 383 с.
- Образование // Российский статистический ежегодник 2016. М.: Росстат, 2016. 725 с.
- Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
- Тихонова Н. Е.* Социальная структура России: теории и реальность: Монография. М.: Новый хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014. 408 с.

УДК 316.4

Е. Е. Луцкая, С. В. Леонтьев

Луцкая Е. Е., кандидат философских наук; доцент кафедры теоретической и специальной социологии МПГУ; e-mail: ee.lutskaya@m.mpgu.edu

Леонтьев С. В., доктор технических наук; профессор кафедры теоретической и специальной социологии МПГУ; e-mail: stas@roel.ru

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К МПГУ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье представлены результаты проведенных Центром социологических исследований Московского педагогического государственного университета (МПГУ) исследований мнений студентов-иностранцев качества образовательных услуг, психологическом климате, помощи, которую студентам-иностранцам оказывают различные субъекты образовательного процесса, а также удовлетворенности социальными и бытовыми условиями, предоставляемыми образовательной средой МПГУ.

Ключевые слова: адаптация; иностранные студенты; удовлетворенность; культурный шок.

Lutskaya E. E.

Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of theoretical and special sociology of MSPU; e-mail: ee.lutskaya@m.mpgu.edu

Leontiev S. V.

Doctor of Technical Science, Professor of the Department of theoretical and special sociology of MSPU; e-mail: stas@roel.ru

ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS TO MSPU IN FOCUS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

The article presents the results of studies of the opinions of foreign students on the quality of educational services, the psychological climate, the help that foreign students receive from various subjects of the educational process, as well as the satisfaction with social and living conditions of the opportunities offered by the educational environment of the Moscow State University of Education (MSPU).

Key words: adaptation; foreign students; satisfaction; cultural shock.

Одним из важных направлений работы современного университета является обучение иностранных студентов. Начиная с 2015 г. численность иностранных студентов является одной из составляющих показателя «Международная деятельность» ежегодного

мониторинга Минобрнауки РФ. По состоянию на 2016 г. в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) обучалось 967 иностранных студентов, что составляло 4,46 % от общей численности студентов университета. Это превышает медианные значения показателей вузов московского региона, но отстает от показателей лидеров в этой области – Российского университета дружбы народов (РУДН) 23,2 % студентов-иностранцев от общей численности студентов или Российского государственного социального университета (РГСУ) – 7,66 % студентов-иностранцев [Мониторинг вузов Министерства... Электронный ресурс].

Обучение иностранных студентов сопряжено с разноплановыми проблемами: большинство их испытывает сложности при вхождении в иную культурную среду, что отрицательно сказывается на обучаемости. Поэтому столь важно уделить внимание проблеме удовлетворенности иностранных студентов качеством образовательной среды университета. В 2015–2016 гг. Центр социологических исследований (ЦСИ) МПГУ провел два исследования мнений и оценок образовательной среды МПГУ студентами-иностранцами, «Качество образования в МПГУ для иностранных студентов» (2016 г., N=206) и «Общежитие в фокусе мнений, оценок и суждений иностранных студентов» (2015 г., N=90), которые позволяют судить о процессе адаптации и помощи, оказываемой иностранным студентам различными структурами университета.

Качество образования иностранных студентов напрямую зависит от адаптации иностранных студентов к культурным и социальным особенностям страны обучения. В исследованиях специалистов РУДН отмечается, что при вхождении в новую культурную среду у целого ряда иностранных студентов возникают четко выраженный дискомфорт и дезориентация, получившие название «культурного шока» [Пугачёв 2012]. Среди условий, способных вызывать «культурный шок» и связанную с ним социальную и психологическую нестабильность, называются новый язык, незнакомые методы обучения и система оценивания, напряженный характер учебы, а также плохие взаимоотношения с однокурсниками и соседями по общежитию.

Согласно американскому исследователю Б. Холлу, «культурный шок – это ощущение потерянности и уныния, возникающее

в результате того, что накапливается груз несбывшихся ожиданий» [цит. по: Пугачёв 2012, с. 23]. Культурный шок может проявляться как напряжение из-за усилий по достижению психологической адаптации, как чувство потери из-за лишения своего привычного окружения из друзей и родственников, как чувство одиночества (отверженности) в новой культуре, как нарушение ролевых ожиданий и предписаний, как неприятие культурных различий или как чувство неполноценности из-за неспособности справиться с ситуацией. Данное понятие ввел в научный оборот в 1960 г. американский антрополог Калерво Оберг, который описал термином «культурный шок» ощущение собственной беспомощности, различные страхи, желание вернуться на родину, нервозность, ипохондрию, ощущение нездорового интереса к собственной персоне в новом социуме, фрустрацию, тревожность и ощущение полного одиночества [Бочнер, Фернхэм 2001; Пугачёв 2012]. Многие исследователи, начиная с К. Оберга и С. Лисгаарда, рассматривают проблему культурного шока в контексте так называемой U-образной кривой процесса адаптации. С. Лисгаард первым описал криволинейную функцию, отражающую зависимость успешности адаптации от времени пребывания в чужой стране. С его точки зрения, период адаптации занимает в среднем около 20 месяцев, в ходе которых люди проходят через три фазы приспособления к чужим условиям: начальная адаптация, кризис и последующая адаптация. Этапы адаптации (U-кривая) могут быть охарактеризованы следующими определениями: хорошо, хуже, плохо, лучше, хорошо [Пугачёв 2012].

Степень выраженности культурного шока и последующая социальная, психологическая и культурная адаптация иностранных студентов к условиям жизни в чужой стране зависит и от того, насколько осознанно они принимали решение о выборе места получения высшего образования. По данным исследования 2016 г., самое большое число ответов респондентов (22 %) пришлось на высокую оценку качества образования МПГУ. На втором месте – рекомендация родителей и друзей, по этой причине МПГУ выбрали 19 % иностранных студентов, что может говорить о том, что кто-то из ближнего окружения закончил МПГУ и может его рекомендовать. Это косвенно подтверждают и 18 % респондентов, указавших, что на их выбор повлиял престиж вуза. Но есть и те, чей выбор места обучения случаен. Это заставляет задуматься о необходимости

проведения работы по профессиональной ориентации иностранных студентов – тестировании и собеседовании. Иначе с большой вероятностью такие студенты покинут университет при первых же неизбежных неудачах второго и третьего этапов адаптации.

Согласно точке зрения отечественного социолога Л. Корель, адаптация означает «приспособление к изменившейся среде, происходящее путем выработки измененных стереотипов поведения» [Корель 2005, с. 34]. Как известно, социальная адаптация имеет как объективную сторону (адаптация к климату и часовому поясу, экономическим, социальным и политическим условиям страны пребывания), так и субъективную сторону (потребности, интересы, ценностные ориентации, мотивы, индивидуальные личностные особенности). Адаптироваться приходится любому индивиду, меняющему свой статус школьника на статус студента, который дает большую свободу выбора режима работы над учебным материалом, одновременно наделяя большей ответственностью за свою успеваемость. Меняется отношение к нему окружающих, ожидающих от студента поведения взрослого человека, который заботится о себе и принимает решения самостоятельно [Гребенникова 2011]. Иностранные студенты в дополнение к общим для всех трудностям приспособления к университету сталкиваются с необходимостью освоить статус иностранца, непростой для большинства русский язык и порой, к сожалению, с навешиванием ярлыков. У российского населения имеются не всегда позитивные этнические стереотипы восприятия африканцев, латиноамериканцев и азиатов, которые воспроизводятся в повседневных социальных взаимодействиях со студентами-иностранцами и могут осложнять им прохождение кризисного этапа адаптации [Луцкая, Рустамова, Рустамова... 2016].

Возможности, предоставляемые образовательной средой вуза, оказывают огромное влияние на удовлетворенность студента университетом и, как следствие, на скорость и позитивность адаптации. Их оценка производилась по пятибалльной шкале, где 1 – минимальный балл (плохо), 5 – максимальный балл (отлично); 0 – затрудняюсь ответить. В целом студенты-иностранцы удовлетворены возможностями образовательной среды МПГУ, средняя оценка составила 3,9 балла, что близко оценке «хорошо». Наивысшую оценку иностранных студентов получили такие возможности, как:

качество преподавания дисциплин по специальности, содержание лекционных занятий, общая оценка качества образования в институте / на факультете (соответственно по 4,2 балла). По 4 балла набрали доступ к информационным ресурсам и содержание практических занятий. Обеспеченность учебно-методическими материалами, качество преподавания естественно-научных дисциплин и организация культурных мероприятий получили положительную оценку в 3,9 балла. Несколько ниже средней респонденты оценили организацию научно-исследовательской работы иностранных студентов (3,7 балла), проведение занятий зарубежными преподавателями (3,7 балла), организацию вне учебной работы (3,7 балл). Обеспеченность образовательного процесса техническими средствами, открытие новых магистерских программ были оценены в 3,6 балла. Организацию международной деятельности вуза респонденты оценили на «удовлетворительно» (3,4 балла). Очевидно, у иностранных студентов в силу их особого статуса и опыта имеются широкие возможности для сравнения.

Ниже среднего оказалась оценка заинтересованности администрации института / факультета жизнью и бытом студентов (3,8 балла), что явно недостаточно для поддержки студента-иностранца, поскольку проживание в общежитии непросто дается даже российским студентам. Здесь есть два осложняющих повседневное существование момента:

1) у большинства студентов жилищные условия в общежитии ниже тех, к которым они привыкли, поскольку проживание с большой вероятностью будет совместным;

2) общежитие является не только местом ночлега и приема пищи, но и местом для самостоятельной работы.

Конечно, можно заниматься в библиотеках, но их режим работы редко устраивает студента. Поэтому на общежитие ложится еще и дополнительная нагрузка по обеспечению условий для самостоятельных занятий. Что подтверждает значимость этого фактора для успешной социальной адаптации студента к университету.

В ходе обоих исследований выявлялась удовлетворенность студентов-иностранцев социальными и бытовыми условиями, которые являются фактором успешной адаптации. Для этого в ходе опроса респондентам было предложено по 5-балльной шкале

оценить социально-бытовые условия в МПГУ: питание в столовой, работа деканата, работа охраны (безопасность) и др. Были рассчитаны средние баллы оценок социально-бытовых условий, где проживание в общежитии со средним баллом 3,4 заняло место в нижней половине таблицы, опередив работу медицинского пункта и организацию торговли.

Средний уровень удовлетворенности социальными и бытовыми условиями равен 3,6 балла, что составляет 72 % от максимального значения. Согласно представленному распределению оценок условий, предоставляемых МПГУ, высокие баллы получила работа деканатов и институтов – 4,2 балла. Работа охраны и работа гардероба оценивается приблизительно также – 4 балла. В определенной степени это дает основание говорить о том, что студенты чувствуют себя на территории университета достаточно комфортно и защищены. Работа управления международных связей балансирует на среднем уровне в 3,7 балла из 5 возможных, что представляется нам недостаточным. По 3,5 балла получили столовая, буфеты и комнаты гигиены, а также работа администрации общежития.

Показатель «проживание в общежитии» получился меньше средней оценки по выборке, что является критичным для адаптации и может служить основанием для принятия управленческих решений, направленных на повышение комфортности проживания в общежитии. Несоответствие предоставляемых общежитием бытовых условий для проживания запросам иностранных студентов может провоцировать бытовые конфликты и обострять проблемы коммуникации с соседями и администрацией.

Как мы уже указывали выше, студенты, проживающие в общежитии, лишены многих дружеских и родственных связей, которые бы им помогли в трудной ситуации. Иногородние и иностранные студенты действительно сложнее адаптируются, так как они лишаются поддержки ближайшего социального окружения. Согласно теории американского социолога Т. Хирши, их «социальные обручи», связанные с ценностями и нормами поведения, воспринятыми от ближайшего социального окружения, ослабевают, а новые часто не успевают сформироваться. Как правило, в крупном городе и стоимость проживания высока, к этому следует прибавить скученность, большие транспортные расходы, дороговизну

сферы услуг, обезличенность отношений. Поэтому наличие определенных бытовых трудностей проживания в общежитии обостряет потребность в психологическом комфорте.

Отсюда вытекает необходимость оценки социально-психологического климата в университете, который безусловно влияет на психологический комфорт студента-иностранца. В ходе обоих рассматриваемых нами исследований студентов просили указать, насколько они удовлетворены составляющими социально-психологического климата. Оценка проводилась по 5-балльной шкале. Согласно результатам исследования 2016 г., респонденты вполне удовлетворены состоянием социально-психологического климата в самом университете и его структурных единицах. Средний показатель по выборке в целом – 4,2 балла (что соответствует оценке «хорошо»). При этом разброс оценок по исследуемым позициям небольшой. В определенной степени позитивные оценки являются следствием успешной организации взаимодействия структурных подразделений вуза (в частности, управления международных связей) с иностранными студентами.

Самые высокие оценки получили отношения с преподавателями и другими студентами, что весьма ценно, поскольку эти люди могут донести до студентов-иностранцев нормы и правила, принятые в университете, объяснить особенности российской культуры, рассказать об этических, эстетических и религиозных ценностях, дать возможность совершенствоваться в русском языке. Достаточно высоко респонденты оценивают социально-психологический климат в учебной группе, на факультете (в институте) и в университете в целом (оценка по данной позиции 4,2 балла). Всё это говорит о хорошем отношении к иностранным студентам и умении администрации факультетов / институтов МПГУ найти индивидуальный подход к каждому студенту-иностранцу.

Несколько хуже оценили студенты-иностранцы климат в общежитии (3,8 балла, что ниже средней величины по выборке). Это можно объяснить разрывом между потребностями студентов-иностранцев и возможностями, предоставляемыми общежитием. Во многом это связано и с тем, что многие иностранные студенты испытывают трудности в повседневной коммуникации с представителями иной бытовой культуры. Причиной тому, с нашей точки зрения, является наличие языкового барьера и обусловленной

им узости круга значимых отношений с российскими сверстниками, а также «обособляемость» выстраиваемых отношений в общежитии – большинство студентов-иностранцев живет либо с представителями своей страны, либо с другими студентами-иностранцами. Возможно, более существенная интеграция студентов-иностранцев в микрогруппы российских студентов во время учебы, самоподготовки и досуга решила бы проблему обособленности. В связи с этим можно выдвинуть предложение вернуться к практике совместного проживания иностранных и российских студентов в комнатах общежития.

По данным исследования 2015 г., подавляющее большинство иностранных студентов, проживающих в общежитии, испытывают трудности, связанные с наличием языкового барьера – его указали в анкетах 72 % респондентов. Языковой барьер заметно опережает такие проблемы, как необъективность преподавателей (16%), недостаточная довузовская (школьная) подготовка (6%) и наличие ограничений для досрочной сдачи экзаменов и зачетов (6%). Что позволяет нам сделать вывод о том, что трудности освоения русского языка являются одной из ключевых проблем иностранного студента, которая препятствует его эффективной включенности в учебный процесс, общественную и научную деятельность, не дает возможности установить тесный эмоциональный контакт с однокурсниками и соседями по общежитию.

Судя по данным исследования 2016 г., возможности, предоставляемые МПГУ для изучения русского языка, студенты-иностранцы оценивают достаточно высоко. Качество преподавания русского языка в целом получило 4 балла, остальные позиции: общий уровень владения русским языком самого студента, преподавание русского языка на подготовительном факультете, преподавание русского языка на дополнительных занятиях получили одинаковую оценку, которая составила 3,8 балла. Это может говорить и о недостаточной мотивации студентов-иностранцев к изучению русского языка.

Успешность процесса социальной адаптации студентов к университету во многом зависит от той помощи, которую студент-иностранец, особенно первокурсник, получает от университетских структур, преподавателей, однокурсников и соседей по общежитию. Поэтому в ходе исследования 2015 г. была поставлена и задача оценивания помощи, которую студентам-иностранцам оказывают

различные субъекты образовательного процесса. Респондентам были заданы вопросы: «Если у Вас возникают затруднения в учебе и повседневной жизни, куда Вы предпочитаете обращаться?» и «Кто помогал Вам привыкать к условиям университетской жизни и насколько эффективно?»

Анализ результатов опроса показал, что в случае возникновения трудностей в учебе и в быту студенты-иностранцы предпочитают обращаться к своим друзьям (28%). Реже всего респонденты обращаются за помощью в студенческий совет (7%). Но больше всего студентов-иностранцев рассчитывает только на себя (17%), что почти равно предпочитающим обращаться за помощью в деканат (16%). 11 % опрошенных сообщили, что за помощью и поддержкой обращаются в администрацию университета, 1 % указал вариант «другое», а 20 % затруднились ответить на поставленные вопросы. Большинство респондентов лучше всего оценили помощь в адаптации к университетской жизни друзей и однокурсников (3,7 балла), а также преподавателей (3,5 балла). Несколько ниже были оценены (3,3 балла) кураторы учебных групп и администрация университета. Средняя оценка по выборке «удовлетворительно» – 3,1 балла. Это говорит о наличии возможностей для совершенствования и подтверждает вывод о необходимости улучшить качество работы, как представителям студенческого самоуправления, так и представителям административных структур факультетов/институтов (3,1 балла получили заместители деканов).

Довольно высокий процент рассчитывающих на самих себя говорит о том, что всё-таки, несмотря на трудности и наличие языкового барьера, многие проблемы студенты-иностранцы, проживающие в общежитии, решают самостоятельно с положительным результатом. Другой вопрос, за счет чего достигается такая самостоятельность: к сожалению, некоторые студенты-иностранцы не интересуются российской культурой, в освоении русского языка ограничиваются наборами бытовых фраз и профессиональных терминов, не развивают социальные отношения с представителями принимающей культуры. В то же время другие студенты-иностранцы последовательно приобретают социальные навыки, необходимые для российского общества, устанавливают и развивают контакты с его членами. Однако каждый десятый из данной группы оказался не удовлетворен тем, что проблемы адаптации

к студенческой жизни ему пришлось решать самостоятельно. И здесь есть над чем подумать администрации факультетов и университета.

Некоторые проживающие в общежитии студенты-иностранцы сталкиваются с жесткой необходимостью зарабатывать себе на жизнь. В небогатых странах далеко не все семьи могут обеспечить и денежными средствами, достаточными для оплаты еды и учебных нужд, отпрыска, уехавшего на учебу в российскую столицу. Правда, данные обоих исследований показывают, что большинство студентов-иностранцев только учится. Согласно исследованию 2015 г., большинство опрошенных студентов-иностранцев, а именно – 60 %, не совмещают работу с учебой. Из тех, кто совмещает работу с учебой (40 %), на постоянной основе работает 19 %, иногда совмещает работу с учебой 21 % опрошенных.

Из этих цифр можно понять, что в МПГУ студентов-иностранцев, систематически совмещающих работу с учебой, оказалось не так уж много. Для студентов-иностранцев в МПГУ вторичная занятость – важный, но далеко не единственный источник существования. Большую часть студентов содержат их родители, помощь которых весьма обширна и разнообразна, от нее зависит не только физическое существование студента, но и его жилищные условия, учеба и во многом будущая работа.

Рассмотрев по результатам социологических исследований состояние дел с социальной адаптацией студентов-иностранцев к образовательной среде МПГУ, можно утверждать, что администрации вуза и факультетов/институтов, группам студенческого самоуправления, кураторам и преподавателям есть над чем работать. Необходимо наращивать потенциал университета в области работы со студентами-иностранцами, разрабатывая соответствующую нормативную базу, повышая качество образовательной среды, совершенствуя структуры студенческого самоуправления, развивая социальную инфраструктуру, без которых сегодня невозможно успешно работать любому вузу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бочнер С., Фернхэм А. Психология длительного пребывания за рубежом: студенты // Развитие личности. 2001. № 2. С. 136–167.

- Гребенникова И. А.* Адаптация иностранных студентов: механизм и факторы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 3. С. 98–100.
- Корель Л. В.* Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005. 425 с.
- Луцкая Е. Е., Рустамова А. А., Рустамова С. А.* Адаптация иногородних и иностранных студентов к университету: сложности и пути их преодоления // Человек и образование: социологические очерки: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону : Медиа-Полис, 2016. С. 49–59.
- Мониторинг вузов Министерства образования и науки РФ. URL: indicators.miccedu.ru/monitoring/_vpo/inst.php?id=160
- Пугачёв И. А.* Этнокультурная адаптация иностранных учащихся к условиям жизни и обучения в России // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 4. С. 21–27.

УДК 316.44

Т. Р. Миняжев, Лян Янь

Миняжев Т. Р., кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической и специальной социологии МПГУ; e-mail: tr.minyazhev@mpgu.edu

Лян Янь, аспирант кафедры теоретической и специальной социологии МПГУ; e-mail: 869379998@qq.com

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ В ИЗУЧЕНИИ ПРАКТИК ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Потребление и потребительские практики поведения среднего класса в КНР сегодня изучаются в рамках антропологии, экономики, психологии и социологии. Но несмотря на повышенный интерес к изучению потребления в Китае, исследования в основном носят дескриптивный характер, очень плохо разработан методологический понятийно-категориальный аппарат. Отсюда возникает проблема неудовлетворительного объяснения шаблонов поведения и как представители различных статусных групп практически ориентированы на потребление товаров и услуг. В статье рассматривается развитие китайского потребительского рынка через призму социологических теорий потребления.

Ключевые слова: социология потребления; Китай; практики; средний класс; конфуцианство; таоизм; методология; новая культура потребления.

Miniazhev T.

PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Theoretical and Special Sociology of Moscow State University of Education; e-mail: tr.minyazhev@mpgu.edu

Lian Yang

PhD Student of Department of Theoretical and Special Sociology of Moscow State University of Education; e-mail: 869379998@qq.com

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS TO STUDY CONSUMPTION PRACTICES IN MODERN CHINA

Consumption and consumer practices of the behavior of the middle class in the China are being studied today within the framework of anthropology, economics, psychology and sociology. But despite the increased interest in studying consumption in China, research is mostly descriptive, the methodological concepts are very poorly developed. Hence there is a crucial problem of unsatisfactory explanation of patterns of behavior and how representatives of different status groups are practically oriented toward consumption of goods

and services. The article examines the development of the Chinese consumer market through the prism of sociological consumption theories.

Key words: sociology of consumption; China; practices; middle class; new culture of consumption.

Успехи китайской экономики (или «китайское чудо») являются одним из ключевых факторов, стимулирующих рост мировой торговли, а также содействуют более быстрому выходу из кризисных ситуаций не только в региональном, но и глобальном масштабе. В этих условиях всё больше компаний обращает внимание на китайскую экономику и активно инвестируют в нее. Розничная продажа в китайском сегменте Интернета приобрела исключительный размах в 2005–2015 гг. Отличительной особенностью этого вида активности стал его относительный иммунитет в условиях экономического кризиса. Это говорит в пользу того факта, что клиенты онлайн-магазинов предпочитают ценовое преимущество, которого не имеют оффлайн-магазины, вынужденные включать в стоимость товара арендные издержки. Можно отметить положительную динамику в увеличении онлайн-платежей за товары, купленные в интернет-магазинах.

Среди специалистов сложилось мнение, что потребительские практики в современном Китае меняются. В рамках корпуса научной литературы по исследованию рынка отмечается тенденция в том, что «новые богатые» потребляют дорогие товары, зачастую приобретая экстравагантные вещи и услуги. Однако необходимо учитывать, что страсть к совершению дорогих покупок или потребительская культура товаров и услуг категории «люкс» не является чем-либо исключительным для Китая. В этом отношении «новые богатые», скорее, пытаются соответствовать уровню жизни западных потребителей, подчеркивая свои финансовые возможности покупать статусные товары, связанные с символами престижа.

В течение длительного исторического периода население Китайской Народной Республики испытывало материальные затруднения, поэтому в рамках господствующего дискурса существовала практика бережливости и экономности. Народ Китая считается одним из самых бережливых в рейтинге частных накоплений. В среднем, китайское домохозяйство откладывает 30 % своего месячного дохода для накоплений. Для сравнения, в среднем, жители США откладывает 5–6 % от своего месячного дохода

[Roberts... Электронный ресурс]. Кроме того, согласно национальному статистическому ежегоднику, сберегательные вклады городских и сельских домохозяйств значительно увеличивались каждый год, начиная с 1978 г. Хотя сберегательные вклады относительно мало возросли в конце XX века (471 млрд. юаней в 2000 г.), то после 2005 г. они выросли десятикратно (4.5 трлн. юаней в 2008 г.) [China Statistical Yearbook... 2009]. В 2011 г. этот показатель составил 4 трлн. 165 млрд. юаней, что говорит в пользу незначительного изменения практики накоплений населением [6].

Несмотря на убедительные статистические данные и экономические показатели, исследование потребительского поведения и практик китайских покупателей не представляется возможным без понимания культуры, в которой особое место занимает конфуцианство и таоизм. Традиционная культура выступает за жертвенность и определенные обязательства, например по отношению к общине и коллективу. Поэтому личное удовольствие, ощущение комфорта и уюта не является приоритетом в контексте культурного кода Китая. Так, Макс Вебер в своих работах по хозяйственной этике мировых религий, рассматривая конфуцианство, отмечал следующее: «Вера в силу дисциплины во всех сферах, зафиксированная в очень древних анекдотах, полностью утвердилась уже у современников Конфуция. «Непочтительность хуже низменных нравов», поэтому «экстравагантность», под которой имелось в виду хвастливое расточительство, хуже бережливости» [Вебер 2017, с. 288].

Для любого исследователя здесь сразу возникает сложность, сопряженная с противоречием, с одной стороны, рост современного неприкрытого потребления товаров и услуг, а с другой – консервативная ориентация на бережливость, экономность, аскетизм как в национальном, так и культурном контекстах. Поэтому рассмотрение потребительского поведения китайских покупателей должно учитывать этот фактор и разрабатывать методологически корректный социологический аппарат, с поправкой на реальность КНР. Широкий взгляд на данную проблему предполагает исследование не только шаблонов потребления (например, структуру расходов, предпочтений, материальные устремления), но и насколько потребительская ориентация претерпела изменения с 1978 г., т. е. с того периода, который принято называть пост-реформенным.

Помимо этого аспекта необходимо обращать внимание на констелляцию различных факторов, имеющих как внутреннее (национальное), так и внешнее (международное) происхождение.

Переходный период в шаблонах потребления необходимо рассматривать в контексте социальных и экономических реформ 1978 г., и только потом на фоне глобализации. Самым значительным результатом реформ является фундаментальное изменение, связанное с установлением рыночно-ориентированной экономической системы. Вместе с этим расцветает и развивается потребительский рынок, характеризуемый огромным материальным снабжением и свободной торговлей. Китайское общество постепенно стратифицируется. Например, современный средний класс состоит из профессионалов, менеджеров, владельцев бизнеса и гражданских чиновников, которые стали главными бенефициарами реформ. Средний класс значительно расширился и его жизненные шансы также серьезно возросли, исходя из множественной системы профессиональных позиций, образовательных возможностей, которые стали вероятными благодаря реформам. Кроме того, восточные области, богатые природными ископаемыми и обладающие рядом государственных привилегий, используют больше рыночных возможностей и являются наиболее высокоразвитыми регионами. Действительно, социальные и региональные различия усилились в результате реформ, поэтому мы можем зафиксировать существование разных потребительских культур среди социальных классов областей и регионов.

После реформ, которые привели к открытию экономики внешнему миру в 1978 г., а особенно после вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г., Китай стал принимать активное участие в глобализации. Вовлеченность в глобальный рынок имеет двойные последствия. С одной стороны, иностранные инвестиции содействуют росту экономики и развитию среднего класса, больше зарубежных товаров потребления становится доступными, а учитывая численность населения КНР, то это один из самых интересных и перспективных рынков для сбыта промышленных товаров и интернет-услуг. С другой стороны, Китай не защищен от глобальных экономических рисков. Например, в августе 2016 г. Народный банк Китая значительно девальвировал юань по отношению к доллару в условиях спада роста ВВП. Кроме

того, социальные и региональные различия усилились по причине того, что имущие классы адаптировались к новым условиям и по-прежнему повышают свои рыночные шансы, в то время как среди неимущих классов наметилась тенденция к маргинализации. Тем не менее, бесспорно, появились новые вызовы окружающей глобальной экономической среды – создание больших торговых центров, свободного рынка, реклама, глобальные интернет-площадки для торговли. Это обуславливает изменение в способе потребительской активности. Следует подчеркнуть, что в силу распространения товаров широкого потребления и потребительской культуры, индивиды стимулируются к адаптации к новым взглядам на свои практики потребления.

Условно можно выделить несколько подходов в социологии потребления. С точки зрения традиционной экономики, рассматривающей процесс потребления исключительно из утилитаристской традиции, потребители предстают как рациональные субъекты, принимающие решения исходя из своих потребностей и выбора среди доступных товаров. В рамках социологического анализа сложилось направление, берущее свое начало от работ Торнстейна Веблена и Пьера Бурдьё [Веблен 1984; Бурдьё 2001]. Согласно этой перспективе практики потребления структурированы социальным статусом и положением. Данный подход иногда называется позиционным потреблением. Энтони Гидденс определял потребление через призму конструирования идентичности, которая необязательно связана со статусом. У Ж. Бодрийяра подход сопряжен с проблемой господства символов престижа и потребления, а также символическим выражением товаров потребления [Бодрийяр 2006].

Потребление можно определить как «личные расходы индивидов и семей, которые включают выбор, употребление, продажу или повторное использование товаров и услуг»¹ [Eglitis 2008, с. 105], т. е. согласно логике этого формального потребления, индивиды как потребители выбирают и употребляют товары и услуги, которые они покупают / оплачивают исходя из своего заработка, накоплений или кредита. В наши задачи входит исследование способов, с помощью которых потребительская ориентация среднего класса развивается, а новые элементы потребительской

¹ Перевод наш. – Т. М., Л. Я.

ориентации пересекаются с другими, более традиционными ценностными ориентациями в отношении семьи, работы, денежных трат. Следует подчеркнуть, что потребительская ориентация может быть выявлена исходя из измерения повседневного потребления, вкусовых предпочтений, материальной культуры, а также из особенных социальных условий и контекста. Рамки анализа, предлагаемые социологией повседневной жизни, определяют формат исследования, согласно которому понимание потребления должно быть интегрировано в аналитические концепты повседневной жизни. Проблема исследования заключается в том, что люди ищут комфорта и удовольствия, а потому предлагают свое собственное видение на повседневную деятельность и потребление. Следовательно, такой подход потребует применение качественной методологии исследования, согласно которой повседневное потребление предстает в виде практик, интерпретаций и интеракций. Важно концентрироваться на потребительских предпочтениях, выборах, привычках, расходах, управлении финансами в ежедневных тратах и как люди всё это интерпретируют. Очень важно показать, как сами представители того или иного класса объясняют себе потребление в повседневном взаимодействии. Кроме того, это позволит связать шаблоны потребления с традиционными ценностями и социальными изменениями, увидеть, как потребление формируется социальными условностями и социальными контекстами. Крайне эвристический подход предлагает профессор Манчестерского университета Алан Уорд. Согласно его точке зрения, необходимо изучать три измерения вкусовых предпочтений: распределение, суждение, оправдание вкусового предпочтения [Warde 2008]. Очень важным компонентом в изучении потребительских практик является пространственный аспект, поэтому следует обратить внимание не столько на проблему национальных границ или глобализации, сколько на феномен потребления в глобальном городе (политической или финансовой столице), потому что именно глобальность столичного города определяет последствия в потребительских предпочтениях.

Потребление и потребительские практики поведения изучаются в рамках антропологии, экономики, психологии и социологии [Eglitis 2008]. Но несмотря на повышенный интерес к изучению потребления в КНР, исследования, в основном, носят дескриптивный

характер, очень плохо разработан методологический понятийно-категориальный аппарат. Отсюда возникает проблема неудовлетворительного объяснения шаблонов поведения, и как люди практически ориентированы на потребление товаров и услуг в китайском контексте. Но главное, как они сами себя представляют в этих рамках потребления.

Практики потребления в Китае, как мы уже отметили выше, формируются социальными условностями, традиционными ценностями и социальным контекстом. Участие в практиках потребления значительно формируется посредством социальной иерархии в статусах, месте проживания, имеющих большое значение в китайском обществе. Все это обуславливает эффект увеличивающего социального неравенства в стремительно развивающемся обществе.

С другой стороны, если отвлечься от парадигмы статусного потребления, можно рассматривать покупки и использование материальных благ как отражение и конструирование собственной идентичности, а не связанностью с определенным социальным положением. Мы можем говорить об относительной доступности люксовых товаров в Китае, но в то же время существует банковская система кредитов, позволяющая приобретать дорогие товары в рассрочку. Так, М. Физерстоун отмечает, что сегодня «потребление не может рассматриваться просто как гедонистическое, экспрессивное или импульсивное, хотя это все отличает рекламу и образы жизненного стиля. Предельно ясно, что потребители калькулируют, сравнивают и исследуют: короче говоря, культура потребления содержит в себе знание»¹ [Featherstone 2007, с. XVIII]. Отдельно можно рассматривать потребление в контексте ощущения пространственной и временной комфортности, когда приобретаемые товары связаны с удовольствием. Если мы посмотрим на наименования товаров, предлагаемых китайскими интернет-гигантами, то увидим огромное разнообразие продуктов, доступных по цене и удовлетворяющих самые изысканные вкусы клиентов.

Культура потребления мало исследована в рамках китайской общественной науки и практически не уделяется внимание постмодернистским концепциям общества потребления. Тем не менее ряд китайских ученых рассматривает практики потребления с точки

¹ Перевод наш. – Т. М., Л. Я.

зрения разумного, рационального выбора, связанного с доступностью товаров широкого потребления и общей «дружественной» ориентацией большинства китайских брендов [Warde 2008]. Например, популярные модели смартфонов дешевле флагмановских моделей Apple или Samsung, но китайские производители предлагают продукты не менее функциональные, визуально привлекательные и, что самое главное, доступные по цене и качественные по своим эксплуатационным характеристикам.

Можно констатировать, что потребительская ориентация, пропитанная социальной дисциплиной, отражает диалектические и гармоничные отношения между индивидом и обществом в китайской культуре. От практик конфуцианства и таоизма до дискурса современной ориентации потребления, культура в Китае делает акцент на том, что индивид должен поступать согласно предписанным социальным ролям, а не столько на основе индивидуальной свободы, которая играет существенную роль в западной культуре. Глобализация потребления, бесспорно, оказывает влияние на поведение китайцев в повседневной деятельности. Так, например, особое значение сегодня уделяется аспектам индивидуального комфорта и удовольствия.

Таким образом, шаблоны потребления в Китае формируются социальными установками, традиционными ценностями и социальным контекстом. Участие в практиках потребления значительно дифференцировано особенностями социальных классов, возрастом и местом проживания. Доход играет значение, но не первостепенное. Существенным образом меняются практики потребления молодежи в больших городах. Серьезную роль в формировании новой культуры потребления начинает играть средний класс, который отражает, до некоторой степени, глобальную культуру потребления. Происходит переориентация с аскетичной модели накопления ради благополучия семьи к поиску индивидуального комфорта и удовольствия при покупке товаров и услуг. Конечно, нельзя прямо сказать, что традиционная культура уступает глобальной и массовой культуре. Наоборот, выработанные модели поведения осваивают потребительский вызов как попытку гармонизировать внутренний мир индивида с условиями его существования. Поэтому повседневная практика потребления связана с восприятием

индивида своей личности и месте среди других. Особое значение приобретает китайская политическая и экономическая модель, в которой изменение практик потребления и потребительский рост будут стимулировать развитие национальной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Республика, 2006. 269 с.
- Бурдые П.* Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
- Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб. : Владимир Даль, 2017. 446 с.
- Вэблен Т.* Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 368 с.
- China Statistical Yearbook 2009. URL: www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2009/indexeh.htm
- China Statistical Yearbook 2012. URL: www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2012/indexeh.htm
- Eglitis D. S.* Consumption // International encyclopedia of the social sciences. Vol. 2 / A. William, Jr. Darity / editor in chief. 2nd ed. v. cm. Rev. ed. of: International encyclopedia of the social sciences / David L. Sills, editor. Macmillan, 2008.
- Featherstone M.* Consumer Culture and Postmodernism. Second edition. London, Thousand Oaks and New Delhi, SAGE Publications, 2007.
- Roberts D.* The Chinese Can't Kick Their Savings Habit. URL: www.bloomberg.com/news/articles/2015-05-01/chinese-consumers-cling-to-saving-suppressing-spending
- Warde A.* Dimensions of a social theory of taste // Journal of Cultural Economy. 2008. Vol. 1. № 3.
- Zheng H. E.* 中国的消费主义及其超越 (Консьюмеризм в Китае и его развитие). 学术论坛 // Журнал «Академический форум». 2005. #11. P. 115–119.

УДК 316.454.3; 37.013

И. В. Образцов, А. В. Половнёв

Образцов И. В., доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: igorobraztsov@rambler.ru

Половнёв А. В., кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ; e-mail: polovnev_av@mail.ru

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ КАЧЕСТВОМ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ МГЛУ

В статье рассматривается удовлетворенность студентов качеством обучения в вузе и ее влияние на успешность их профессионального обучения. Особое внимание в статье уделено анализу частных показателей удовлетворенности обучением и образовательной средой в вузе, а также оценке их вклада в общую удовлетворенность. Материалы, представленные в публикации, подготовлены по данным социологического исследования, проведенного среди студентов МГЛУ в марте – апреле 2017 г.

Ключевые слова: удовлетворенность; удовлетворенность качеством обучения; частная удовлетворенность обучением и образовательной средой; вузы; студенты; факторы удовлетворенности, социологический анализ.

Obraztsov I. V.

Doctor of Sociology (Dr.habil.), Professor of the Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: igorobraztsov@rambler.ru

Polovnev A. V.

Ph. D. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: polovnev_av@mail.ru

STUDENTS' SATISFACTION WITH QUALITY OF HIGH SCHOOL EDUCATION: SOCIOLOGICAL ANALYSIS BASED ON MSLU

The article considers students' satisfaction with the quality of high school education and its impact on the success of their professional education. Particular attention is paid to the analysis of individual indicators of satisfaction with high school education and its environment, as well as evaluation of their

contribution to overall satisfaction. The materials presented in the publication were prepared according to a sociological survey conducted among students of the Moscow State Linguistic University in March-April, 2017.

Key words: students; satisfaction; satisfaction with the quality of education; individual satisfaction with education and its environment; universities; students; factors of satisfaction; sociological analysis.

Введение

Удовлетворенность качеством обучения в вузе является важным компонентом и условием успешного освоения студентами будущей профессиональной деятельности [Гоголева, Макарова 2015].

Среди целей образования, высшего образования в частности, федеральным законодательством заявлено *удовлетворение образовательных потребностей личности*, а также удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии [Федеральный закон, 2012]. Опираясь на данные нормативные положения, образовательную деятельность вуза можно рассматривать как деятельность по удовлетворению потребностей студентов в образовании и развитии. В связи с этим не случайно в процессе независимой оценки качества деятельности образовательных организаций экспертными комиссиями в последнее время всё чаще обращается внимание на удовлетворенность обучаемых качеством образовательной деятельности вуза.

Кроме независимых оценок анализ общественного мнения, удовлетворенность обучаемых образовательными услугами становится объектом внимания органов управления системой образования и внутривузовских систем менеджмента качества образовательной деятельности. Исследование удовлетворенности студентов различными аспектами образовательной деятельности вуза позволяет своевременно выявлять слабые стороны в работе вуза и более целенаправленно осуществлять меры по их усовершенствованию. Определение уровня удовлетворенности студентов обучением в вузе позволяет, таким образом, наряду с диагностической функцией обеспечить органы управления вуза информацией для принятия эффективных управленческих решений по развитию образовательных учреждений [Качество столичного образования... 2016].

По мнению некоторых авторов, одним из ключевых факторов успеха вуза становится сегодня удовлетворенность потребителей образовательных услуг. В связи с этим ориентацию на высокий уровень удовлетворенности студентов обучением в вузе предлагается рассматривать как основополагающую цель вуза. Для этого необходимо взаимодействие с обучающимися при обсуждении их потребностей и ожиданий; выявление уровня удовлетворенности путем использования регулярных опросов и других форм сбора структурированной информации [Спиридонова, Хомутова 2012].

Удовлетворенность обучением в вузе рассматривается в социологических источниках как интегрированное понятие, отражающее степень реализации социальных ожиданий студента от учебно-образовательной деятельности в вузе, сформированных в процессе его социализации [Спасский 2002].

Удовлетворенность исследуется преимущественно с использованием анкетного опроса, который позволяет с помощью набора индикаторов определить уровень удовлетворенности различными сторонами обучения в вузе, а при наличии единой системы индикаторов и регулярном проведении мониторинговых исследований, отслеживать данное явление в динамике.

Для изучения удовлетворенности обучением студентов МГЛУ в мае 2017 г. исследовательской группой кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук (ИМО и СПН) с использованием сайта *webanketa.com* был проведен анкетный онлайн-опрос студентов. В анкетировании приняли участие 2128 студентов и аспирантов всех курсов обучения со всех факультетов (институтов) МГЛУ, что составило около 33 % от штатной численности студентов МГЛУ. Для анализа удовлетворенности студентов качеством обучения предварительно были отсеяны респонденты с категоричными ответами (давшие крайние положительные и отрицательные ответы по всем показателям удовлетворенности), а также респонденты, не предоставившие ответы ни на один показатель удовлетворенности. В результате анализу были подвергнуты ответы 1715 студентов МГЛУ обучающихся на разных курсах (см. табл. 1).

Полученное число анкет позволило репрезентировать мнение студентов МГЛУ в целом и по курсам обучения.

Проведенный опрос показал, что студенческое сообщество МГЛУ в целом удовлетворено качеством обучения в вузе.

Таблица 1

Характеристика выборочной совокупности

Бакалавриат, специалитет (курс обучения)					Магистратура (курс обучения)		Аспирантура	Без указания курса обучения	Всего
I	II	III	IV	V	I	II			
495	291	330	237	21	106	36	13	186	1715

**Общая удовлетворенность студентов
качеством обучения и ее влияние на успешность освоения
ими учебных программ**

По шкале от 0 до 10 *уровень общей удовлетворенности качеством обучения* составил выше среднего значения – 6,6 баллов. Категоризация 11-балльной шкалы общей удовлетворенности качества обучения на несколько категорий (три, пять) позволила в аналитических целях дифференцировать студентов по уровням удовлетворенности качеством обучением. В результате категоризации удалось выяснить, что очень низкая (0–1 балл) и низкая (2–4 балла) удовлетворенность характерны только для 9% студентов. Другими словами, доля преимущественно неудовлетворенных качеством обучения студентов составляет в вузе не более 10%. Около 30% студентов имеют определенные претензии к качеству обучения в вузе, но в целом удовлетворены обучением и обладают средним уровнем удовлетворенности в диапазоне от 4 до 6 баллов. Большинство студентов МГЛУ (61%) отметили в ходе опроса высокую и очень высокую удовлетворенность качеством обучением (около 45% в диапазоне 7–8 баллов и около 17% в диапазоне – 9–10 баллов, соответственно), что свидетельствует о том, что подавляющее большинство в основном удовлетворено качеством обучения в МГЛУ на достаточно высоком уровне (см. табл. 2).

Сформированный за время учебы в вузе *уровень общей удовлетворенности студентов качеством обучения отражается на успешности обучения студентов в вузе*. Прежде всего, *уровень удовлетворенности отражается на уверенности в правильности выбранного вуза*. Большинство студентов неудовлетворенных качеством обучения в вузе разочарованы, и если бы случилось так, что им снова пришлось выбирать вуз, то МГЛУ не выбрали. В то

же время почти две трети студентов удовлетворенных качеством обучения на высоком уровне, при повторном выборе вуза снова бы выбрали МГЛУ в качестве вуза для профессиональной подготовки (см. табл. 3).

Таблица 2

Шкала (уровни) удовлетворенности студентов качеством обучения

3-уровневая оценка удовлетворен- ности качеством обучения	5-уровневая оценка удовлетворенности качеством обучения	Диапазон исходной шкалы	Для 3-уровневой шкалы (в %)	Для 5-уровневой шкалы (в %)
низкий	очень низкий	0–1	9,0	2,9
	низкий	2–3		6,1
средний	средний	4–6	29,7	29,7
высокий	высокий	7–8	61,3	44,5
	очень высокий	9–10		16,8

Таблица 3

Готовность повторного выбора вуза студентами с разным уровнем удовлетворенности качеством обучения

Если бы случилось так, что Вам пришлось выбирать вуз, то выбрали бы Вы МГЛУ снова?	Уровни удовлетворенности качеством обучения (в %)			Всего
	низкий	средний	высокий	
выбрали	12,1	24,1	64,2	47,6
не выбрали	71,1	31,2	6,9	19,8
затруднились ответить	16,8	44,7	29,0	32,6

Примечание: здесь и далее в таблицах жирным курсивом выделены максимальные значения.

Удовлетворенность качеством обучения отражается на посещаемости и учебных успехах студентов. Среди студентов удовлетворенных качеством обучения 55% посещают практически все занятия, в то время как среди неудовлетворенных студентов таковых 36%. Уровень посещаемости, безусловно, отражается на успеваемости студентов.

Доля студентов, удовлетворенных качеством обучения, среди студентов с положительными оценками в период сессии выше, чем

среди неуспевающих студентов. Статистически значимые различия (Z-критерий) в частоте встречаемости студентов с высоким уровнем удовлетворенности качеством обучения (выше 6 баллов) обнаружены среди студентов, обучающихся на «отлично» и «хорошо». Среди студентов, обучающихся только на «отлично» и «хорошо» / «отлично», около 65 % отмечают высокий уровень удовлетворенности качеством обучения в вузе, в то время как среди студентов имеющих неудовлетворительные оценки, таковых на треть меньше (46%). Доля обучаемых с низким уровнем удовлетворенности качеством обучения (ниже 4 баллов) среди студентов с неудовлетворительными оценками напротив составляет 15 %, в то время как среди успевающих на «хорошо» и «отлично» – около 10 %, а среди отличников – только 6 % (см. табл. 4).

Таблица 4

**Распределение студентов с разной успеваемостью
по уровням удовлетворенности качеством обучения в вузе (в %)**

Уровень удовлетворенности качеством обучения в вузе	Успеваемость на экзаменах и зачетах за последний семестр					Всего
	Только отличные оценки	Только хорошие и отличные	В основном хорошие оценки, но есть и удовлет- ворительные	В основном удовлетворитель- ные оценки	Была неудовлет- ворительная оценка	
низкий	6,3	9,7	8,1	13,3	15,4	9,0
средний	29,4	27,0	34,0	31,1	38,5	29,7
высокий	64,4	63,3	57,9	55,6	46,2	61,4

Профессиональное обучение в вузе можно признать успешным, если приобретенные в вузе профессиональные компетенции студент готов реализовать на рынке труда. Почти 60 % студентов МГЛУ выразили желание после окончания вуза работать по своей специальности и лишь около 14 % не имеют такого желания.

Уровень удовлетворенности качеством обучения существенно отражается на устойчивости профессиональной ориентированности студентов. Только 36 % студентов, неудовлетворенных качеством обучения, (низкий уровень удовлетворенности) готовы работать по своей специальности после окончания вуза, а каждый

третий (34 %) такого желания категорически не имеет. В то же время большинство студентов (67 %), удовлетворенных качеством обучения, (высокий уровень удовлетворенности) по полученной в вузе специальности готовы работать, а свою неготовность реализовать профессиональный выбор, сделанный на этапе поступления в вуз, выразили только около 9 % студентов (см. табл. 5).

Таблица 5

**Готовность студентов с разным уровнем удовлетворенности
качеством обучения работать по своей специальности
после окончания вуза**

Уровень удовлетворенности качеством обучения	Желание работать по своей специальности после окончания вуза (в %)		
	Желают	Не желают	Загруднились ответить
низкий	36,4	34,3	29,4
средний	48,4	18,4	33,1
высокий	66,6	8,6	24,8

Таким образом, уровень удовлетворенности качеством обучения играет важную роль с точки зрения успешности профессионального обучения. Значимость данного показателя для профессионального становления выпускников вуза подталкивает к анализу компонентов, определяющих и формирующих уровень общей удовлетворенности качеством обучения в вузе.

**Частная удовлетворенность студентов обучением
и образовательной средой**

Общая удовлетворенность качеством обучения в вузе складывается из различных составляющих. Для определения направлений по повышению удовлетворенности студентов качеством обучения в вузе важное значение имеет изучение *частной удовлетворенности*, которая отражает степень реализации студентами своих ожиданий по отношению к конкретным компонентам обучения и образовательной среды, в которой осуществляется их обучающая деятельность.

Анализ публикаций [Спасский 2002; Спиридонова, Хомутова 2012; Середа, Рябова 2013; Гоголева, Макарова 2015; Образцов, Журавлева 2015] по проблемам удовлетворенности студентов

обучением в вузе свидетельствует о том, что как единого методического подхода, так и системы индикаторов для оценки частной удовлетворенности студентов обучением в вузах пока не сложилось. В разных вузах выделяются различные частные показатели удовлетворенности качеством обучения. Например, в некоторых из них исследуются такие показатели как: соотношение цены и качества; обеспечение научно-технической базы (учебное оборудование, библиотека, учебно-методические пособия и др.); удовлетворенность дополнительным образованием (программами повышения квалификации, профессиональной подготовки, научными кружками, секциями и т. д.); возможностью трудоустройства после окончания вуза. Другие исследователи акцентируют внимание на удовлетворенности студентов своим положением в группе, социальным комфортом во время учебы, профессиональным выбором и межличностными отношениями.

Обобщив существующие подходы, А. А. Спиридонова и Е. Г. Хомутова предложили сгруппировать различные показатели удовлетворенности обучением в вузе в четыре группы: удовлетворенность материально-техническим обеспечением учебного процесса, организацией научно-исследовательской работы студентов, социально-бытовыми условиями и социально-психологическим климатом [Спиридонова, Хомутова 2012]. На наш взгляд, наряду с выделенными показателями, также заслуживает внимания блок индикаторов, отражающих *степень реализации ожиданий студентов* от качества, содержания и организации учебного процесса.

Таким образом, при проведении исследования нами было выделено шесть основных компонентов частной удовлетворенности:

- 1) удовлетворенность качеством и содержанием обучения;
- 2) удовлетворенность организацией процесса обучения и практики, научным руководством;
- 3) удовлетворенность организацией внеучебной и научной деятельности;
- 4) удовлетворенность социально-бытовыми условиями;
- 5) удовлетворенность материально-техническим обеспечением учебного процесса;
- 6) удовлетворенность социально-психологическим климатом в коллективе.

Каждый из данных комплексных показателей имел свои индикаторы, позволяющие оценить характер удовлетворенности студентами основными сферами их жизни и деятельности в вузе (см. табл. 6).

Таблица 6

**Средние и медианные значения частных показателей
удовлетворенности обучением и образовательной средой**

	Среднее	Медиана
I. Удовлетворенность качеством и содержанием обучения		
качеством обучения по первому иностранному языку	8,21	9,00
качеством обучения по второму иностранному языку	7,51	8,00
качеством обучения по общепрофессиональным дисциплинам, дисциплинам специализации	6,89	7,00
качеством обучения по социально-экономическим и гуманитарным дисциплинам	6,85	7,00
содержанием образовательной программы в целом	6,56	7,00
качеством обучения по физической культуре	5,61	6,00
II. Удовлетворенность организацией процесса обучения и практики, научным руководством		
уровнем научного руководства курсовыми / квалификационными работами	7,17	8,00
уровнем контроля знаний со стороны администрации в ходе семестра	6,98	7,00
местом (организацией) прохождения практики	6,39	8,00
содержанием обязанностей, выполняемых в ходе практики	6,29	7,00
организацией самостоятельной работы	6,00	6,00
расписанием занятий	5,56	6,00
организацией (сроками, расписанием) сессии	5,06	5,00
III. Удовлетворенность организацией внеучебной и научной деятельности		
организацией культурных и досуговых мероприятий в МГЛУ	5,20	5,00
организацией работы кружков студенческого научного общества	5,11	5,00
организацией спортивно-массовой работы в МГЛУ	4,90	5,00
IV. Удовлетворенность социально-бытовыми условиями		
качеством питания в столовой и кафе	6,62	7,00

	Среднее	Медиана
организацией питания (временем работы, обслуживания, ценами)	6,10	7,00
чистой и порядком в аудиториях, помещениях университета	5,88	6,00
условиями проживания в общежитии	3,64	3,00
состоянием туалетных комнат	2,23	1,00
V. Удовлетворенность материально-техническим обеспечением учебного процесса		
работой библиотек	7,08	8,00
работой электронной-библиотечной системы	6,43	7,00
инфраструктурой университета в целом	5,29	5,00
оборудованием аудиторий для занятий	5,05	5,00
доступностью Интернета в МГЛУ	4,14	4,00
VI. Удовлетворенность социально-психологическим климатом		
взаимоотношениями в учебной (языковой) группе	7,99	9,00
взаимоотношениями с преподавателями	7,80	8,00
взаимоотношениями на учебном курсе	7,57	8,00
взаимоотношениями с сотрудниками деканата факультета (института)	6,76	7,00

Анализ *удовлетворенности студентов МГЛУ содержанием обучения* показывает, что большинство показателей данного компонента имеют средние значения в диапазоне высокого уровня (выше 6 баллов), что свидетельствует о том, что ожидания большинства студентов МГЛУ относительно качества преподавания и содержания образовательных программ преимущественно реализованы. Больше всего студенты МГЛУ *удовлетворены качеством обучения иностранных языков* (8,2 балла – удовлетворенность качеством обучения по первому иностранному языку и 7,5 баллов – качеством обучения по второму иностранному языку), что в целом оправдывается лингвистической специализацией вуза и важно с точки зрения общей удовлетворенности обучением, так как выбор университета у большинства студентов (у 70 %) был связан с лингвистическим профилем и желанием освоить на профессиональном уровне иностранные языки. О высоком уровне удовлетворенности качеством преподавания иностранных языков свидетельствуют также медианные оценки. Каждый второй студент (более 50 %) оценил свою удовлетворенность качеством обучения по первому

иностранному языку на очень высоком уровне (9–10 баллов), а по второму иностранному языку на уровне 8–10 баллов.

Уровень *удовлетворенности содержанием образовательных программ в целом и качеством обучения по социально-экономическим, гуманитарным и общепрофессиональным дисциплинам* составляет от 6,5 до 6,9 баллов. Каждый второй студент оценивает свою удовлетворенность данными показателями выше 7 баллов, что характеризует качество обучения по данным циклам учебных дисциплин также на высоком уровне.

Среднее значение среди показателей качества и содержания обучения отмечается по показателю *удовлетворенность качеством обучения по физической культуре* – 5,6. Данное значение соответствует среднему уровню удовлетворенности, но свидетельствует о том, что ожидания студентов от данного предмета реализованы не в полной мере. Анализ открытых вопросов показал, что неудовлетворенность студентов чаще всего связана с большим количеством занятий по физической культуре, завышенными требованиями и сложившейся балльной системой оценивания, местом проведением занятий (особенно беспокоит проведение занятий на улице, не взирая на погодные условия), отношением и компетентностью преподавателей.

Анализ *удовлетворенности студентов МГЛУ организацией учебного процесса* в вузе показал, что некоторые направления в данной области нуждаются в оптимизации. Прежде всего это относится к *организации сессии (расписанию, срокам) и расписанию занятий*. Фактическое значение удовлетворенности студентов данными показателями соответствует среднему уровню и находится в диапазоне – 5,1–5,6 баллов. Стоит обратить внимание, что неудовлетворенность организацией сессии (значения менее 4 баллов) отметили 30% студентов, а расписанием занятий – каждый четвертый студент (25%). В открытых вопросах студенты часто отмечали, что неудовлетворенность расписанием занятий вызвана временем начала занятий, удаленностью территорий, вторыми сменами, окнами между парами и разбросом занятий по нескольким территориям в один день.

Средний уровень удовлетворенности наблюдается также по отношению к *организации самостоятельной работы* студентов (среднее значение – 6 баллов). Основные претензии неудовлетворенных

студентов вызваны большими нагрузками в часы самостоятельной работы. Характерно, что среди студентов старших курсов обучения (III–V курсы) неудовлетворенность организацией самостоятельной работой встречается чаще, чем среди студентов I–II курсов, что вызвано вероятнее всего более возрастающими требованиями преподавателей, вторичной занятостью старшекурсников и недостатком времени для качественной самостоятельной работы.

Отдельного внимания при разработке мероприятий по совершенствованию удовлетворенности обучением заслуживает организация производственной практики. Средний уровень *удовлетворенности местом (организацией) и содержанием прохождения практики* составил по данным опроса – около 6,5 баллов. Несмотря на то, что фактическое значение находится в диапазоне выше среднего уровня, особое внимание в вузе следует обратить на организацию практики в бакалавриате, так как бакалавры не удовлетворены местом и содержанием практики чаще, чем магистранты. Среди магистрантов второго курса и аспирантов наблюдаются более высокие значения удовлетворенности организацией и содержанием практики (7,5–9,1 баллов), что, скорее всего, связано с тем, что они чаще проходят ее по месту уже имеющегося трудоустройства, а работа в ходе практики, в связи с накопленными профессиональными компетенциями, становится более содержательной и интересной.

Качеством научного руководства курсовыми и выпускными квалификационными работами студенты МГЛУ удовлетворены на высоком уровне (среднее значение составило 7,2 балла). Значительная доля студентов (42%) отметили удовлетворенность данным показателем на очень высоком уровне (9–10 баллов), еще около 25% оценили свою удовлетворенность на уровне 7–8 баллов. Таким образом, ожидания подавляющего большинства студентов (около 70%) от качества научного руководства курсовыми и квалификационными работами можно назвать реализованными.

Анализ *уровня удовлетворенности студентов внеучебной деятельностью* свидетельствует о необходимости совершенствования данной сферы жизни и деятельности студентов, возможно, даже на основе дополнительного исследования, ввиду своей обширности и важности для студентов. Средние значения показателей удовлетворенности студентов организацией в вузе культурно-досуговых и спортивно-массовых мероприятий, находятся

в диапазоне 4,9–5,2 баллов, что свидетельствует о наличии у существенной части студентов нереализованных ожиданий в данной сфере. Студенческая молодежь традиционно придает данному направлению существенное значение, что с учетом невысоких показателей удовлетворенности должно подтолкнуть органы управления совместно с органами студенческого самоуправления уделить развитию данной сферы особое внимание.

Необходимость развития культурно-досуговой жизни студентов в вузе часто упоминалась в студенческих комментариях в ходе опроса, с вполне конкретными предложениями, которые желательно органам воспитательной работы учесть при разработке планов по совершенствованию данного направления. Вместе с тем наибольшую неудовлетворенность студенты выражают организацией спортивно-массовой работой (4,9 балла). Несмотря на высказывания относительно завышенных требований на учебных занятиях по физической культуре, в открытых вопросах студенты предлагают расширить число спортивных секций в вузе, сделать более доступными занятия спортом и физкультурой во вне учебное время.

Определенный вклад в общую удовлетворенность обучением в вузе вносят *социально-бытовые условия*. Если *организация и качество питания* основную массу студентов удовлетворяет на среднем уровне (6–7 баллов), то условия проживания в общежитии и состояние туалетных комнат вызывает у студентов наибольшую озабоченность. Каждый второй студент отметил в ходе опроса крайне низкую неудовлетворенность (0–1 балл) состоянием туалетных комнат, а в открытых вопросах студенты оставили очень много отрицательных комментариев и просьб навести в них порядок. Среднее значение удовлетворенности данным показателем составило 2,2 балла по шкале от 0 до 10 и стало самым низким из всех частных показателей удовлетворенности.

Достаточно низкий уровень удовлетворенности фиксируется также относительно *условий проживания в общежитии* (3,3 балла). Однако стоит отметить, что студенты, проживающие в общежитии, поставили более высокие оценки. Средний балл студентов проживающих в студенческом общежитии и принимавших участие в опросе (155 респондентов) составил по данным опроса 5 баллов, против 3,3 баллов в целом по выборке.

Среди показателей, характеризующих *удовлетворенность студентов материально-техническим обеспечением учебного*

процесса, высоким уровнем (выше 6 баллов) отличается только удовлетворенность работой библиотеки (7,1 балла) и электронно-библиотечной системы (6,4 балла). В то же время в открытых комментариях студенты часто просят обновить книжный фонд, заменить старые учебники, увеличить число учебных пособий, обеспечить работу библиотеки для магистров, обучающихся после 18 часов. Удовлетворенность студентов инфраструктурой университета в целом и оборудованием аудиторий для занятий, в частности находится в диапазоне 5–5,3 баллов, т. е. в районе среднего уровня удовлетворенности и безусловно нуждается в дальнейшем совершенствовании и развитии. Наибольшую неудовлетворенность у студентов в данной группе показателей вызывает *доступность Интернета на территории вуза* (среднее значение – 4,1 балла). Учитывая невысокий уровень удовлетворенности и высокую значимость, которая придается современными студентами доступности Интернета, следует также обратить внимание на развитие данного компонента инфраструктуры, обеспечив студентам доступ к бесплатному Wi-Fi на всех учебных территориях.

В ходе проведенного опроса было выявлено, что наибольшую удовлетворенность, после качества преподавания иностранного языка, у студентов вызывают взаимоотношения в учебных коллективах и с преподавателями. В связи с чем можно с уверенностью сказать, что большинство студентов *удовлетворены социально-психологическим климатом*, сложившимся в университете в целом и в конкретных учебных коллективах. Три частных показателя из данной группы (удовлетворенность взаимоотношениями в учебной (языковой) группе, на курсе и с преподавателями) имеют средние и медианные оценки выше 7 баллов. Наибольшую удовлетворенность у студентов вызывают отношения в малых группах – учебной (языковой) группе. Более 50% студентов отметили очень высокую удовлетворенность (на уровне 9–10 баллов) сложившимися отношениями в группе. Удовлетворенность отношениями на учебном курсе и с преподавателями каждый второй оценил в диапазоне 8–10 баллов. Чуть меньшую удовлетворенность (6,8 балла) в данной группе показателей вызывают у студентов взаимоотношения с сотрудниками деканата. В ходе открытых ответов студенты достаточно часто отмечали в комментариях к открытым вопросам неуважительное отношение сотрудников некоторых деканатов и просили общаться со студентами доброжелательнее.

Все проанализированные частные показатели вносят определенный вклад в формирование общего уровня удовлетворенности качеством обучения в вузе. Однофакторный дисперсионный анализ (F-критерий) подтвердил наличие статистически значимых различий в средних значениях частных показателей удовлетворенности в студенческих группах отличающихся уровнем общей удовлетворенности. Чем выше уровень общей удовлетворенности качеством обучения, тем выше все средние значения частных показателей удовлетворенности обучением и образовательной средой. Полученные данные подтверждают таким образом значимость всех отобранных частных показателей для анализа удовлетворенности качеством обучения в вузе и подталкивают к анализу частных компонентов удовлетворенности среди студентов с различным уровнем удовлетворенности (см. табл. 7).

Таблица 7

Средние значения частных показателей удовлетворенности обучением и образовательной средой среди студентов с разным уровнем общей удовлетворенности качеством обучения

Параметры удовлетворенности	Уровень общей удовлетворенности качеством обучения			
	Низкий	Средний	Высокий	Всего
качеством обучения по первому иностранному языку	5,83	7,54	8,88	8,21
взаимоотношениями в Вашей учебной (языковой) группе	6,43	7,58	8,43	8,00
взаимоотношениями с преподавателями	5,42	7,05	8,53	7,81
взаимоотношениями на учебном курсе	5,93	7,00	8,10	7,58
качеством обучения по второму иностранному языку	5,69	6,88	8,10	7,52
уровнем научного руководства курсовыми / выпускными квалификационными работами	4,73	6,32	8,06	7,16
работой библиотек	5,24	6,55	7,56	7,07
уровнем контроля знаний со стороны администрации в ходе семестра	4,83	6,01	7,74	6,97
качеством обучения по общепрофессиональным дисциплинам, дисциплинам специализации	4,39	5,97	7,75	6,91

Параметры удовлетворенности	Уровень общей удовлетворенности качеством обучения			
	Низкий	Средний	Высокий	Всего
качеством обучения по социально-экономическим и гуманитарным дисциплинам	4,54	5,98	7,61	6,85
взаимоотношениями с сотрудниками деканата факультета (института)	3,89	5,85	7,63	6,76
качеством питания в столовой и кафе МГЛУ	4,85	6,03	7,17	6,62
содержанием образовательной программы в целом	3,52	5,46	7,56	6,57
работой электронной-библиотечной системы	3,32	5,67	7,27	6,43
местом (организацией) прохождения практики	4,18	5,47	7,37	6,41
содержанием обязанностей, выполняемых в ходе практики	4,22	5,50	7,20	6,31
организацией питания (временем работы, обслуживания, ценами)	4,18	5,57	6,65	6,10
организацией самостоятельной работы	3,09	5,05	6,92	6,01
чистой и порядком в аудиториях, помещениях университета	4,12	5,27	6,46	5,89
качеством обучения по физической культуре	3,60	5,04	6,22	5,62
расписанием занятий	3,35	4,95	6,18	5,56
деятельностью органов студенческого самоуправления	2,56	4,62	6,21	5,32
инфраструктурой университета в целом	2,82	4,11	6,22	5,29
организацией культурных и досуговых мероприятий в МГЛУ	2,56	4,25	6,11	5,22
организацией работы кружков студенческого научного общества	2,51	4,17	6,09	5,12
организацией (сроками, расписанием) сессии	2,89	4,20	5,84	5,09
оборудованием аудиторий для занятий	2,86	4,08	5,83	5,05
организацией спортивно-массовой работы в МГЛУ	2,49	4,12	5,77	4,91
помощью выпускающей кафедры, факультета в трудоустройстве	1,71	3,59	6,16	4,83
доступностью Интернета в МГЛУ	2,47	3,32	4,84	4,17
условиями проживания в общежитии	1,67	2,48	4,74	3,65
состоянием туалетных комнат	1,07	1,62	2,69	2,22

Рейтинг наиболее критичных показателей среди студентов с различным уровнем удовлетворенности качеством обучения существенно не отличается. Наиболее критично студентами с любым уровнем удовлетворенности оценивается:

- состояние туалетных комнат;
- условия проживания в общежитии;
- доступность Интернета на территориях университета;
- организация спортивно-массовой работы в вузе.

Иными словами, компоненты, напрямую не связанные с содержанием образовательного процесса, но требующие особого внимания ввиду достаточно низких значений, особенно среди неудовлетворенных качеством обучения студентов.

Среди отличий можно лишь отметить, что у студентов с высоким уровнем удовлетворенности в пять наиболее низких показателей удовлетворенности входит оснащённость аудиторий оборудованием для занятий (5,8), что является признаком особой озабоченности среди данной категории студентов и, безусловно, требует своего совершенствования.

Анализ разницы частных показателей между неудовлетворенными и наиболее удовлетворенными студентами позволяет выявить частные показатели, вносящие наибольший вклад в дифференциацию студентов по уровням удовлетворенности качеством обучения. Так, дифференцирующими показателями, вносящими существенный вклад в различия между группами студентов с крайними уровнями общей удовлетворенности, являются:

- удовлетворенность помощью выпускающей кафедры, факультета в трудоустройстве (разница между группой с низким и высоким уровнем общей удовлетворенности – 4,45 балла);
- удовлетворенность содержанием образовательной программы в целом (разница – 4,0 балла);
- удовлетворенность работой электронной-библиотечной системы (разница – 3,9 балла);
- удовлетворенность организацией самостоятельной работы (разница – 3,8 балла);
- удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками деканата факультета (института) (разница – 3,7 балла).

Наибольшая разница между группами с высокой и низкой удовлетворенностью указывает на то, что именно данные показатели

в наибольшей степени отличают удовлетворенных и неудовлетворенных студентов и на них следует обратить первоочередное внимание для снижения доли неудовлетворенных студентов.

Частные показатели удовлетворенности обучением вносят разный вклад в общую удовлетворенность качеством обучения. С использованием корреляционного анализа удалось установить, что общая удовлетворенность обучением в вузе наиболее коррелирует¹ с частными показателями, характеризующими удовлетворенность содержанием обучения (удовлетворенность содержанием образовательной программы в целом, качеством обучения по общепрофессиональным (специальным), социально-экономическим и гуманитарным дисциплинам), уровнем поддержки выпускающих кафедр в трудоустройстве и взаимоотношениями с преподавателями.

Чем выше балльные значения по данным частным показателям, тем выше вероятность высоких значений общей удовлетворенностью качеством обучения, и напротив, чем ниже удовлетворенность перечисленными показателями, тем ниже общий уровень удовлетворенностью качеством обучения в вузе. Высокий уровень корреляции подсказывает, что повышение уровня удовлетворенности по данным показателям даст более вероятное повышение общей удовлетворенности качеством обучения в вузе и поэтому на их развитие важно обращать внимание при разработке мероприятий по повышению удовлетворенности обучением в вузе.

Наиболее низкая корреляция общей удовлетворенности обучением в вузе (значение коэффициента корреляции Спирмена менее 0,3) наблюдается с частными показателями, характеризующими социально-бытовые условия обучения (удовлетворенность качеством и организацией питания; чистотой и порядком в аудиториях, помещениях университета; состоянием туалетных комнат), а также удовлетворенностью качеством обучения физической культуре и взаимоотношениями в учебной группе (см. табл. 8).

Низкие значения коэффициента корреляции свидетельствуют о том, что их влияние на общую удовлетворенность качеством обучения в вузе (несмотря на низкие значения по некоторым частным показателям) носит слабый линейный характер. Несмотря на

¹Значение коэффициента корреляции Спирмена более 0,50, значимость на уровне 0,01.

низкие средние значения по данным показателям, не имеют существенного вклада в общую удовлетворенность качеством обучения в вузе. Это совсем не означает, что данные сферы жизни и деятельности вуза не должны совершенствоваться, но ожидать существенного изменения общей удовлетворенности качеством обучения после повышения уровня удовлетворенности по частным показателям, скорее всего, не стоит.

Таблица 8

Корреляция общей удовлетворенности качеством обучения в вузе с частными показателями удовлетворенности обучением и образовательной средой¹

Виды удовлетворенности	Коэффициент корреляции Спирмена
Удовлетворенность содержанием образовательной программы в целом	0,61
Удовлетворенность качеством обучения по общепрофессиональным дисциплинам, дисциплинам специализации	0,55
Удовлетворенность качеством обучения по социально-экономическим и гуманитарным дисциплинам	0,53
Удовлетворенность помощью выпускающей кафедры, факультета в трудоустройстве	0,53
Удовлетворенность взаимоотношениями с преподавателями	0,51
Удовлетворенность инфраструктурой университета в целом	0,49
Удовлетворенность организацией самостоятельной работы	0,48
Удовлетворенность качеством обучения по первому иностранному языку	0,46
Удовлетворенность уровнем научного руководства курсовыми / выпускными квалификационными работами	0,46
Удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками деканата	0,45
Удовлетворенность работой электронной-библиотечной системы	0,44
Удовлетворенность условиями проживания в общежитии	0,43
Удовлетворенность организацией работы кружков студенческого научного общества	0,43

¹ Значения всех приведенных коэффициентов корреляции значимы на уровне 0,01 (корреляция двусторонняя).

Виды удовлетворенности	Коэффициент корреляции Спирмена
Удовлетворенность организацией культурных и досуговых мероприятий в МГЛУ	0,43
Удовлетворенность уровнем контроля знаний со стороны администрации в ходе семестра	0,43
Удовлетворенность оборудованием аудиторий для занятий	0,42
Удовлетворенность деятельностью органов студенческого самоуправления	0,42
Удовлетворенность местом (организацией) прохождения практики	0,40
Удовлетворенность организацией спортивно-массовой работы в МГЛУ	0,40
Удовлетворенность содержанием обязанностей, выполняемых в ходе практики	0,39
Удовлетворенность взаимоотношениями на учебном курсе	0,37
Удовлетворенность организацией (сроками, расписанием) сессии	0,36
Удовлетворенность качеством обучения по второму иностранному языку	0,35
Удовлетворенность расписанием занятий	0,32
Удовлетворенность доступностью Интернета в МГЛУ	0,32
Удовлетворенность работой библиотек	0,31
Удовлетворенность качеством питания в столовой и кафе МГЛУ	0,30
Удовлетворенность чистотой и порядком в аудиториях, помещениях университета	0,30
Удовлетворенность организацией питания (временем работы, обслуживания, ценами)	0,28
Удовлетворенность взаимоотношениями в Вашей учебной (языковой) группе	0,28
Удовлетворенность качеством обучения по физической культуре	0,27
Удовлетворенность состоянием туалетных комнат	0,27

Заключение

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что добиться успешной профессиональной подготовки студентов без достаточного уровня их удовлетворенности обучением в современных условиях

достаточно проблематично. Обеспечение оптимального уровня удовлетворенности обучением в вузе является одной из важнейших задач органов управления высшего профессионального учебного заведения. В целях повышения уровня удовлетворенности учебной студента в вузе необходимо осуществлять тесное взаимодействие с обучающимся контингентом.

Регулярное (в мониторинговом режиме) проведение социологических исследований по данной проблеме позволяют оперативно отслеживать состояние и динамику удовлетворенности качеством обучения и принимать взвешенные управленческие решения. Описанные в публикации фактические показатели степени удовлетворенности студентов обучением в вузе, апробированные в МГЛУ, могут рассматриваться в качестве информационного источника для разработки мероприятий по повышению эффективности управления образовательным процессом в вузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гоголева М.Н., Макарова А.П. Удовлетворенность учебной деятельностью студентами гуманитарного и технического профиля // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5–2. С. 192.
- Качество столичного образования в оценках основных субъектов образовательного процесса: Монография / А. Я. Касюк [и др.] М.: Русайнс, 2016. 294 с.
- Образцов И.В., Журавлева В.В. Социально-психологический портрет абитуриента МГЛУ // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Серия: Общественные науки. 2015. № 26 (737). С. 165–176.
- Серёда Е.И., Рябова К.С. Удовлетворенность профессиональным обучением как компонент субъективного благополучия студентов вуза // Вестник Псковского гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. С. 171–176.
- Спасский А. С. Теоретические основы социологического изучения содержания понятия «удовлетворенность студента учебной в вузе» // Право и образование. 2002. № 2. С. 83–96.
- Спирidonova А. А., Хомутова Е. Г. Исследование удовлетворенности студентов: подход, ориентированный на запросы потребителей // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 3. 2012. С. 91–96.
- Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.05. 2017) «Об образовании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

УДК 316.75

Е. П. Перкова

ст. преподаватель кафедры социологии, психологии и социального менеджмента Московского авиационного института (НИУ);
e-mail: perkovaep@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В статье приводятся результаты исследования организационной культуры крупного промышленного предприятия московского региона. Анализируются существующий и желаемый типы культуры, оценивается сила организационной культуры исследуемого предприятия. Фиксируются недостатки, присущие организационной культуре предприятия и предлагаются меры по их устранению.

Ключевые слова: организационная культура; оборонно-промышленный комплекс; предприятие ракетно-космической промышленности; тип организационной культуры; сила организационной культуры; управленческие методы формирования организационной культуры; ценностно-ориентационное единство; групповая сплоченность.

Perkova E. P.

Senior Teacher of Department of Sociology, Psychology and Social Management of the Moscow Aviation Institute; e-mail: perkovaep@yandex.ru

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF FEATURES OF ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE MODERN ENTERPRISE OF THE SPACE-ROCKET INDUSTRY

Results of a research of organizational culture of the large industrial enterprise of the Moscow region are given in article. The existing and desirable type of culture is analyzed, force of organizational culture of the studied enterprise is estimated. The shortcomings inherent in the organizational culture of the enterprise are fixed and measures for their elimination are proposed.

Key words: organizational culture; defense industry complex; enterprises of the space-rocket industry; type of organizational culture; force of organizational culture; administrative methods of formation of organizational culture; valuable and orientation unity; group unity.

Организационная культура современного предприятия, формируемая в производственных коллективах, является связующим звеном между внешней средой организации и ее целями, социальными

функциями, что позволяет эффективно выполнять современные задачи, которые ставит перед предприятиями отрасль.

На сегодняшний день существует множество определений и подходов к изучению организационной культуры. С. Дэвис, А. Кромби, Х. Шварц, Л. Эллридж рассматривают организационную культуру как совокупность убеждений и норм, которые определяют способ объединения людей в группы и характер поведения в этих группах для достижения общих целей. Зарубежные ученые (С. Мишон, Г. Морган, У. Оучи, Л. Смирнич, П. Штерн), а также некоторые отечественные (А. О. Блинов, О. В. Василевская, О. С. Виханский, А. И. Наумов) придерживаются подхода к организационной культуре как способу существования организационной деятельности посредством использования смысловых систем (языка, церемоний, ритуалов, традиций). К. Голд, Г. Хофстеде определяют ее как воспринимаемые коллективные особенности, которые отличают членов одной организации от другой. В данном исследовании был использован подход, который рассматривает организационную культуру как коллективные базовые правила, выработанные группой при решении реальных проблем для адаптации к внешней среде и внутренней интеграции. Среди зарубежных исследователей в таком аспекте организационную культуру рассматривают Э. Браун и Э. Шейн, среди российских ученых – Т. О. Соломанидина и В. А. Спивак.

Одной из практических социологических методик выявления типологических особенностей организационной культуры является методика К. Камерона и Р. Куинна OCAI, которая базируется на теоретической модели «Рамочная конструкция конкурирующих ценностей». На основании этой модели выводятся четыре доминирующих типа корпоративной культуры (см. табл. 1). Все они служат фундаментом для OCAI. Инструмент был разработан на основе анализа эмпирических исследований 39 индикаторов, определяющих исчерпывающий набор измерителей организационной эффективности. Инструмент предназначен для оценки эффективности корпоративной культуры и определения тех ее аспектов, которые для компании желательно изменить, а также рассматривает те аспекты, которые определяют фундамент культуры организации [Камерон, Куин 2001].

Таблица 1

Характеристики главных типов культуры

Клановая культура	Адхократическая культура
Дружественная обстановка на работе, где у людей много общего. Организация похожа на большую семью. Лидер, или глава, воспринимается как воспитатель и даже как родитель. Организация держится вместе благодаря преданности и традиции. Высоко ценится обязательность. Организация делает акцент на долгосрочной выгоде совершенствования личности, придает значение высокой степени сплоченности коллектива и моральному климату. Успех определяется в терминах «доброе чувство к потребителям» и «забота о людях». Организация поощряет бригадную работу, участие сотрудников в бизнесе и согласие	Динамичное предпринимательское и творческое место работы. Люди преданы работе и готовы идти на риск. Лидеры считаются новаторами и людьми, готовыми рисковать. Связующей сущностью организации является преданность экспериментированию и новаторству. Подчеркивается необходимость деятельности на переднем рубеже. В долгосрочной перспективе организация делает акцент на росте и обретении новых ресурсов. Успех означает производство / предоставление уникальных и новых продуктов и / или услуг. Важно быть лидером на рынке продукции или услуг. Организация поощряет личную инициативу и свободу
Иерархическая культура	Рыночная культура
Очень формализованное и структурированное место работы. Тем, что делают люди, управляют процедуры. Лидеры гордятся тем, что они – рационально мыслящие координаторы и организаторы. Критически важно поддержание плавного хода деятельности. Организацию объединяют формальные правила и официальная политика. Долгосрочные заботы организации состоят в обеспечении стабильности и показателей плавного хода рентабельного выполнения операций. Успех определяется в терминах «надежность поставок», «календарные графики» и «низкие затраты». Управление наемными работниками озабочено гарантией занятости и обеспечением долгосрочной предсказуемости	Организация, ориентированная на результаты, главной заботой которой является выполнение поставленной задачи. Люди целеустремленны и соперничают между собой. Лидеры – твердые руководители и суровые конкуренты. Они неколебимы и требовательны. Организацию связывает воедино стремление побеждать. Репутация и успех являются общей заботой. Фокус перспективной стратегии настроен на конкурентные действия, решение поставленных задач и достижение измеримых целей. Успех определяется в терминах «проникновение на рынки» и «увеличение доли на рынке». Важно конкурентное ценообразование и лидерство на рынке. Стиль организации – жестко проводимая линия на конкурентоспособность

Опираясь на методику К. Камерона и Р. Куинна, на одном из предприятий ракетно-космической промышленности Московского региона в марте–апреле 2017 г. автором было проведено социологическое исследование (с использованием метода анкетного опроса; было опрошено 247 сотрудников предприятия).

Исследование показало, что изучаемой организации присуща иерархическая организационная культура: очень формализованное и структурированное место работы. Часто ее называют бюрократическим типом культуры. В организации одобряется инициатива, направленная соблюдение формальных правил и поддержание официальной политики. Управление работниками предполагает озабоченность гарантией занятости и обеспечением долгосрочной предсказуемости [Данилюк 2015].

Организации такого типа не ориентированы на достижение цели, не инновационны, критерии их успеха не базируются на обладании уникальной и новейшей продукцией. Таким образом, можно сделать вывод о том, что существующий тип организационной культуры негативно влияет на достижение поставленных перед предприятием целей.

В ходе анализа данных было выявлено, что сотрудники хотят, чтобы их организация имела либо клановую организационную культуру (в которой организация похожа на большую семью, есть преданность, традиции, акцент делается на долгосрочной выгоде совершенствования личности, придается значение высокой сплоченности коллектива и моральному климату), либо рыночную (в которой организация ориентирована на результат, ее главное выполнение поставленной задачи и стремление к победе). Именно такие типы культур могут позволить предприятию достичь поставленные перед ним стратегические цели.

Нами был проведен анализ зависимости желаемого типа организационной культуры от возраста сотрудников (см. табл. 2). В связи с тем, что молодые сотрудники в основном выбирают клановый и рыночный тип культуры, возникла необходимость оценки лояльности данной категории сотрудников к предприятию. Было выяснено, что в условиях кризисной ситуации большинство сотрудников категорий до 29 лет (52,4 %) и 30–39 лет (28,7 %), скорее всего, уйдут из организации.

Вместе с тем нужно обратить внимание на ситуацию с текучестью молодых работников в возрасте до 29 лет. Текучесть кадров

в данной категории персонала характеризуется достаточно высоким значением (более 20 %) и имеет крайне низкую тенденцию к снижению (всего около 1,5 % в год). Это указывает на недостаточную организацию работы с молодежью, применение неэффективных технологий работы с этой категорией персонала и в первую очередь по адаптации молодежи, недостаточность контроля и влияния на работу с молодежью в трудовых коллективах подразделений.

Таблица 2

**Соотношение желаемого типа организационной культуры
с возрастом сотрудников (%)**

	до 29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и старше	Итого
Клановая культура	41,1	64,7	37,5	0,0	33,3	50,0
Адхократическая культура	17,6	5,9	0,0	0,0	0,0	8,7
Рыночная культура	35,3	17,6	50,0	100,0	66,7	34,8
Иерархическая культура	0,0	11,8	12,5	0,0	0,0	6,5
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таким образом, было выявлено обратное отношение между реальным и желаемым типом организационной культуры. Большинство сотрудников хотели бы работать в организации с клановым или рыночным типом культуры. Анализ показал, что такой выбор был характерен в основном для молодых специалистов. При этом в организации высокий уровень текучести данной категории персонала. Это позволяет сделать вывод, что именно неудовлетворенность типом организационной культуры является причиной ухода молодых специалистов из организации.

В ходе дальнейшего анализа была оценена сила существующей на предприятии организационной культуры. Сильная культура – это совпадение ценностных ориентаций (высокий показатель по ценностно-ориентационному единству (ЦОЕ)) сотрудников, а также высокий индекс групповой сплоченности. По терминальным ценностям значение ЦОЕ составляет 28,3 %, по инструментальным – 26,2 %. Среднее значение ЦОЕ в организации равно 27,24 % и является достаточно низким (< 30 %). Сотрудникам

предлагалось выбрать пять жизненно значимых ценностей, далее было проведено сравнение наиболее важных ценностей: по мнению административно-управленческого и по мнению остального персонала (см. табл. 3). Важно отметить, что ценности сотрудников этих подразделений существенно отличаются между собой и имеют совпадение только по двум параметрам из пяти и по терминальным ценностям (интересная работа и жизненная мудрость), и по инструментальным (ответственность и воспитанность). Таким образом, руководители и рядовые работники имеют различные ценности, что оказывает негативное влияние на силу организационной культуры предприятия.

Таблица 3

Разделение мнений о наиболее важных ценностях

	Терминальные ценности	Инструментальные ценности
Административно-управленческий персонал	1. Материально обеспеченная жизнь 2. Жизненная мудрость 3. Активная деятельная жизнь 4. Интересная работа 5. Уверенность в себе и внутренняя гармония	1. Ответственность 2. Терпимость 3. Честность 4. Воспитанность 5. Смелость
Конструкторский и производственный персонал	1. Интересная работа 2. Познание 3. Наличие хороших и верных друзей 4. Возможность творческой деятельности 5. Жизненная мудрость	1. Рационализм 2. Ответственность 3. Исполнительность 4. Самоконтроль 5. Воспитанность

Определенный в ходе социологического опроса индекс групповой сплоченности свидетельствует о том, что уровень интеграции группы ниже средней. Для того чтобы определить причины такого низкого значения показателя, был проведен анализ факторов, влияющих на организационную культуру.

Что касается управленческих методов формирования организационной культуры, то первоначально были изучены методы подбора персонала на предприятии. Большинство респондентов (64 %) указали, что узнали о вакансии в организации от родственников,

друзей и знакомых, 18 % – нашли вакансию на сайте, 16 % – пришли после учебного заведения и 2 % – увидели информацию на рекламном стенде.

Далее был исследован параметр, связанный с методиками отбора при трудоустройстве. В организации чаще всего (59,2 %) организуются собеседования, также применяется анализ резюме (28,2 %) и достаточно небольшая часть приходится на тестирование (7 %) и анкетирование (5,6 %).

При этом большая часть респондентов (68 %) отметила, что при приеме их личностные качества были оценены в устной форме, а 32 % – не были оценены вообще. Что касается ценностных ориентаций, то более половины работников (54 %) не были оценены по этому параметру, в то время как остальные 46 % – в устной форме (см. табл. 4). Отсутствие оценки по данным параметрам при приеме на работу может негативно сказываться на организационной культуре, прежде всего на адаптации работников в организации, к рабочему месту, к коллективу.

Таблица 4

**Оценка личностных качеств
и ценностных ориентаций работников (в %)**

	Да, в устной форме	Нет, не оценивались
Личностные качества	68	32
Ценностные ориентации	54	46

Адаптация новых сотрудников в организации проходила следующим образом: большинству из них (38,1 %) непосредственно руководитель рассказывал о задачах, целях и т. п., 27,4 % – провели экскурсию по предприятию, 19 % – назначили наставника, 10,7 % – узнали всё сами в процессе работы, 4,8 % – раздали соответствующую памятку.

Помимо этого, респондентам предлагалось оценить, насколько приведенные в анкете утверждения, связанные с характеристикой стиля руководства, соответствуют действительности (см. табл. 5).

Более половины респондентов (59,2 %) отметили, что руководители не информируют сотрудников о ценностях и целях организации. Что касается объяснения руководством средств и методов

достижения целей организации, то здесь также наблюдается скорее негативная тенденция: более половины сотрудников (66,7 %) придерживаются мнения, что руководитель не объясняет средства и методы достижения целей организации. Также большинство работников (67,4 %) отметили, что, по их мнению, система оценки результатов труда не основывается на ценностях, которых придерживается руководитель. Таким образом, становится очевидно, что для организации являются актуальными проблемы отсутствия транслирования ценностей руководством, объяснения средств и методов достижения целей предприятия, несоответствие системы оценки результатов труда ценностям руководителя.

Таблица 5

Оценка стиля руководства (в %)

Утверждение	не соответствует	чаще не соответствует	затрудняюсь ответить	Чаще соответствует	соответствует	Итого
Руководитель информирует сотрудников о целях и ценностях организации	31,3	19,6	8,3	25,0	15,8	100
Руководитель объясняет сотрудникам средства и методы достижения целей организации	26,2	30,1	10,4	20,6	12,7	100
Система оценки результатов труда сотрудников основывается на ценностях, которых придерживается руководитель	21,7	39,1	6,5	15,2	17,4	100

В ходе исследования также выяснилось, что никакие мероприятия, направленные на повышение силы организационной культуры на предприятии не проводятся. Более двух третей респондентов (71,4 %) отметили, что мероприятий по групповому образованию (совместных проектов, семинаров, обучения подразделений, совместных выезды и т. д.) нет либо они не знают о них, остальные 28,6 % высказались в пользу их наличия, при этом среди этой группы сотрудников всего половина (51,5 %) посещает эти мероприятия.

Что касается мероприятий, направленных на получение обратной связи (споры, дискуссии, кружки качества и пр.), то здесь

наблюдается похожая ситуация: большинство сотрудников (70 %) говорят об отсутствии соответствующих мероприятий и всего одна треть опрошенных (30 %) – об их наличии, при этом три пятых (60 %) их посещают, а 40 % – нет.

Также было выявлено, что в организации не проводятся опросы по выявлению жизненных целей работников. Это отметило большинство сотрудников (87,8 %). Кроме того, параметром, снижающим силу организационной культуры, является и то, что на предприятии отсутствует планирование карьеры сотрудников. Об этом заявили 83,7 % респондентов. Были проанализированы также методики, с помощью которых осуществляется построение карьеры сотрудников. Здесь опять же подтверждается то, что сотрудники не проинформированы по вопросу своего карьерного роста, так как большинство опрошенных (46,9 %) не знают, какие методики используются в организации, 32,7 % отметили, что предприятие не занимается этим вопросом.

Анализ данных проведенного исследования показал, что большинство сотрудников гордятся историей своего предприятия, совместными достижениями и инновационными разработками. Кроме того, такие элементы организационной культуры, как внешние символы и атрибуты предприятия (логотип организации, официальное название, рабочая форма одежды и т. д.) знакомы и понятны сотрудникам, что положительно влияет на ощущение сотрудниками себя как части организации.

Вместе с тем в организации есть проблемы, которые оказывают существенное влияние на его организационную культуру и ведут к ослаблению ее силы, что впоследствии снижает эффективность деятельности организации:

- 1) текучесть молодых специалистов вследствие их неудовлетворенности типом организационной культуры;
- 2) отсутствие профессиональных управленческих компетенций по формированию эффективной современной организационной культуры у значительной части руководителей;
- 3) недостаток мероприятий, направленных на повышение силы организационной культуры предприятия.

Для устранения выявленных недостатков руководству предприятия была предложена система мероприятий по совершенствованию организационной культуры: ежемесячное подведение

итогах рабочего процесса, награждение лучших сотрудников, создание и распространение «Кодекса корпоративной культуры», проведение кружков качества и обучение руководителей методам управления. Внедрение предлагаемых мер позволит повысить производительность труда на предприятии, удовлетворенность сотрудников организационной культурой, снизить текучесть кадров среди молодых специалистов, улучшить профессиональную подготовку руководителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данилюк А. А.* Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учеб. пособие. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2015. 304 с.
- Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры / под ред. И. В. Андреевой. СПб. : Питер, 2001. 320 с.

УДК 316.773.4

А. Е. Перова

аспирант кафедры социологии факультета международной журналистики
Московского государственного института международных отношений (У)
МИД РФ; e-mail: aeperova@yandex.ru

ЛОКАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ «НОВОЙ» КАТАСТРОФЫ: КЕЙС-СТАДИ АВАРИИ НА АЭС ФУКУСИМА-1 В ЯПОНИИ

В статье представлен социологический анализ нарративов явления «нового» катастрофизма на примере одной из недавних катастроф такого рода – ядерной аварии на АЭС Фукусима-1. В начале статьи представлен обзор особенностей нового катастрофизма и связанных с ним нарративов. Рассматриваются основные нарративы, локальные и общенациональные, свойственные японской культуре: нарративы природной катастрофы, антропогенной катастрофы, нарратив выживания и нарратив жертвы (дискриминации и суицида).

Ключевые слова: нарратив катастрофы; неокатастрофизм; авария на АЭС Фукусима; социология катастроф; инвайронменталистская социология.

Anastasiia E. Perova

Postgraduate Student, Department of Sociology, International Journalism
Faculty, MGIMO University (U); e-mail: aeperova@yandex.ru

LOCAL NARRATIVE OF A “NEW” CATASTROPHE BASED ON THE EXAMPLE OF THE FUKUSHIMA-DAIICHI NUCLEAR POWER STATION BREAKDOWN IN JAPAN

In the article, a sociological analysis of the narratives of “new” catastrophism is presented, based on the example of the nuclear accident at the Fukushima-Daiichi plant. Local narratives of the disaster are analyzed, which are typical for the Japanese culture. It should be outlined that while the survival despite the vicissitudes of life, linked to the narrative of an unavoidable natural disaster, is spoken about with pleasure (and it also provides the disaster with Japanese features), the technological disaster and the search for the ones to blame are not preferable topics for discussion among the Japanese.

Key words: disaster narrative; neocatastrophism; Fukushima nuclear power plant breakdown; sociology of disaster; environmental sociology.

Введение

В 2010-х гг. в социологии стало разрабатываться понятие нового катастрофизма. Дж. Урри, предложивший термин

«неокатастрофизм», приводил в качестве примеров волны экологических беженцев, опустынивание и истощение почв, истощение запасов нефти и газа, высококомобильные заболевания [Urry 2011, с. 36–47]. Другими словами, это малоизученные катастрофы, растянутые во времени и лишённые строгой локализации, неподконтрольные человеку.

Однако еще до возникновения социологии, просто в связи с необходимостью справляться с внутренними переживаниями, вызванными произошедшей катастрофой, вызванными ей смертями и потерей имущества, возникло средство, способствующее передаче опыта и коллективному обсуждению ее. Такая работа и одновременно проживание катастрофы и связанных с ней событий велась и ведется при создании нарратива.

Нарратив катастрофы – письменное или устное повествование о событиях разворачивающейся катастрофы, где сам нарратив лаконично можно определить, как «воспринимаемую последовательность неслучайно связанных событий» [Toolan 1988, с. 7]. Нарративы катастрофы могут разниться и развиваться, быть нарративом травмы (для семьи пострадавшего человека) или нарративом преступления (если обнаружится виноватая сторона).

Примечательно, что нарратив катастрофы обладает особой силой на многих уровнях жизни общества. Это не только психологическая поддержка. Он способен легитимизировать и делегитимизировать существующий политический дискурс, он также часто вписывается в нарратив подчиненной человеку природы – с той точки зрения, что катастрофа обнажает существующие уязвимости, которые, в свою очередь, связаны с действиями и решениями властей [Anderson 2011, с. 7–20].

Нарративы также способны развиваться во времени. Если рассматривать нарратив, возникший вокруг глобального потепления (этой «новой» катастрофы XXI в.), то социологи К. МакКомас и Дж. Шанахан называют пять стадий, которые он прошел: это предпроблемная стадия, период тревоги от обнаружения, общественное осознание значительного прогрессирования проблемы, постепенное снижение глубокого общественного интереса и постпроблемная фаза [McComas, Shanahan 1999, с. 30–57]. Сами нарративы сменялись с течением времени: если вначале они акцентировали внимание на скрытых опасностях и последствиях глобального

потепления, то на более поздних стадиях СМИ писали о противоречиях среди ученых.

Нарративы критичны для анализа событий, так как они позволяют вычлениить из всего хаоса окружающего мира значимое происходящее или его аспекты, описать их с интерпретацией – и в процессе коммуникации призвать к какому-либо действию [Jensena et al. 2013, с. 234–235].

Зададимся вопросом, каков потенциал «новых» катастроф порождать нарративы, и проследим, в чем их особенности. Здесь важным будет оценить, насколько комплексность подобного типа катастроф может создавать сложные, многосоставные или противоречащие друг другу нарративы. Кроме того, проследим насколько нарративы, возникшие вокруг аварии на АЭС Фукусима встраиваются в апокалиптический метанарратив.

Теоретико-методологической основой данного исследования является анализ социологической, антропологической и другой научной литературы по вопросам, связанным с аварией на АЭС Фукусима, и такие методы, как сравнение и анализ нарративов из академической литературы и прессы.

Авария на АЭС Фукусима 11 марта 2011 г.: кейс-стади «новой» катастрофы

Именно к «новым» катастрофам, раз в них соединяется природное и техническое начала, а по последствиям – глобальный и непредсказуемый характер, социологи относят такие удары стихии, как землетрясение и цунами у побережья Японии в марте 2011 г., при котором пострадала АЭС Фукусима [Яницкий 2013, с. 177]. Она пришлась на расцвет социальных медиа, она же получила 24-часовое освещение в мировых СМИ, став предметом ужаса и поводом для соболезнований для жителей всей планеты. В ней также в полной мере проявилась секвестрация знания, ведь и правительство, и оператор АЭС лишали пострадавших людей, потребителей рисков, знания о происходящей катастрофе и радиационной угрозе.

Катастрофа на атомной электростанции Фукусима-1 в Японии – это крупная радиационная авария, которая достигла 7 уровня по международной шкале ядерных событий INES. Ее можно со всей уверенностью назвать каскадирующей. Она состояла из нескольких

ударов: первыми тремя катастрофами были землетрясение силой в 8,9 балла по шкале Рихтера, последовавшее за ним цунами и авария на АЭС Фукусима-Даичи. Помимо этого, возникали и более локальные и мелкие бедствия, такие как пожары. «Четвертой катастрофой» стали «вредоносные» страхи и слухи (*fūhyō higai*), касающиеся безопасности морепродуктов, вследствие утечки радиоактивной воды после аварии на Фукусиме.

11 марта погибли около 18,600 человек, из них 94 % были убиты цунами, а 6 % – землетрясением, и связанными пожарами, оползнями, сердечными приступами, холодом, голодом и проч. Сюда также относятся 2,700 человек, чьи тела так и не были найдены. Землетрясение нанесло более широкий по географическому распространению урон, а последствия цунами были гораздо более локализованными, однако именно оно было ответственно за несравненно большее число смертей и разрушений [Gill et al. 2013, с. 3–7].

Авария на АЭС Фукусима-Даичи произошла в разгар катастрофы, невиданной со времен Второй мировой войны по масштабам потерь внутри страны. В этом смысле она уникальна, так как проходила на фоне небывалых усилий для борьбы с последствиями землетрясения и цунами.

«Местные» нарративы катастрофы

Авария на АЭС Фукусима-Даичи произошла в разгар катастрофы, невиданной со времен Второй мировой войны по масштабам потерь внутри страны. В этом смысле она уникальна, так как проходила на фоне небывалых усилий для борьбы с последствиями землетрясения и цунами.

Вокруг катастрофы 3.11 возникло несколько нарративов, к которым прибегают местные жители, рассказывающие о ней [Gill et al. 2013, с. 15–21].

Первый нарратив – *tensai* – говорит о природной катастрофе, цунами. Особенность есть в его возможных разночтениях: *tensai* в прямом переводе – «небесная» катастрофа, но есть еще вариант *tenbatsu*, или «небесная кара». Последний вариант не пользуется предпочтением, несмотря на всю его связь с религией (а в буддизме и синто есть такое понятие). Местные жители воспринимают катастрофу как неминуемую часть своей жизни, им не свойственно искать виноватого. Встречались случаи критики действий

правительства и местных властей, но все они были несущественны, пока не стало известно о нелегальном использовании средств и о взятках в борьбе с последствиями катастрофы.

Подобный фатализм можно найти отражение в следующих высказываниях. 85-летняя женщина из старого рыболовецкого рода Исиномаки, префектура Мияги, объяснила следующее: «Конечно, мы не ждали этого, мы совсем об этом не думали. Но догадываюсь, если бы вы нас спросили, любой из нас сказал бы, что это может наступить в любое время». Ей вторит другой интервьюируемый, рыбак из Минами Санрику, который потерял свою лодку при ударе стихии: «Невозможно подготовиться ко всему. <...> Невозможно прожить свою жизнь в ожидании катастрофы. Она наступит, когда наступит» [Gill et al 2013, с. 18].

В этот нарратив встраивается и буддийская идея о том, что катастрофа была не только неизбежна, но и в каком-то смысле нужна обществу. «По всей Японии люди страдали в течение долгого времени. Долгого времени. И цунами обнажило наши современные проблемы, и ограничения того, как мы заботимся друг о друге. Вот что произошло с нашей страной», – сказал японский священник, дзен-буддист [Mockett 2015, с. 43].

Второй нарратив – *jinsai* – говорит об антропогенной катастрофе, об аварии на ядерных реакторах. Он отличается от первого даже географически, так как есть районы, где жителям приходилось эвакуироваться из не пострадавших домов только из-за угрозы радиации – и в нем очень много места отводится поискам виноватого. Вину возлагают не только на компанию-оператора Терсо, но и на журналистов, неточно или предвзято освещавших события, на тогдашнего премьер-министра и все правительство. Само происшествие на АЭС было названо «человеческой катастрофой, которую можно и нужно было предвидеть и предотвратить» [Gill et al. 2013, с. 19], и некомпетентность властей в первую очередь основывается на многовековой истории борьбы Японии с последствиями сильных землетрясений и цунами. Этот нарратив также отличается большей амбивалентностью и меньшей скоростью разворачивания событий, и гораздо более длительными последствиями (по сроку рисков, с ними связанных).

В качестве примера можно привести речь главы деревни Нагадоро, в которой была объявлена добровольная эвакуация из-за

последствий радиации. «Прекрасно говорить “выметайтесь отсюда к черту”, но что нам предполагается делать после этого? Где рабочие места? Как мы должны зарабатывать на жизнь? По крайней мере, пока мы здесь, мы можем есть наш собственный рис и овощи» [Gill et al. 2013, с. 308].

Однако этот нарратив скорее замалчивался. Вот что сказал по этому поводу Т. Хаякава, главный монах буддийского храма в поселке Нараха префектуры Фукусима: «Существует атмосфера, которая не дает людям высказываться против. Если что-то представляет собой опасность, они не могут сказать, что это опасно. Если что-то неправильно, они не могут сказать, что это неправильно» [Featherstone 2016, с. 27].

В целом можно сказать, что при всей относительности такого деления, нарратив природной катастрофы объединяет людей в их общей горе, способствует формированию солидарности, в то время как нарратив антропогенной – разделяет из-за разных точек зрения на поиски виноватого или невозможности высказываться открыто.

Существует и еще один нарратив: уже не локальный, а общенациональный. Весь мир узнал о том, где находится префектура Фукусима на карте Японии, и страна не могла не ответить на катастрофу сплоченно, опираясь на многовековой опыт своей культуры. У возникшего нарратива травмы есть особый «налет» японской культуры. Японцы прибегали к термину *миѵѵ* (выживание несмотря на превратности судьбы), чтобы описать свое состояние и жизнь после удара цунами. Этот нарратив несколько стереотипен, так как он говорит о японцах, как о пассивных, но в то же время трудолюбивых и более предрасположенных (чем люди Запада) принимать или даже ценить удары стихии и исчезновение жизни [DiNitto 2014, с. 342–343].

Вот что известный писатель Харуки Мураками сказал по этому поводу: «Перспектива *миѵѵ*, согласно которой все вещи должны пройти, может пониматься, как безропотный взгляд на мир. <...> Но даже посреди этого смирения японцы способны деятельно обнаруживать источники подлинной красоты» [Murakami 2011, с. 2].

Х. Мураками назвал *миѵѵ* «одной из основных идей японской культуры», это концепт, берущий свои корни в буддизме. Он

означает, что ничто не вечно: все, приходящее в мир, изменяется и со временем исчезает. Японцы считают, что *mujo* наиболее точно описывает тот мир, в котором мы живем [Kimura, 2012, с. 66].

Примечательно и то, что авария на атомной электростанции породила определенную дискриминацию, что еще раз подчеркивает всю важность экологической справедливости в современном мире. Префектуру Фукусима относительно можно назвать «диким сельским севером», и японцы из Фукусимы столкнулись с негативным отношением со стороны «внешнего» мира. Это явление можно назвать нарративом жертвы – или, в этом конкретном случае, *hibakusha*. Также этот нарратив можно назвать подвидом нарратива антисолидарности, *jinsai*.

Для японцев, принявших решение остаться в родной префектуре, причиной тому является замалчивание информации об уровне радиации, отговорки правительства о «безопасности» аварии, подкрепляемые словами ученых и врачей, выбранных для того, чтобы говорить публике об отсутствии опасности для здоровья, когда люди боялись, что из них делают «подопытных кроликов» [Gill et al. 2013, с. 156].

Иногда, так как *hibakusha* получали дотации и определенные привилегии, они представлялись в таком качестве самостоятельно, иногда на них указывали другие люди, но всегда это «портило лицо», так как в Японии не принято выделяться [Drollette 2016, с. 100].

Во случае эвакуированных и уехавших самостоятельно – откровенно негативное приятие вынужденных мигрантов со стороны не только населения, но и некоторых политиков. К людям из префектуры Фукусима стали относиться, как к разносчикам радиации, в Интернете появились сообщения с высказываниями, полными страха, злобы и агрессии: «Вы источаете радиацию, не распространяйте ее на остальную Японию!» [Gill et al. 2013, с. 165].

В первое время дискриминация *hibakushi* слухи о возможных мутациях просочились даже в СМИ. В некоторых ток-шоу возникли разговоры о том, что не стоит жениться на девушках из пострадавшего региона, так как у их детей возможны проблемы на генном уровне [Drollette 2016, с. 100].

Остановимся на еще одном проявлении нарратива жертвы. Примечательно, что это часто очень индивидуалистский нарратив

человека, заключенного в свое одиночество. В Японии увеличивается число суицидов среди жертв катастрофы, что полиция называет случаями пролонгации посттравматического синдрома [Nagano 2015]. «В большинстве случаев эвакуированные люди живут в изоляции и им не хватает коммуникации с другими. Они выбирают умереть от голода, отказываясь от еды», – так объясняет проблему Д. Сиого, глава местной неправительственной организации города Иваки “*Kyodo-No-Tsudoi Net*”.

Заключение

Как писал немецкий социолог У. Бек, реальность становится продуктом деятельности «дискурсивных коалиций», которые «простираются через границы классов, национальных государств и систем и теперь занимают центральное место», так как именно они формируют когнитивные карты, нарративные фреймы и табу [Beck 2009, с. 89]. Как мы увидели, эти коалиции могут обладать экспертным знанием и говорить об отсутствии опасности в регионе, в течение уже нескольких лет страдающем от радиоактивных утечек, несмотря на разделяющие их границы государств. А могут быть объединены древней культурой страны, которую они любят – от простого рыбака до известного на весь мир писателя.

В целом, нами было выделено пять местных нарративов. Это доказывает сложность и комплексность аварии на АЭС Фукусима в восприятии ее социумом, и позволяет поставить ее в один ряд с другими «новыми» катастрофами, к изучению которых социология обратилась в недавнем времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ: Монография. М.: Институт социологии РАН, 2013. 258 с.
- Anderson M. D. Disaster Writing: The Cultural Politics of Catastrophe in Latin America. Charlottesville, University of Virginia Press, 2011. 241 с.
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. 260 p.
- DiNitto R. Narrating the cultural trauma of 3/11: the debris of post-Fukushima literature and film // Japan Forum, 2014, 26 (3). P. 340–360.
- Drollette Jr D. Fukushima Future Studies: five years later, what have we learned? // Bulletin of the Atomic Scientists, 2016, 72 (2). P. 97–104.

- Featherstone S.* The ghosts of Fukushima // *New Republic*, July-August, 2016. P. 22–29.
- Gill T., Steger B., Slater D. H.* (eds.) *Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011*. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. 328 p.
- Jensena A., van Bommel S., Pedersena A. B., Nielsena H. Ø., Kuindersma W.* Framing climate change: new directions in Dutch and Danish planning strategies // *Planning Theory & Practice*, 2013, 14 (2). P. 233–247
- Mockett M. M.* *Where the dead pause and the Japanese say goodbye: a journey*. N.Y.: W.W. Norton & Company, Inc., 2015. 336 p.
- Murakami H.* Speaking as an Unrealistic Dreamer // *The Asia-Pacific Journal*. 2011. # 9 (29).
- Nagano M.* Suicides rise among Fukushima nuclear disaster evacuees, 2015. URL: ajw.asahi.com/article/0311disaster/fukushima/AJ201512280026
- Toolan M.* *Narrative: A Critical Linguistic Introduction*. London: Routledge, 1988. 260 p.
- Urry J.* *Climate Change and Society*. Malden: Polity Press, 2011. 200 p.

УДК 316.624

В. Л. Примаков

доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук, МГЛУ; e-mail: vprim2007@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ: НАУЧНЫЙ ФОРМАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ

В статье на основе данных социологического исследования раскрывается проблема профилактики экстремизма в современном коммуникационном поле взаимодействия молодежи и подростков. Пространства современной коммуникации молодежи рассматриваются с точки зрения анализа их профилактического содержания и действенности. Анализируется проблема референтности коммуникационных пространств.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; пространства современной коммуникации; профилактика молодежного экстремизма.

Primakov V. L.

Doctor of Sociological (Dr.habil.), Professor of the Department of Sociology of Institute for Foreign Relations and Social and Political Studies, MSLU; e-mail: vprim2007@yandex.ru

MODERN COMMUNICATION AND PREVENTION OF EXTREMISM AMONG YOUTH: SCIENTIFIC FORMAT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

On the basis of data of the sociological survey, the article reveals the problem of extremism prevention in contemporary wide communication area of youth and teenagers. The author describes areas of modern youth communication from the perspective of analysis of prevention content and efficiency. In the article the problem of referentiality of communication areas is analysed.

Key words: youth extremism; areas of modern communication; prevention of youth extremism.

За последние несколько десятилетий современное российское общество существенно изменило свое коммуникационное пространство, причем как структурно, так и содержательно. Значительно сузились (и по объему, и по содержанию) непосредственные традиционные межличностные семейные коммуникационные связи и отношения, их влияние на формирование личности ребенка и жизнь в целом. При этом возросла коммуникационная (и социализирующая) роль групповых молодежных связей, виртуального

взаимодействия. Повысилась роль в социальном развитии молодых людей, определении ими своего социального статуса сферы досуга, молодежных увлечений, так называемых тусовок, где и проявляется личностное «Я», собственная идентичность. При этом сфера образования, спорта, работы, профессиональной самореализации и даже семьи существенно отодвигаются на второстепенные ценностно-ориентационные позиции. Можно по-разному к этому относиться, но это стало фактом, а для подростков и молодежи естественной средой обитания, повседневных коммуникаций. Поэтому проблема молодежного экстремизма и его профилактики оказывается «переплетенной» с современным коммуникационным пространством молодых людей¹. Более того, именно в этом пространстве не только широко проявляется экстремизм, но нередко зарождается и формируется в нем. Например, информационный экстремизм, имеющий различные формы, в том числе и сопряженный с психическим, социальным, прямым и опосредованным насилием. Экстремизм, особенно с использованием сетевого взаимодействия и всего виртуального пространства, стал, по сути, аккумулятором роста экстремистских преступлений. По наблюдениям специалистов, основной прирост преступлений экстремистской направленности связан с тем, что их стали активно выявлять в Интернете. Например, в 2014 г. в Сети было удалено свыше 500 экстремистских материалов, 406 интернет-ресурсов с экстремистскими материалами закрыты [Саблуков 2012]. Однако, по оценкам руководителя Анти-террористического центра государств СНГ, генерал-полковника полиции Андрея Новикова, «за три года количество публикаций с экстремистским содержанием в Интернете выросло в шесть раз. Особое внимание террористы уделяют работе социальных сетей» [Новиков... Электронный ресурс].

В связи с этим проблема профилактики экстремизма на отдельных полях коммуникации и в широком коммуникационном пространстве становится особенно актуальной в общем содержании противодействия молодежному экстремизму. Научных исследований по этой проблематике явно недостаточно [Профилактика

¹ Научному анализу концептуального подхода к профилактике экстремизма среди молодежи и подростков, а также опыту и практике ее организации посвящены предыдущие статьи автора в данном журнале.

экстремистской деятельности... Электронный ресурс; Саблуков 2012; Социологический анализ этнокультурного... 2017]. При этом важно подчеркнуть, что профилактическая работа по предупреждению экстремизма, охватывая многие сферы социальных отношений и взаимодействий, существенно снижает свою эффективность, а порой даже и присутственную роль, в наиболее важных для молодых людей пространствах коммуникаций. Например, в молодежных организациях и группировках, особенно контркультурной, асоциальной, изоляционистской направленности, или в сетевом взаимодействии, в пространстве доступа к широкому информационному контенту, в том числе через СМИ и Интернет. Достаточно закрыто для контроля и целенаправленного профилактического воздействия сфера подростково-молодежного досуга, бесцельного (как считают взрослые) времяпрепровождения, увлечений. Отсутствуют специалисты как в организации, так и в профилактике экстремизма в этих узких областях коммуникаций, не выработаны конкретные рекомендации, формы, технологии профилактической работы. Это красноречиво подтверждают данные опроса специалистов по профилактике асоциального поведения подростков и молодежи (см. рис. 1) [Давыдов... Электронный ресурс].

Почти 60 % опрошенных нуждаются в знаниях о конкретных рекомендациях и современных технологиях профилактической работы. Судя по данным экспертного опроса, специалистам (!) не хватает знаний практически во всем, что касается профилактики: и знаний сущности, и причин экстремизма, и форм проявлений, и практических компетенций, и знаний законов, и руководящих документов. Это подтверждает вывод о том, что у субъектов профилактики не сформировано понимание специфики сфер, пространств, как молодежной коммуникации, так и профилактической работы в этих областях.

Обобщая представления экспертов, ученых и специалистов-практиков, представляется возможным смоделировать *пространства* современной коммуникации подростков и молодежи, где происходит формирование и развитие их социальных отношений (рис. 2).

Конечно, все возможные пространства коммуникации не исчерпываются представленными на рисунке. Могут выделяться отдельные площадки, как и наверняка будут появляться новые.

Однако их содержательная локализация, в том числе в логике взаимодействующих субъектов позволяет более точно выделить некоторые меры, приемы, способы, формы профилактики молодежного экстремизма. Пространства социальных взаимодействий молодежи в таком контексте выступают конкретными площадками профилактической работы, где создаются (или должны создаваться) условия для формирования целостной, активной, толерантной личности и неэкстремистских практик.

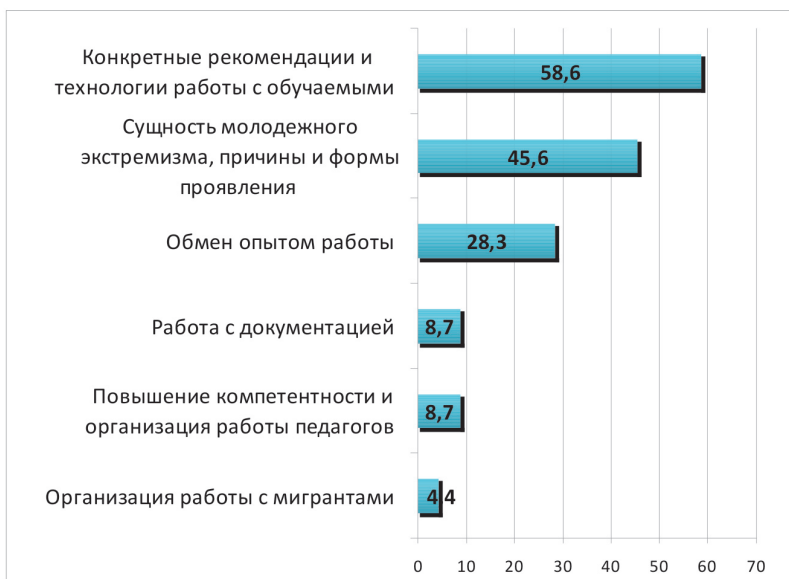

Рис. 1. Потребности субъектов профилактики молодежного экстремизма в информации для организации эффективной профилактической работы (в %)

Семья, особенно родительская, – важнейший институт социализации, осуществления первичных коммуникаций. Однако она теряет свое влияние в значительно более поздних периодах взросления. Это та площадка, где изначально происходит наиболее активное социальное взаимодействие, где формируется эмоциональная жизнь ребенка, создается ценностно-нормативная структура личности. При этом, как отмечают эксперты, основы ксенофобии и экстремизма нередко закладываются именно в семье. Именно семья формирует ориентационную основу как экстремистских проявлений, так и противостояния им.

Рис. 2. Основные коммуникационные пространства подростков и молодежи

К сожалению, современная семья не обладает той доминирующей ролью в коммуникационных связях подростков и молодежи, как это было ранее. Налицо, если можно так выразиться,

коммуникационный кризис современной семьи. Этот кризис проявляется во всё более массовом проявлении типов внутрисемейных отношений, характеризующихся недостаточно развитым нравственно-коммуникационным потенциалом: семьи с навязчивой тотальностью взаимосвязей, контроля, забот родителей; конфликтные семьи, где родителям нет дела до детей; внешне благополучные семьи с демонстрацией нормальности, где процветает бездуховность, лживость, цинизм; отсутствует связь поколений; неблагополучные семьи, для которых характерны аморальное поведение, грубость, насилие, в том числе и над детьми. Подростки и молодые люди в таких условиях теряют нравственную, ориентировочную, оценочную связь с семьей, а коммуникации с родителями становятся всё более формальными и малозначимыми. В таких семьях налицо дисфункциональность внутрисемейных коммуникаций, проявляющаяся: в отсутствие открытого, доверительного общения; в невнимании и отсутствие интереса к ребенку; в недостаточности заботы о ребенке, его безопасности, в том числе и психологической; в невнимательности и некритичности к асоциальным проявлениям; в отсутствие правил и обязанностей, четкого определения ролей; в жестком контроле вместо доверия либо в попустительстве и т. п.

Коммуникации в сфере образования в самом общем приближении должны формировать компетенции эффективного социального взаимодействия, основанного на действующих нормах морали, нравственности, высокой духовности. При этом образовательное взаимодействие, складывающиеся в этом процессе связи и отношения формируют коммуникационные установки, ориентации и практики. В образовательном процессе формируются навыки межличностного общения между детьми, принадлежащими к различным группам, общностям, культурам, в том числе этноконфессиональным. В процессе познания осваиваются законы социального мира, общества в целом, способы существования в границах этого мира (социальные роли, статусы, отношения). Детский сад, школа, профессиональное учебное заведение выступают для ребенка первой и основной моделью социальных коммуникаций. Это, во-первых. Во-вторых, образовательные коммуникации очень тесно связаны с воспитательными. В рамках педагогического процесса складываются собственные отношения, интернализируются

нормы и ценности, формируется внутренняя коммуникационная концепция обучающегося. А вот этот компонент, к сожалению, существенно снизил свою эффективность в школьном коммуникационном пространстве. Приходится констатировать, что в большинстве случаев современная школа обеспечивает взаимодействие скорее для получения знаний, иногда только для баллов аттестата и ЕГЭ, а не для эффективной самореализации, развития социальности, творческого освоения социального пространства.

В-третьих, образовательные коммуникации организуют и осуществляют специально подготовленные люди – учителя, воспитатели, психологи, управленцы. Иными словами, процесс должен быть организован, подконтролен, методически валиден с точки зрения и профилактики молодежного экстремизма. Однако эффективность их профилактической деятельности далека от высокой оценки. Ученые и практики отмечают, что вся система школьного взаимодействия строится на авторитарности при декларации демократических ценностей. Язык, ценности, проблемы подростков всё более становятся чуждыми для педагогов, а дистанция (в том числе коммуникационная) между учителями и учениками быстро увеличивается. Готовность к диалогу обеих сторон чаще всего декларируется.

Как *коммуникационное пространство сфера досуга*, увлечений мало изучена и, соответственно, мало используется в профилактике экстремизма в подростково-молодежной среде. В то время как именно туда (в противовес образованию, работе, творческому развитию, участию в семейных делах), как отмечают ученые и практики, смещается значимость социальной реализации подростков и молодежи. Формируется целая система моделей, практик, институциональных образований и соответствующих коммуникаций, реализующих потребности молодых людей проявить себя в этой сфере (стать «крутым», известным, модным, посвященным и т. п.). Взаимодействие в сфере досуга и увлечений обрастает огромным числом коммуникационных элементов, понятным только посвященным (прически, одежда, атрибуты, манеры поведения, сленг, знаки, наклейки и нашивки и т. п.). Что стало достаточно прибыльным делом и поддерживается другими институтами и бизнесом (например, мода, изготовление одежды, снаряжения

и т. п.). Причем поскольку растет ценность самореализации в досуге, растет и значимость коммуникации в этой сфере, отодвигая всё остальные.

Конечно, существует и другая часть сферы досуга – так называемая организованная: внеклассная работа в школах, участие молодежи в деятельности различных учреждений дополнительного образования детей и подростков (центры, школы, дома творчества, искусств и т. п.), занятия спортом (детско-юношеские спортивные школы, секции и т. п.) и др. Однако это пространство существенно проигрывает в столкновении с так называемым неорганизованным за объем участников, насыщенность, статусность достижений и разнообразие коммуникационного контента, социальную значимость в глазах сверстников.

Профилактика экстремизма на этом пространстве относительно эффективно осуществляется только главным образом в организованных формах участия подростков и молодежи. Для профилактики в неорганизованных формах сегодня нет, к сожалению, ни инновационных идей, ни альтернативных существующим форм, ни специалистов, ни методик. В то время как именно эти площадки коммуникации наиболее массовы по составу участников, разнообразны по идеологемам, практикам, формам.

Еще одно пространство самоорганизующейся и в целом слабо контролируемой в профилактическом плане коммуникации представляют собой *различные объединения, организации и группы детей, подростков и молодежи* (от группы одноклассников, товарищей, друзей до организаций молодежных субкультур и объединений). Это пространство также условно делится на так называемое организованное и неорганизованное (иногда специалисты используют определения «формальные» и «неформальные» объединения, или системные и несистемные, стихийные). К первым относят различные детские и молодежные объединения: пионерское, скаутское, историко-культурные и туристическо-краеведческие объединения (например, «Родники», «Путь к истокам» и др.); организации военно-патриотической направленности (например, «Стяг», «Зарница», «Орленок», «Перекоп» и др.); экологические объединения (например, «Наша природа», «Экологическое содружество» и др.); волонтерские, благотворительные и социально-реабилитационные организации, объединения профессиональной подготовки (например, «Детский бизнес-клуб», «Союз юных предпринимателей»

и др.); религиозные детские объединения (например, «Вестник», «Братство православных следопытов» и др.); творческие объединения (например, музыкальные, культурные и др.), спортивные (например, экстремальных видов спорта); политические (например, провластные «Местные», «Наши», «Молодая гвардия» и др.). Иными словами, организованная площадка коммуникаций достаточно широка и, как правило, активно включена в профилактическую работу.

Другая составная часть подростковых молодежных объединений не систематизирована, внешне не организована, слабо контролируема и регулируема внешними субъектами. Доминирует внутренняя самоорганизация. Именно в этой среде наиболее распространена идеология и практика экстремизма. Конечно, не все такие организации экстремистские, однако именно последние представляют наибольшую угрозу. Достаточно сказать, что, например, по данным Московского бюро по правам человека, в России на сегодняшний день действует более 150 видов молодежных экстремистских группировок. Эти группировки существуют во всех крупных городах страны и становятся всё более многочисленными, организованными и политизированными. Возрастные группы их участников достаточно широки (от 13 до 30 лет), однако наиболее криминальными считаются группировки 15–17-летних. При этом молодые радикалы присутствуют в семьях с самым различным уровнем дохода, образования, культуры. Предметное поле коммуникаций, осуществляемых в этой среде, отражает самые различные стороны социальных отношений: национальных, религиозных, политических, межкультурных (межсубкультурных), социальных. Формы коммуникаций в основном носят стихийный характер. Нет необходимости констатировать, что именно эта составная часть молодежного пространства особенно сложна и важна в предупредительной работе.

Пространство современного информационного контента, главным образом СМИ (особенно ТВ) и Интернета (как информационной среды), сегодня превратилось в основной источник информации для молодого поколения. СМИ и Интернет позволяют получать (узнать, увидеть практически он-лайн) сегодня то, для чего раньше необходимо было потрудиться и вырасти (и физически, и духовно, и интеллектуально). Ограничений на получение доступа к этим источникам практически нет. СМИ

и Интернет не только расширяют информационный контент, упрощают поиск, нахождение и использование информации, но и превращаются в пространство, в которое молодой человек постоянно «погружен» в качестве пассивного потребителя информационной услуги, массовой культуры. Причем целенаправленно произведенной (иногда далекой от нравственной чистоты и духовности) и красиво упакованной (яркие образы, музыкальное оформление, модные, примитивные идеи, шаблоны, форматы). Создатели этого контента хорошо учитывают особенности личности подростка и молодого человека: неразвитость личностной рефлексии, неспособность дать критическую оценку услышанному и увиденному, нежелание интеллектуально и нравственно «напрягаться», эталонность и шаблонность мышления и оценок. Поэтому широкий информационно-коммуникационный контент превратился сегодня в достаточно опасного духовно-нравственного противника в борьбе с экстремизмом. Во-первых, он формирует эталоны поведения, ценности, нормы, оценки у широкой аудитории детей, подростков и молодежи, не способной критично их осмыслить и переработать. Многое воспринимается буквально, непосредственно, искаженно. Примеры порочных отношений, убийства, примитивные чувства, жестокость, «крутость» поведения и т. п., – всё это формирует негативный оценочно-поведенческий потенциал экстремизма. Во-вторых, этот контент сам содержит в себе непосредственные призывы, установки, рекомендации и пр. для осуществления экстремистских деяний (в Интернете, по некоторым экспертным данным, функционирует более 7 тыс. экстремистских сайтов). Эффективных мер действенного противоборства, а тем более профилактической работы на этом пространстве у специалистов, к сожалению, не сформировано. При этом запретительные меры не только не решают проблемы, но, скорее, загоняют ее в тупик.

Экстремизм и борьба с ним захватывает всё новые пространства молодежных коммуникаций. Интернет существенно расширил пространства сетевого взаимодействия, создав возможность не только строить коммуникации, но практически жить в виртуальной среде, стать виртуальной личностью, взаимодействовать с такими же виртуальными субъектами. *Пространство сетевого взаимодействия* само по себе не есть зло, оно расширяет коммуникационные связи, обмен информацией, формирует так называемую

виртуальную социальность. Но при этом сетевая среда с точки зрения противодействия экстремизму становится опасным противником. Прежде всего, есть смысл заметить, что чрезмерная погруженность в эту среду примитивизирует подростков и молодежь, превращает их в социальных недорослей, неспособных и нежелающих налаживать эффективные взаимодействия в «реале». Эта среда приносит удовольствие в отличие от реальной среды (общение, самоутверждение, победы в играх и пр.). Находясь в ней, не нужно себя напрягать, быть реально взаимодействующей личностью, рефлексировать. Можно легко стать виртуальным, быть любым другим (супергероем, даже поменять пол, возраст). Правда, потом приходится возвращаться в реальную жизнь, с ее проблемами, обязанностями, а желания, навыков и компетенций для этого нет. Ученые говорят об опасности формирования общества «кидалтов»¹ – уже немолодых людей, имеющих несоответствующую возрасту ценностно ориентационную основу, практики поведения, незрелых, бесполов, безответственных эскапистов. Такая сетевая среда является питательной основой для экстремистских установок в отношении к другим («кто-то же должен быть виноват в проблемах реальной жизни»).

С другой стороны, сетевая среда коммуникаций стала площадкой для распространения нигилистических, экстремистских установок, ориентаций, практик. Так, социальные сети выступают сегодня одной из основных коммуникационных площадок как организации, так и обсуждения эффекта широко распространенных в подростково-молодежной среде флэш-мобов. Причем не только острого социального содержания, но и протеста, в том числе экстремистского по идеям. Как показал анализ межнациональных столкновений последних лет, информационно-коммуникационной площадкой практически для всех выступлений являлись социальные сети. При этом необходимо признать, что среда сетевого взаимодействия также остается далекой от предметного анти-экстремистского анализа, а тем более выстраивания эффективной профилактической работы.

¹ *Kidult* – неологизм, придуманный для обозначения современных Питеров Пэнов – *kidult* (от англ. *kid* – *малыш* и *adult* – *взрослый*); взрослый человек, сохраняющий свои детские и юношеские увлечения. В психологии для обозначения этого склада личности используется латинский термин *puer aeternus*.

При анализе коммуникационных пространств и выборе наиболее действенных и эффективных мер и способов профилактической работы необходимо учитывать одно важное обстоятельство: рассмотренные выше коммуникационные пространства представлены скорее содержательно, чем структурно. При этом оценка их значимости, важности в профилактической работе существенно разнится в представлениях экспертов и молодежи. Иными словами, эксперты, специалисты несколько по-другому, чем подростки и молодежь, оценивают важность и, соответственно, действенность в профилактической работе различных средств коммуникации. Так, например, в рамках социологического опроса подростков и молодежи выявлялись основные коммуникационные пути, средства взаимодействия в этой среде. По причине отсутствия возможности напрямую прояснить этот список у подростков и молодых людей (в силу сложности интерпретации основных понятий), мы выяснили основные источники получения самой широкой информации о жизни, происходящих событиях и др. (рис. 3).

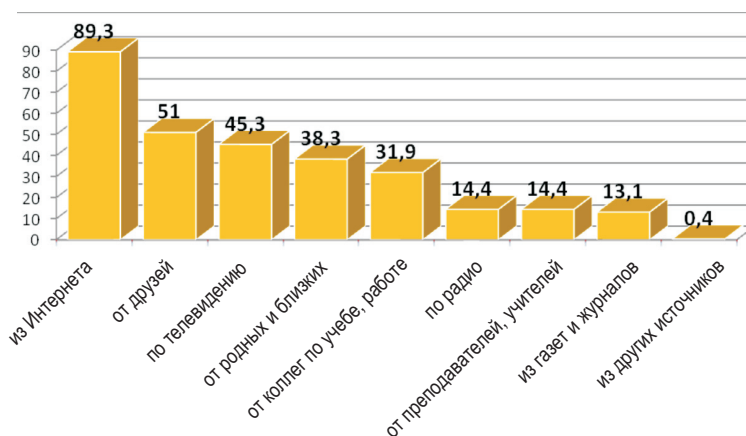

Рис. 3. Основные источники информации о современной жизни, происходящих событиях в оценках подростков и молодежи, % (сумма больше 100%, так как можно выбрать несколько вариантов ответа)

Интерпретируя полученные данные как основные коммуникационные площадки, средства, используемые современной молодежью, можно с уверенностью подтвердить вывод о том, что Интернет сегодня стал основным местом и средством коммуникации (почти

для 90% молодых людей). Причем виртуальное пространство доминирует как площадка обмена информацией практически у всех категорий и групп молодежи независимо от пола, возраста, достатка. Далее в упорядоченном списке артикулируются друзья (51 %), телевидение (особенно выделяется из всех СМИ более чем 45 % опрошенных), родные и близкие (имеется в виду прежде всего семья – для 38 %) и коллеги по учебе, работе (почти 32 %). Детерминационный анализ перекрестных группировок этого списка источников с различными социальными характеристиками опрошенных позволяет утверждать, что подобная структура информационно-коммуникационных доминант не меняется практически во всех группах опрошенных. Разве что некоторые СМИ (например, радио) у подростков отмечаются более часто, чем среди более повзрослевшей части молодежи (для них существенно значимее печатные издания).

Следует подчеркнуть, что структура важности информационно-коммуникационного пространства молодежи и структура референтных позиций коммуникационных пространств, выделенных экспертами, существенно разнятся по своей упорядоченности. Взяв за основу упорядоченный ряд пространств коммуникации, выстроенный на основе высказываний экспертов, мы попытались соединить его со списком, составленным на основе ответов подростков и молодежи (см. табл. 1).

Таблица 1

Упорядоченная структура коммуникационно-информационных пространств подростков и молодежи в контексте противодействия экстремизму

Пространства	Упорядоченность в суждениях и мнениях экспертов, специалистов	Упорядоченность на основе оценок подростков и молодежи
Образовательное пространство, учителя, педагоги	1	6
Семейное пространство, родные и близкие	2	4 (5)
Интернет как источник информации, СМИ	3	1, 2

Пространства	Упорядоченность в суждениях и мнениях экспертов, специалистов	Упорядоченность на основе оценок подростков и молодежи
Пространство сетевого взаимодействия	4	
Пространство досуга, увлечений	5	3
Молодежные организации, объединения, субкультуры	6	5 (4)

Примечание: для различных групп подростков и молодежи некоторые сферы коммуникаций существенно меняют свою значимость. Так, например, для подростков внутрисемейные коммуникации оказывались более значимыми, чем для молодежи. Этим и определяется двойственность некоторых позиций.

Как видно, значимость ряда сфер, площадок существенно не совпадает. Молодежь живет в несколько ином коммуникационно-информационном пространстве (!). Основные коммуникации, получение информации и информационный обмен у них происходит в сети, по каналам Интернета и СМИ, главным образом телевидения, в рамках досуга, увлечений, группового общения, молодежных «тусовок» различного уровня и организации. Эксперты и специалисты в области профилактики (кстати, это в основном педагоги, психологи, журналисты, работники СМИ, организаторы молодежного движения) рассматривают в качестве наиболее значимых коммуникационных площадок образование, семью, организованный досуг, увлечения, с одной стороны, и всё остальное несистематизированное и неконтролируемое пространство коммуникаций и обмена информацией – с другой. Понятно, что в этом значительную роль играет контекст оценки (мы ведь с экспертами говорили о профилактике молодежного экстремизма). Однако различие в структуре не может не удивлять, что без сомнения должно учитываться в профилактической работе. С другой стороны, такое расхождение обоснованно можно считать вполне закономерным. Взрослые, специалисты и дети, подростки по-разному оценивают многие стороны социальной жизни (например: важность друзей, жизненные цели и способы их достижения, роль образования, семьи, отдельных увлечений и пр.).

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд основополагающих методологических выводов, определяющих как направления, так и способы профилактики молодежного экстремизма. Важно прежде всего понять, если мы хотим повысить действенность профилактической работы, то нужно «идти» к подросткам и молодежи, «погружаться» в их коммуникационные пространства, «работать» их технологиями. Это, во-первых. Во-вторых, необходимо и содержательно, и по формам взаимодействия менять традиционные профилактические коммуникационные пространства: семью, школу, досуг. Понятно, что при этом функционально, с точки зрения профилактики экстремизма, должны работать все остальные общественные институты (экономика, политика, культура, религия, СМИ, система правопорядка и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В России вдвое выросло количество экстремистских преступлений. URL: news.rambler.ru/26961467/
- Давыдов Д. Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде. URL: www.muh.ru/content/doc/2013/2013_02_Davydov.pdf.
- Новиков: террористы ведут большую работу в социальных сетях. URL: ru.sputnik-tj.com/radio/20170602/1022482703/novikov-rerroristy-sotsialnye4y-seti-verbovka.html
- Профилактика экстремистской деятельности в молодежной среде. URL: www.csghped.ru/ekstremizm2.html.
- Саблуков А. В. Профилактика и противодействие терроризму: информационно-коммуникационный аспект // Геополитика. Международные отношения. Социология. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. С. 233–248. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та ; вып. 25 (658). Сер. Исторические и политические науки)
- Социологический анализ этнокультурного развития и профилактики экстремизма в молодежной среде: коллективная монография / И. В. Образцов [и др.]. М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. 305 с.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 2 (786)	Issue 2 (786)

Ответственные за выпуск 2 (786):
доктор политических наук, доц. В. К. Белозеров
доктор исторических наук Л. Г. Ивашов
доктор социологических наук И. В. Образцов

Редакторы:
Н. Г. Павлова, Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка *Г. П. Лопатиной*
Дизайн обложки *А. Г. Проскуракова*

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 29.11.2017 г.
Усл. печ. л. 17,8. Формат 60х90/16
Заказ № 1568

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки:

07.00.00 – Исторические науки и археология
22.00.00 – Социологические науки
23.00.00 – Политология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66049 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: MSLU-SOC.RU
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна